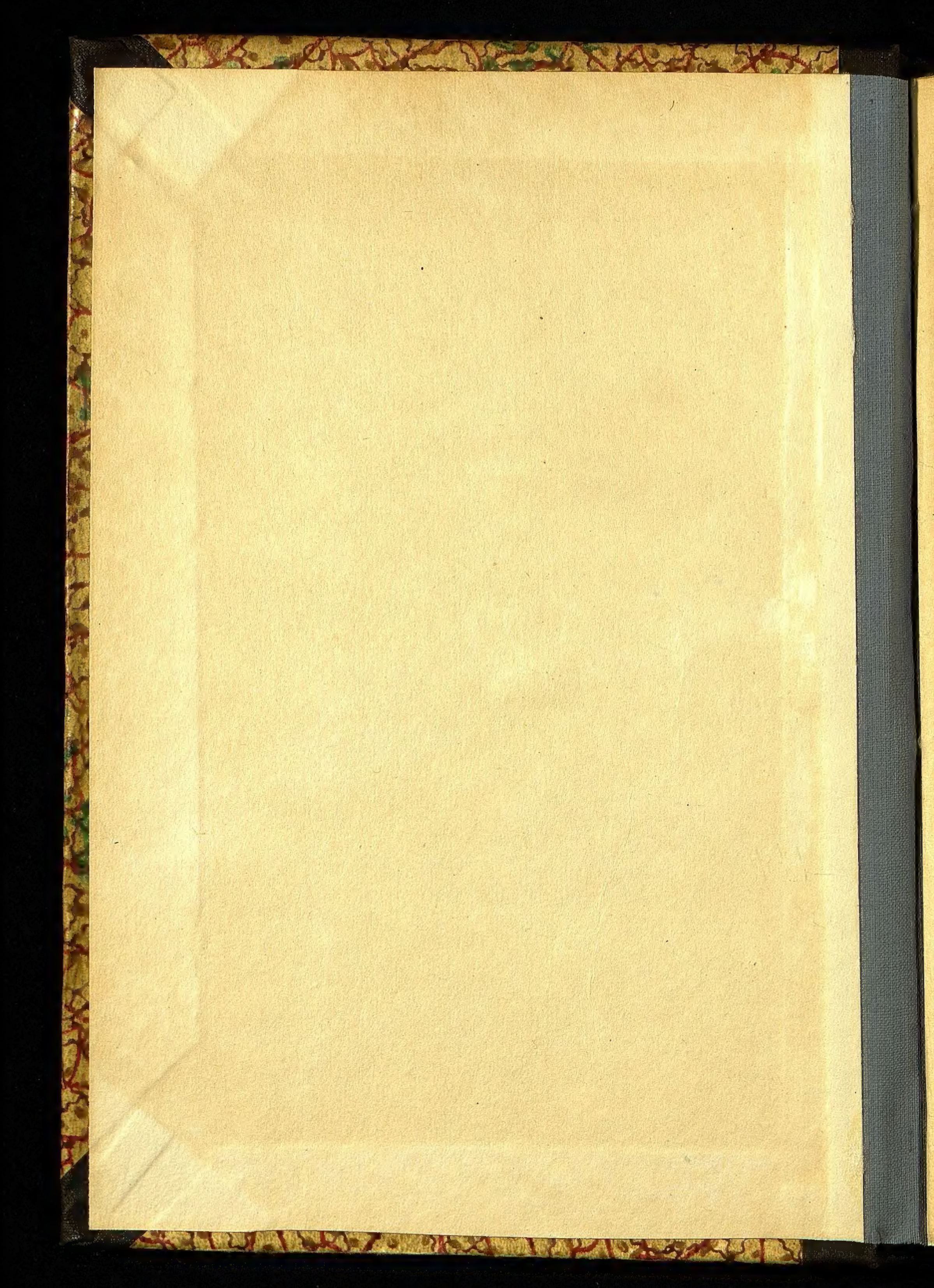

156 2/8.

…СКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ ПРИ ЛИФЛИ

Б. А. ЛАРИН

РУССКАЯ ГРАММАТИКА ЛУДОЛЬФА

1936 года

[1696]

ЛЕНИНГРАД · 1937

ЛЕНИНГРАДСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ ПРИ ЛИФЛИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

I

ИЗДАНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАД 1937

ЛЕНИНГРАДСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ ПРИ ЛИФЛИ

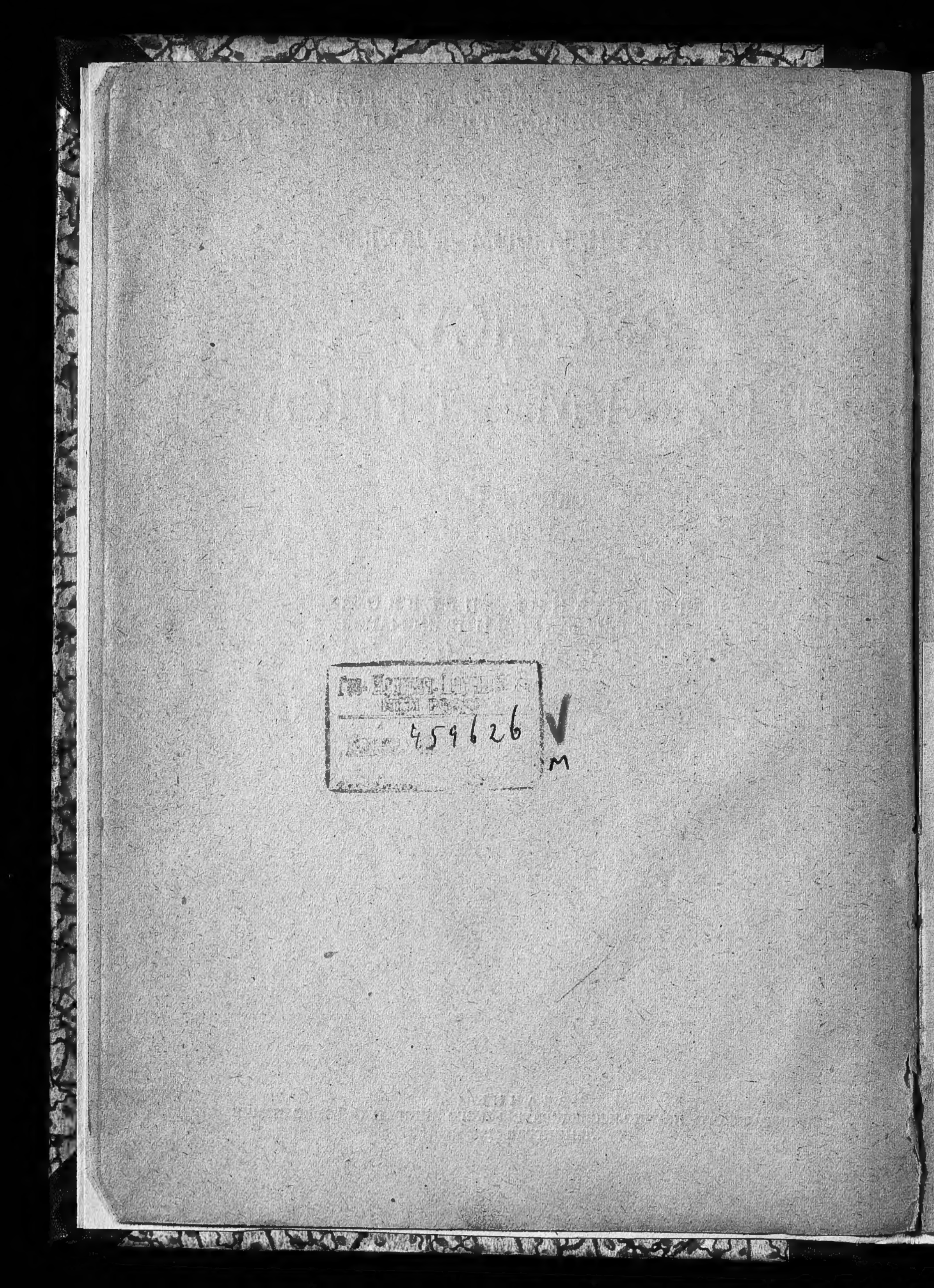
ГЕНРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ ЛУДОЛЬФ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

ОКСФОРД
1696

ПЕРЕИЗДАНИЕ, ПЕРЕВОД,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Б. А. ЛАРИНА

ИЗДАНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАД 1937

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Генриха В. Лудольфа, переиздаваемая нами через 240 лет после ее выхода в свет, представляет незаурядный интерес и для лингвиста, и для филолога, и для историка. Выходец из передового саксонского бюргерства, широко образованный человек, Лудольф — в отличие от многих других, побывавших в России иностранцев — отнесся к наблюденным им фактам и к слышанным рассказам с исключительной трезвостью, с живым и доброжелательным интересом, с достаточным доверием и с достаточной осторожностью. Книга в основном посвящена языку, но она дает немало и для историка культуры, нравов, хозяйства России конца XVII века.[1] Двенадцать вводных страниц и завершающий книгу трактат о природе и населении России (стр. 91-ая след.) ают в основном достоверный и обобщенный, а не анекдотичеий материал о стране и народе.[2] Меньше половины основного кста занимает краткая оригинальная и чрезвычайно ценная амматика русского языка, разговорного языка разных классов бщества, но преимущественно господствующего класса. Большую асть книги, и наиболее увлекательную для всякого читателя асть — занимают диалоги, пять бытовых и один на тему о рели-

---

[1] Лудольф провел в Московии 1693-й год, а, возможно, еще и часть 92-го и 1694-го.

[2] Почти к тому же времени относятся две известных книги иностранцев, вавших в России и описавших все виденное. Это:

1. De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie, contenant l'état ent de cet Empire, les expeditions des Moscovites en Crimée, en 1689. Les ses des derniers Revolutions. Leurs mœurs et leur Religion. Le recit d'un voyage Spatarus, par terre, à la Chine. Paris 1698.

Рассказ относится к 1689 году. Перевод А. Н. Браудо (полный) напечатан журнале „Русская Старина" за 1891 год, сентябрь, стр. 419—450 и ноябрь, р. 241—281.

2. Joh. Georg Korb. Diarium itineris in Moscoviam ad Serenissimum ac tentissimum Tzarum et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiovicium. nno 1698.

Полный последний перевод А. И. Малеина. Изд. Суворина. СПБ. 1906.

Обе эти книги гораздо ниже книги Лудольфа по культурному уровню авторов, по степени проникновения и понимания русских дел.

гиозных спорах, ханжестве, пристрастии к обрядам. Эти диалоги, в особенности второй, третий и четвертый, представляют памятник во всех отношениях не менее интересный, чем повести или интермедии того времени, памятник одинокий, исключительный по своему жанру. Ничего подобного ему в нашей письменности не было. Появившиеся у нас в 1716 году переводные „Разговоры дружескія Дезидериа Ерасма на россійскомъ и галанскомъ языкахъ“ по содержанию так далеки от русской действительности и быта, что в отношении историческом и литературном, да и по языку не могут итти в сравнение с „Phrases et modi loquendi“ Лудольфа. [1] Своеобразие этого жанра в том, что он имел практическое назначение. По этим диалогам читатели книги должны были научиться тому или иному языку (в одном случае русскому, в другом голландскому, в третьем латышскому и т. д.). Но как это далеко от „разговорников“ позднейшего времени! В названных мною книгах не только обдуман и выдержан тематический план диалогов, — им придана часто литературная выразительность, а в отличие от драматической литературы того времени они поразительно реалистичны, точны в языковой характеристике участников диалога и богаты верно подмеченными чертами нравов и быта той страны и эпохи, какую описывают. Это конечно не художественная литература, это промежуточный жанр между научной или учебной и художественной литературой. К тому же еще все этого рода книги (и в особенности книга Г. Лудольфа) имели малое распространение и обращались в среде изучающих данный язык и не владеющих им, т. е. стояли целиком вне общего литературного процесса, не оказывали воздействия на него. Но для нас все такого рода книги представляют первостепенной важности источник по истории языка, культуры, быта — наряду с памятниками художественной литературы с одной стороны, и историческими документами с другой.

В Англии, Германии и Франции книга Лудольфа была в свое время оценена по достоинству. Высокая честь издания ее Оксфордской Академией, переводы на французкий и английский язык отдельных ее частей, полная перепечатка последней части книги в Германии, выдержки и почтительные упоминания об этой книге у Марпергера и потом у Фриша — свидетельствуют о ее успехе.

В Россию попало немало экземпляров этой книги (в одной только Библиотеке Академии Наук их сейчас три), но здесь

---

[1] Только „Zehen Gespräche“ Г. Манцелия, Рига, 1638 г. (на латышском и немецком языке), так же мало оцененные до сих пор филологами-балтистами, как и диалоги Лудольфа у нас, представляют некоторую аналогию этому произведению.

она не была понята и признана, так как шла в разрез с господствовавшими до самого последнего времени тенденциями и теориями.[1]

Если о грамматике Лудольфа и вспоминали, то лишь потому, что принято было считать ее первой грамматикой русского языка. Но это как раз и не является ни бесспорным ни существенным при ее оценке.

Недавно проф. П. Н. Берков обнаружил и показал мне в большом библиографическом своде 1682 года: Martini Lipenii Bibliotheca realis philosophica omnium materiarum etc. Fr. a/м. 1682, на стр. 964 упоминание о книге: Elementa linguæ russicæ, 8°, вышедшей, во всяком случае, до 1682 года, т. е. не менее, чем за 15 лет до книги Лудольфа. Однако, пока эта анонимная русская грамматика не найдена, работа Лудольфа остается первым учебником русского языка для европейцев; так на нее смотрели современники (напр. упомянутые Марпергер и Фриш), да так же думал о ней и сам Лудольф („in re nondum tentata"... Præfatio. p. VII). Указание М. Липения остается пока загадочным, а книгу Лудольфа мы попрежнему можем называть первой научной грамматикой русского языка, если это кому нибудь нужно, чтобы серьезнее и толковее отнестись к ней.

В переиздании текста я стремился к полной точности, сверку производил несколько раз, воспроизвел и внешнее оформление книги, насколько позволяли типографские средства. Но явные опечатки подлинника, как оговоренные автором в списке опечаток (стр.VI/47) так и незамеченные им, я исправил, сделавши каждый раз указание на опечатку в сноске. Эти мои примечания должны (помимо дипломатической верности издания) показать читателю книги работу оксфордской типографии и с ее слабой стороны. Снимки нескольких страниц текста дополняют впечатление о внешности книги. Несколько мелких отступлений позволил я себе в употреблении прописных букв. В диалогах Лудольфа каждая реплика в латинском и немецком отделе начинается с прописной буквы, а в русском столбце обычно со строчной (за несколькими исключениями в средине диалога), и только первая реплика каждого диалога набрана с прописной. Для единообразия и четкости я ввел прописную букву в начале каждой реплики и в русском столбце. В двух-трех случаях я поставил пропущенную в подлиннике точку. Но все своеобразие пунктуации этой книги я сохранил.

В переводе своем, — предназначенном для читателей не владеющих латинским языком, — я со всей возможной точностью

---

[1] М. П. Алексееву, а также и П. Н. Беркову, я обязан рядом библиографических указаний, за которые приношу искреннюю благодарность.

передал смысл текста Лудольфа, стараясь передать адэкватно и ученый, местами украшенный и высокопарный его стиль. Но я всячески избегал буквальности, так как буквальный перевод всегда искажает и языковую фактуру и содержание подлинника.[1] В некоторых затруднительных местах мне помог современный Лудольфу английский перевод его трактата.

В немногочисленных и кратких примечаниях я пояснил только то, что потребовало бы справок или вызвало бы недоумения у подготовленного читателя. Чтобы сделать эту книгу широко доступной, надо было бы издавать ее вовсе без латинского текста и со сплошным почти комментарием, — но в этом пока нет нужды.

Б. Ларин

5 февраля 1936 года.

---

[1] Орфография русских примеров в переводе грамматики приведена мною к однообразному виду, выправлена, но в издании латинского текста она воспроизведена точно.

О ГЕНРИХЕ ЛУДОЛЬФЕ И ЕГО КНИГЕ

I

Если бы до нас не дошло никаких достоверных сообщений о Г. Лудольфе, то и одна его книга „Grammatica russica“ позволила бы установить немало подробностей о его жизни, социальном тяготении, идеологии и культурном уровне. В книге остался довольно ясный и живой образ автора (хотя это нисколько не входило в его намерения) — и внимательное чтение вскрывает этот образ.

Прямые источники для биографии Лудольфа сохранились, я приведу их потом, но раньше того рассмотрим данные, извлекаемые из этой его книги.

Основное ее издание посвящено кн. Борису Алексеевичу Голицыну — дядьке царя Петра. Из посвящения мы узнаем о гостеприимстве и покровительстве, оказанном Лудольфу в Москве кн. Б. А. Голицыным. Предисловие к книге ясно указывает на беседы Лудольфа с близкими к правительству боярами и с патриархом, на основательное ознакомление Лудольфа с состоянием просвещения, литературы, церкви в Москве 90-х годов XVII века.[1] Трактат о населении и природных богатствах России, помимо прямого указания на сообщения русских сановников и купцов, свидетельствует об усердном собирании нужных Лудольфу сведений в разных местах Московии (во время путешествия по стране) и от лиц самого разнообразного социального положения. Все это свидетельствует и о большой учености Лудольфа, и об основательной подготовке к путешествию в Московию (о предварительном изучении русского языка), и о значительном опыте — политическом и торговом.

Кроме общеизвестного издания „Русской грамматики“ существует еще особое „подносное“, в котором нет грамматики, а только диалоги и трактат, — оно посвящено не кн. Голицыну, а царю Петру (см. приложения к основному тексту, стр. 145 сл.). Кроме нового посвящения это издание отличается еще и новым вводным листком, озаглавленным: „Война к миру дорога“ и содержащим ряд военных терминов.

---

[1] Он читал книги Симеона Полоцкого, Уложение Алексея Михайловича эти огромные фолианты, а также и другие памятники древне-русской литературы, прежде всего грамматики.

Это „подносное" издание свидетельствует о том, что Лудольф успел узнать и царя Петра; вполне правдоподобно, что он был ему представлен, о чем сообщают его биографы. Книга была прислана в Москву в 1696 году, и на экземпляре, хранящемся в „Петровской галерее" Библиотеки Академии Наук, сохранилась запись почерком, очень напоминающим руку Петра I: „Книга вакабулы руския з голанскими. Поднесена от Андрея Вилгелма Лудолфа в 1696 году". Припомним, что 19 июля 1696 года царь Петр I взял сильную турецкую крепость Азов.

Уже из этого мы можем заключить, что Г. Лудольф был не купец, не ищущий службы офицер или инженер. Принятие его книги к изданию Оксфордской Академией ясно указывает, что он был послан в Московию из Англии. Биографы сообщают, что он был перед поездкой в Москву секретарем мужа английской королевы Анны, датского принца Георга. После поездки в Московию он совершил еще ряд путешествий в Турцию, Палестину, Италию. Несколько раз был он в Гааге и Амстердаме. Путешествия по Европе он делал и до поездки в Московию. Ошибочная запись на подносном экземпляре „вакабулы руския з голанскими", быть может, указывает на привезенные Лудольфом в 1693 г. рекомендательные письма к русскому двору из Голландии, по которым он мог быть принят за голландца.

Позднейшие письма Г. Лудольфа, найденные проф. Е. Шмурло в Ватикане, в бумагах Ив. Пастрича, лектора в „Collegio de Propaganda",[1] показывают, что он продолжает еще в 1703 и в 1705 г.г. живо интересоваться русскими делами. В письме из Копенгагена 26. XI. 1703 он рассказывает: „Fra altre buone venture ha trovato qui un ambasciatore di Moscovia, il quale io havero conosciuto a Livorno 5 anni sono, un signore molto garbato...[2] Следовательно и в 1698 г. он искал русских знакомств в пути своем на Восток.

Его личные интересы были особенно живо сосредоточены на вопросе об объединении всех вероисповеданий, об организации на началах широкой терпимости единой мировой церкви. О том свидетельствуют и последний диалог в нашей книжке и другие его сочинения, а также и открытые Шмурло его письма к Пастричу (профессору богословия). Но интересы ученого — лишь субъективное преломление его социальных функций. Он служит целям большой международной политики Англии, его космополитизм — буржуазный по своим корням, его научные интересы в тесной связи с политическими и хозяйственными. Характерно, что в одном из писем к Пастричу он прерывает свои богословские рассуждения: „Il nuovo huomo consiste nell' unione dell'anima con Dio, la vita naturale consiste nell' unione fra l'anima et il corpo..."[3] такими отступлениями: „Il Dittionario Schiavonico di Sparvenfeld

---

[1] *Е. Шмурло.* Россия и Италия, т. IV, стр. 295—97.

[2] Перевожу: „Между прочими добрыми происшествиями — встретил я здесь московского посланника, с которым познакомился еще 5 лет назад в Ливорно, — очень любезного господина". См. *Е. Шмурло.* Россия и Италия, т. IV, стр. 297.

[3] „Новый человек это единение души с богом, как органическая жизнь единение души и тела"... Там же стр. 295.

HENRICI WILHELMI LUDOLFI

GRAMMATICA RUSSICA

QUÆ CONTINET

Non tantum præcipua fundamenta

RUSSICÆ LINGUÆ,

Verum etiam

Manuductionem quandam

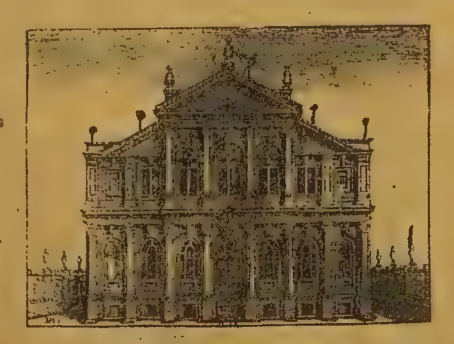
AD

GRAMMATICAM SLAVONICAM.

Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice æque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant.

Una cùm

BREVI VOCABULARIO RERUM NATURALIUM.

OXONII,

E THEATRO SHELDONIANO, A. D. MDCXCVI

Выходной лист книги Лудольфа (0'95 нат. вел.)

Автограф Генриха Лудольфа

0,95 натуральной величины

non si stampò a Amsterdam, conforme al disegno; un certo Elia Kopievitsch Lituano stampo a Amsterdam, con privilegio Tzareo diversi libri Moscoviti, et fra altri una grammatica russicolatina,[1] ma serve solamente per imparar il latino a' Russi. Dr Bergius, superintendente generale di Livonia a Riga, tratto con detto Kopievitsch per venir con i suoi typi in Suecia per stampar il dittionario di Sparvenfeld alle spese del re. Dr Bergius, essendo inanzi superintendente di Narva, si era applicato alla lingua Moscovita et fece un piccolo libro de ecclesia Russia, latine, contendendo molte particolarita de' Roskolnichi o Schismatici della Chiesa Moscovita de' quali molti si lasciarno abbruciare per differenza de' dedi, con i quali fanno la croce. Un signore Moscovito m'a ditto che si stampava a Moscou un gran Dittionario Schiavonico-latino-greco, fatto dell' interprete Tzareo Spatharius, che fu inviato dal Tzar Alexi Michailovitz a la China".[2]

Здесь не только отражен настойчивый интерес господствующих классов в разных государствах Европы к изучению русского языка, но вскользь затронут и мотив этого интереса, — планы миссионерско-торгового проникновения в Московию и через нее на Восток, на Дальний Восток.

С кем встречался, что видел и слышал в Москве Лудольф, об этом живо и подробно рассказывает он в своих диалогах и в примерах, фразах, вкрапленных в изложение грамматики. Нет нужды здесь все это повторять, читатель легко найдет эти указания в тексте книги Лудольфа.

Если сопоставить такие фразы в этой книге, как:

„Етая деревня за Свицкимъ королемъ". (46)

„Вчерась онъ от Нова города приѣхалъ" (44)

„Изъ агленской земли привозятъ сукно". (43)

„Куда поедишъ? В Свицкую, Цесарскую, Голанскую землю" (60)

„Луче ли тебѣ ѣхать водою или горои"?

„Море не люблю, естли сухимъ путемъ поѣду, не утону". (61)

„Зимою ли или лѣтомъ луче путешествуешъ"?

„На Русиѣ луче зимою" (62).

— то можно указать и маршрут и способ путешествия Лудольфа в Москву и обратно в Англию.

Расспросы Лудольфа о связях с Францией, о том, кто (стр. 14) „послом был во Французской земле", большой интерес к рус-

---

[1] Ср. приложение II нашей книги, стр. 146—154.

[2] Там же, стр. 296—7. Перевожу: „Славянский словарь Спарвенфельда не был напечатан в Амстердаме, как предполагалось; некий Илья Копиевич, белорусс, напечатал в Амстердаме по царской привиллегии различные русские книги и, между прочим, русско-латинскую грамматику, предназначенную для обучения латинскому языку русских. Доктор Бергиус, генеральный суперинтендант Ливонии в Риге ведет переговоры с упомянутым Копиевичем о переезде его со своей типографией в Швецию для печатания словаря Спарвенфельда за счет короля. Д-р Бергиус, будучи еще раньше суперинтендантом в Нарве, овладел русским языком и написал небольшую книгу на латинском языке о русской церкви, где содержится много подробностей о раскольниках или схизматиках русской церкви, многие из которых идут на сожжение из-за различия в сложении пальцев для крестного знамения. Один знатный москвич говорил мне, что в Москве печатается Славяно-латино-греческий словарь, составленный Спафарием, царским толмачем, которого царь Алексей Михайлович посылал в Китай".

ско-персидской торговле, указание в предисловии (стр. IX) на изучение русского языка бухарцами, а в заключительном трактате — на армянских купцов с персидскими товарами в Нарве и на условия волжского транзита, на индийскую торговлю в Московии, на обучение русских арабскому языку в Тобольске для азиатской (индийской) торговли, на связи с Китаем (стр. 96—97), — все это раскрывает пред нами программу изучения Московии представителем английского капитала. Но это только косвенно, мельком намечено в книге. В центре внимания здесь русский язык. Лудольф красноречиво убеждает русских дать широкий простор применению „простого" разговорного языка (in vulgari dialecto aliquid imprimi) в литературе, ввести его в книги. Он говорит и о необходимости широкой просветительной работы в России, и о сочувствии этому делу молодого царя. Он составляет грамматику и диалоги на том именно обиходном языке, какой, по его мнению, должен заменить старославянский, чтобы показать пример использования его, а также дать возможность ознакомиться с ним иностранцам. Он рекомендует вниманию правительства и самый шрифт своей книги, отлитый в Голландии, несколько отличающийся от шрифта московских типографий—едва уловимыми изменениями в направлении к графическому стилю латиницы, отмечая, что патриарх Адриан заказал для своей типографии греческий шрифт тому же голландскому мастеру, который отлил славянский шрифт для его книги.

И как ни смела, ни необычна была позиция Лудольфа во всех этих вопросах, — он имел успех. Конечно, не его именно пропаганда, а вся социально-экономическая ситуация — для него благоприятная — обусловила победу провозглашенных им[1] принципов, но и его доля в этой победе, вероятно, есть. Язык писем Петра и его помощников, язык некоторых сделанных под наблюдением Петра переводов — именно тот, за какой ратовал Лудольф, язык очень близкий к языку диалогов в Русской грамматике Лудольфа. Гражданка, введенная Петром, — более смелый и решительный шаг по пути сближения с латиницей, чем предлагал Лудольф, но шаг по намеченному им пути. Во время поездки в Англию в 1698 г. — через два года после поднесения „образца славенскихъ типовъ по указу Оксфордской Академии зделанныхъ" [2] — Петр посетил Оксфорд, и, вероятно, знакомился там и с работой типографии Шелдонова Театра, а в 1699—1700 году по его приказу и на его средства именно в Голландии Илья Копиевич организует типографию и печатает грамматики (русско-латинскую и русскую), „номенклятор" (латино-немецко-русский словарь), космографию и другие учебники для русских. Лудольф с полным удовлетворением отмечает это событие в письме 1705-го года (см. выше).

Как ни много сведений о личности и деятельности Лудольфа мы можем извлечь из его книги, все же нам очень недостает и

---

[1] Эти же принципы, возможно, пропагандировались в Москве и другими близкими ко двору иностранцами.

[2] Из посвящения книги Лудольфа Петру I (см. стр. 145)

прямых, несколько более бесспорных сообщений о нем его современников.

Самая обстоятельная его биография находится в книге, вышедшей в год его смерти: Lives and Characters of Illustrious Persons who died in the years 1711—15. London, 8°,3 vol. Другим первоисточником сведений о Лудольфе является краткий некролог А. Бэма, напечатанный в книге: „Pious remains of H. W. Ludolf, With his funeral by A. W. Boehm, London, 1712 (и вторично, 1726). Но ни той, ни другой книги нет ни в одной из библиотек Ленинграда.[1] Почти полную выписку из первой названной книги представляет статья о Лудольфе в „General Biography"; or, lives, critical and historical, of the most eminent persons of all ages, countries, conditions, and professions, arranged according to alphabetical order. Composed by John Aikin, the Rev. Th. Morgan, and Mr. W. Johnston. Vol. VI. London, 1807, p. 383. И этой книги тоже у нас нет, но, к счастью, ак. Шифнер во время своей поездки в Лондон переписал эту биографию Лудольфа полностью и напечатал ее со своим переводом в Записках Имп. Академии Наук, т. V, 1864, приложение III, стр. 119—126: „Биографические известия о Г. В. Лудольфе".

В виду исключительной важности для нас этого источника я перепечатываю его целиком с издания ак. Шифнера:

Ludolf, Henry-William, nephew of the preceding (Job Ludolf), and a learned as well as pious writer, was born at Erfurt, in the year 1655. His father, who was a counsellor of that city, gave him a liberal education; and his uncle instructed him in the oriental languages, particularly the Hebrew and the Arabic, in which he became a considerable proficient. He obtained the post of secretary to M. Lenthe envoy from Christian V king of Denmark to the court of Great Britain; who was so well satisfied with the manner in which he acquitted himself in that employment, that he afterwards recommended him to prince George of Denmark, who in 1680 appointed him his secretary. This situation he retained for some years, till the attack of a violent disorder rendered him incapable of discharging its duties when he was permitted to retire, with a handsome pension. Upon his recovery, he resolved to visit foreign countries, and particularly such as were little known to travellers, that he might become acquainted with their manners, and learn their languages. Russia was the first country of this description which excited his curiosity; and as he had acquired some knowledge of the Russian language before he left England, he was soon able to converse with the natives, and met with a polite reception from the principal persons in that country. As he understood music, and was an able performer on several instruments, he had the honour to display his accomplishments in this art before the czar at Moscow, to the great surprise and delight of that prince. The various knowledge, likewise, which he discovered in his conversations with the

[1] Британский Музей к сожалению не участвует в международном межбиблиотечном обмене и потому я не мог получить этих книг.

Russian clergy, led them to consider him as a prodigy of learning; and particularly the facility with which he discoursed in the Hebrew tongue, with some Jews who were in that country. Upon his return to London in 1694, he was obliged to undergo the operation of cutting for the stone; and as soon as his health would permit he set about the composition of „A Russian Grammar“, intended for the use not only of traders and travellers, but of the natives themselves, by exhibiting the principles of their language in a more regular form than had been before laid down. This work was printed at the Oxford university press, and published in 1696. Ludolf's curiosity now determined him to take a voyage into the east, that he might obtain information concerning the state of the Christian church in the Levant. He arrived at Smyrna in November 1698; whence he went to Jaffa, from Jaffa to Jerusalem, and from Jerusalem to Cairo; making useful observations on the productions of nature and art, and carefully examining the state of government and religion in the different countries through which he passed. An anecdote which he relates of an conversation which took place between him and the commander of a Turkish vessel, on board of which he had taken his passage for Alexandria, is not unworthy of being preserved. He was one day reading aloud our Saviour's sermon in the mount, out of the Arabic version of the New Testament, which had been printed at the expense of Mr. Boyle; when the captain, after having listened for some time asked him, „What'book that was?“ Upon his answering, „that it[1] was the system of Christian religion“, the captain replied, „that could not possibly be true, since the practice of the Christians was directly the reverse”. To this Ludolf rejoined, „that he was mistaken, and that it was easy to account for his being so; since the Turks had little opportunity of conversing with, or observing the manners of any other Christians than sailors or merchants, who were to commonly a disgrace to their religion” With this answer the Turk appeared to be well satisfied; and afterwards treated our traveller with great civility and kindness. As soon as Ludolf had returned to England, his reflections on the deplorable state of Christianity among those who professed that religion under the Turkish government induced him to undertake an impression of the New Testament in the vulgar Greek, and to present it to the members of the Greek church. The version which he made use of was one that had been published several years before in Holland, in two volumes. Being encouraged in this undertaking by the liberal contributions of the bishop of Worcester, and other friends, Ludolf carefully superintended an impression of this version, which was printed in London, in one volume 12 mo; which he afterwards distributed among the Greeks, by means of the connections which he had formed in his eastern tour. He often expressed his wishes, that the protestant powers of Europe would in one respect imitate the papists, in their zealous endeavours to propagate their religion, by establishing a kind of college at Jerusalem. He wished also, that

[1] Напеч. is.

the men to be selected for such an institution should not be persons devoted to the propagation of the peculiarities of any of the particular systems concerning which Protestants differ among themselves, but united together by an agreement in the fundamental principles of the gospel, and by universal love and charity. A college of such men, well acquainted with the vulgar Greek, Turkish, and Arabic languages, would, he was persuaded, contribute wonderfully to the spreading of the Christian faith in the east. Ludolf is certainly entitled to praise for the liberality of his own views; but we fear that the period is at distance when such a project as that of which he had conceived the idea may be more than utopian. In the year 1709, Ludolf was appointed by the queen Anne one of the commissioners for managing the charities collected for the relief of the poor Palatines, whom the severe exactions of the French, and the calamities of war, had driven from their native country. He died in the year 1710 (?), in the fifty fifth (?) year of his age. Besides his „Russian Grammar", he was the author of „Meditations on Retirement from the World," „Meditations upon divers Subjects, tending to promote the inward Life of Faith," etc.; „Considerations on the Interest of the Church Universal", „a Proposal for promoting the Cause of Religion in the Churches of the Levant", „Reflections on the present State of the Christian Church" and „A Homily of Macarius, done out of Greek". Some of these pieces were printed separately, and they were all published in a collective form in the year 1712.

Перевод ак. Шифнера.

„Лудольф, Генрих Вильгельм, племянник предыдущего (Иова Лудольфа) и столь же ученый сколько набожный писатель, родился в Эрфурте в 1655 году. Его отец[1], который был советником того города, дал ему благородное воспитание и дядя учил его восточным языкам, особенно еврейскому и арабскому, в которых он сделал значительные успехи.[2] Он получил место секретаря у господина Лента, посланника Христиана V, короля датского, ко двору Великобританскому, который был столь доволен образом, с которым он исполнял его должность, что он рекомендовал его после принцу Датскому Георгу, который в 1680 г. определил его своим секретарем. Это место он сохранил несколько лет, пока нападки сильного расстройства[3] не сделали его неспособ-

[1] Отец был Георг Генрих Лудольф, родившийся в 1615, после долголетних путешествий по Европе он был секретарем Шведского посольства при заключении Вестфальского мира, но будучи отозван смертию отца принят был в магистрат Эрфуртской, наконец, он был Майнцского Электора Regierungs-Rath und oberster Rathsmeister, умер в 1669 году.

[2] Пример этого дяди, прославленного ориенталиста того времени, Иова Лудольфа, написавшего первую в Европе грамматику абиссинского языка (Grammatica amharicae linguae, quae vernacula est Habessionrum et Lexicon amharico- latinum. Fol. Francfort, 1698. Lexicon aethiopico- latinum, 1699 etc.), — вероятно и побудил Генриха Лудольфа к составлению первой русской грамматики. Занятия Иова Лудольфа абиссинским языком начались в 1649 году, а его первый большой труд об Абиссинии вышел в 1681 г. (Historia Aethiopica) (*Б. Л.*)

[3] Я бы перевел „припадки жестокой болезни" (*Б. Л.*)

ным к исполнению своих обязанностей; тогда же он был уволен с хорошим пенсионом. По восстановлении здоровья он решился посещать чужие края и особенно такие, которые были мало известны путешественникам, чтобы познакомиться с их обычаями и изучить их языки. Россия была первая земля этого рода, которая возбудила его любопытство; и так как он приобрел уже некоторое знание русского языка прежде чем он оставил Англию, он вскоре был в состоянии разговаривать с туземцами и был вежливо принят главнейшими особами этой земли. Как он знал музыку и был виртуозом на разных инструментах, он имел честь показать свое мастерство в этом искусстве перед царем в Москве, к большому удивлению и удовольствию этого царя. Равным образом разнообразная ученость, которую он показал в разговорах с русским духовенством, заставила смотреть на него как на чудовище учености; и особенно ловкость, с которою он разговаривал на еврейском языке, с некоторыми евреями, которые были в этой земле. После возвращения в Лондон в 1694 году, он был принужден подвергнуться операции вырезывания камня и, коль скоро здоровье ему позволило, он составил „Русскую грамматику", назначенную не только для купцов, и путешественников, но и для самих уроженцев, так как она представила правила их языка в более стройном виде, чем они были установлены прежде. Это сочинение было напечатано в Оксфордской университетской типографиии, и издано в 1696 году. Любознательность Лудольфа заставила его теперь предпринять путешествие на Восток, чтобы получить сведение, на счет состояния христианской церкви на Востоке. Он приехал в Смирну в ноябре 1698 года, потом он отправился в Яффу, из Яффы в Иерусалим и из Иерусалима в Каиро, при чем он делал полезные наблюдения о произведениях природы и искусства и тщательно изучал состояние правительства и религии в разных странах, через которые он путешествовал. Не недостойно сохранения анекдот, который он рассказывает[1] о разговоре случившемся между ним и командиром турецкого судна, на котором он переправился в Александрию. Однажды, когда он читал в слух проповедь нашего Спасителя на горе по арабскому переводу Нового завета, напечатанному на счет господина Бойля, капитан прислушав[2] несколько времени, спросил его, что это за книга? На его ответ, что это система христианской религии, капитан заметил, что едва ли правда, потому что жизнь христиан в действительности совершенно противоположна. На это Лудольф ответил, что он ошибается, и что легко объяснить это ошибочное мнение, потому что турки не имеют часто возможности разговаривать и наблюдать обычаи других христиан кроме моряков и купцов, которые слишком часто служат бесчестием своей религии. Повидимому этот ответ понравился турке и он после этого обходился очень учтиво и любезно с нашим путешественником. Сейчас по возвращении

[1] „Нельзя не привести здесь его рассказ"... (*Б. Л.*)
[2] „Прослушав" (*Б. Л.*)

в Англию размышления о жалком положении христианства между исповедывающими эту религию под турецким правительством, заставили Лудольфа предпринять напечатание Нового завета на родном греческом языке и раздать его членам греческой церкви. Перевод которым он воспользовался, несколько лет пред тем был издан в Голландии, в двух томах. Получив поощрение к этому предприятию щедрыми взносами епископа Ворстерского и других друзей, Лудольф тщательно заведывал напечатанием этого перевода, который вышел в Лондоне в одном томе in 12; потом он его раздавал между греками посредством связей, которые он приобрел во время своего путешествия на восток. Он часто изъявлял желание, чтобы протестантские государства в Европе, в одном отношении подражали католикам в ревностном старании к распространению своей религии, учреждая[1] некоторого рода коллегиум в Иерусалиме. Он желал также, чтобы люди назначенные для такого рода заведения, не были преданы распространению особенностей одной из разных систем, относительно коих[2] протестанты различаются между собою, но соединились[3] принятием основных правил евангелия и всеобщею любовью и милосердием. Коллегиум таких людей, хорошо знакомых с простым греческим, турецким и арабским языками, по его убеждению, мог бы удивительным образом содействовать распространению христианской веры на Востоке. Без всякого сомнения Лудольф заслуживает похвалу за либеральность своего взгляда, но мы боимся, чтоб то время не было еще далеко, в которое проэкт такого рода, как он себе вообразил, мог быть больше чем утопическим. В 1709 году Лудольф был назначен королевою Анною одним из комиссаров для распределения милостынь собранных для помощи бедных палатинцев,[4] которых строгие взыскания французов и военные бедствия выгнали из отечества. Он умер в 1710(?) г., на 55(?) году своей жизни. Кроме русской грамматики он был автором сочинений: Размышления об удалении от света; Размышления о разных предметах, касающихся поощрения внутренней религиозной жизни и проч.; Созерцания об интересе Вселенской церкви; Предложения для поощрения дела религии в церквах Востока; Размышления о настоящем состоянии церкви христианской и Гомилия Макария, переведенная с греческого. Некоторые из этих сочинений были напечатаны отдельно и все они изданы в сборнике в 1712 году.“[5]

---

1 „и учредили бы“ (*Б. Л.*)

2 „какими“ (*Б. Л.*)

3 „соединились бы“ (*Б. Л.*)

4 „бедным немецким беженцам из Пфальца“ (*Б. Л.*)

5 Я мог бы предложить читателю свой перевод этой биографии, т. к. перевод ак. Шифнера очень тяжел, местами маловразумителен, но я отказался от этого потому, что из всех исследователей нашего памятника один только ак. Шифнер перечитал все первоисточники для биографии Лудольфа, оставшиеся всем прочим недоступными. Эти его штудии как то сказались и на переводе и на выборе текста биографии. Поэтому приходится считать и этот перевод своего рода источником.

Год смерти Г. Лудольфа в этом биографическом словаре (как и возраст) указан неправильно. Ак. Шифнер (стр. 121) приводит разысканную им выписку из церковной метрической книги о погребении Г. Лудольфа, где точно указано: „преставился в Лондоне 25 Января... (погребение 3 февраля) 1712 года". Все остальные сведения, повидимому, верны, они подтверждаются другими источниками.

Этих сведений о Генрихе Лудольфе совершенно достаточно для правильного понимания его книги, а также той среды и обстановки, какою обусловлено было ее появление.

II

Как оценен был труд Генриха Лудольфа в России?

На этот вопрос можно ответить коротко: большинство русских лингвистов со второй половины XVIII в. и до наших дней или вовсе не знало о нем, или не обращалось к этому важному источнику, а те, кто заглядывал в книгу Лудольфа, не оценили ее по достоинству.

Я сведу в этой главе немногочисленные отзывы о Grammatica Russica H. Ludolfi, чтобы продемонстрировать непроницательность и националистическое высокомерие нашей „отечественной" критики.

Что грамматика Лудольфа была забыта у нас со второй четверти XVIII в. и до начала XIX в. (ее затмила „Российская грамматика Михайла Ломоносова", 1755 года), — о том свидетельствует статья Мих. Каченовского в „Вестнике Европы" за 1807 год (ч. 34, № 16, август, стр. 291—95): „О первой русской грамматике". Здесь читаем: „Немногие знают, что первую русскую грамматику сочинил иностранец Г. В. Лудольф". Каченовский описывает состав книги, приводит страничку выдержек из нее и заключает статью такой оценкой: „Зато уж ничто лучше грамматики Лудольфовой не доказывает, как трудно писать не на природном своем языке... И так — Ломоносов был не первый сочинитель русской грамматики!"

Позже, в 1855 году, в предисловии к академическому переизданию грамматики Ломоносова (по поводу столетия ее) ак. Ив. Давыдов уже без всяких вздохов сожаления отнимает у Лудольфа звание „автора первой русской грамматики". Он объявляет: „Эта грамматика выписана из Смотрицкого и наполнена всякого рода ошибками... Как мало знал Лудольф язык наш, можно видеть из след. строк"...[1] — и приводит те же, что у Каченовского примеры, только в меньшем количестве. А после ак. Давыдова установилась уже традиция неверных, пренебрежительных и поверхностных суждений о Лудольфе, традиция, к позору русской филологии, продержавшаяся до наших дней.

---

[1] Грамматика русского языка академика М. В. Ломоносова 1755 года. Издана II отдел. Импер. Академии Наук в воспоминание столетия русской грамматики. СПБ, 1855 г., стр. XVI-XVII.

А. Н. Чудинов[1] на трех страницах своей книги пространно повторяет „установленное" и одобренное Академией мнение о несостоятельности попытки Лудольфа.

„В какой-нибудь год жизни в России Лудольф не мог приобрести настолько прочное знание нашего языка, чтобы выполнить с честью подобный труд. Образчики знакомства с русским языком, заключающиеся в его книге, слишком явно обнаруживают самую слабую с его стороны подготовку для такого предприятия". Следуют еще раз те же примеры, а затем повторено и „оригинальное" утверждение Давыдова — в такой форме:

„В своей грамматике он ограничился лишь буквальными выписками из Смотрицкого, наполняя их нередко самыми грубыми измышлениями и ошибками против форм и требований нашего языка."

Я покажу дальше, что это утверждение ложно и свидетельствует только о непонимании книги Лудольфа, о небрежном чтении ее, полном отсутствии исторического чутья, словом о диллетантизме академика Давыдова, Чудинова и примыкающих к ним.

Ив. Балицкий в 1876 г.[2] с решительностью невежды объявляет измышлением П. Строева особое подносное издание грамматики Лудольфа с посвящением Петру I. Перефразируя своих предшественников он утверждает:

„Лудольф мало знал русский язык. Доказательством может служить сделанный им п е р е в о д п о р у с с к и л а т и н о - н е м е ц к и х р а з г о в о р о в, помещенных в его грамматике". (Разрядка моя *Б. Л.*). Приводятся традиционные примеры.

В заключение Балицкий выписывает длинную латинскую цитату из книги Фриша, ближайшего продолжателя и последователя Лудольфа по пропаганде русского языка в Западной Европе, о появлении при Петре I первых книг на русском (а не славянском) языке в России. К последнему абзацу этой цитаты:

Grammaticae D-r Ludolfi supra mentionem fecimus; aliam, quae alicujus momenti sit et dialecti Russicae regulas accuratius tradet, nondum vidi.[3]

— Балицкий делает такую реплику:

„Пели, стало быть, с голоса Лудольфа, о грамматике которого см. выше".

Свидетельство Фриша, лучшего знатока русского языка в Зап. Европе в первой четверти XVIII в. (выпустившего целый ряд исследований о русском языке, обучавшего русскому языку Лейбница), — о большой научной ценности книги Лудольфа для

---

[1] О преподавании отечественного языка. Очерк истории языкознания в связи с историей обучения родному языку. Воронеж, 1872, стр. 186—88.

[2] *И. Балицкий.* Материалы для истории славянского языкознания. Литература исследований о церковно-славянском и русском языке на иностранных языках с XVI в. по 1872 г. Киев, 1876, стр. 12—15.

[3] Перевод: „Мы уже упомянули выше о грамматике Лудольфа; другой грамматики, которая имела бы какую-нибудь ценность и излагала бы точнее правила русского языка, я не знаю".

того времени — заставляет всякого исследователя, не лишенного исторического такта и метода, внимательно изучить эту книгу и раскрыть ее историческое значение. Но лингвисты прошлого века, да и некоторые современные оказались на это неспособными.

Осторожней других, но совсем мимоходом (в двадцати строках) высказался о переиздаваемой нами книге ак. Ягич в 1910 году[1]: „Автор книги умел хорошо различать разговорный русский язык от литературного церковно-славянского... Главным источником для Лудольфа была грамматика Смотрицкого... Русские выражения довольно неуклюжи...“

Ак. Соболевский, ак. Шахматов игнорируют Лудольфа.

Особняком стоит в нашей дореволюционной литературе только один критический отзыв. Решительно отступает от дурной традиции старой лингвистики проф. С. Булич в 1893 году.[2] Среди всех доломоносовских грамматистов он выделил Г. В. Лудольфа, „который является первым ученым, отличавшим великорусский язык от церковно-славянского и обратившим внимание на их разницу в написанной им первой грамматике живого великорусского языка“ (стр. 59). Длинные цитаты из этой книги проф. С. Булич заключает такими указаниями (стр. 62 сл.): „Лудольф впервые обращает внимание на русское полногласие; на соответствие начального **о** старославянскому **ѥ**; на русское **ч** на месте ст.-сл. **шт=тj, кт, гт**, т. е. на главные фонетические отличия русского языка. Пропущено только соответствие русского **ж** и старославянского **жд**. В области морфологии от внимания Лудольфа не ускользнуло в русском распространение... основ без „смягчения“ заднеязычных и на падежи, где это „смягчение“ имеется в старославянском („russice vero языки“...). Указано также на различие окончаний родительного падежа местоименного склонения в русском и старославянском, на отсутствие в русском звательного падежа, на неимение аориста и замену его новой, вторичной формой. Лудольф обращает внимание и на синтаксические разницы в управлении падежей известными предлогами, хотя и ошибочно в данном случае, а также и на некоторые лексические особенности“. Дальше путем сопоставлений Булич показал, что „наблюдения Фриша не представляют почти ничего существенно-нового в сравнении с тем, что сказано было о данном предмете Лудольфом“ (стр. 63).

В этих строках впервые Лудольф получил справедливую оценку, что обусловлено было **и с т о р и ч е с к и м** изучением его труда. Верные взгляды Лудольфа на языковые отношения Московской Руси XVII в. не только поражают своей исключительностью на фоне лингвистической литературы того времени, но

[1] *И. В. Ягич.* История славянской филологии. Энциклопедия Славянской Филологии. Вып. I, СПБ, 1910, стр. 66.

[2] В диссертации: *С. Булич.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Записки историко-филологического факультета С. Петербургского университета, ч. 32, СПБ, 1893, стр. 57—63. Мельком упоминает о Лудольфе Булич и в позднейшей работе: „Очерк истории языкознания в России“. 1904, стр. 190 сл.

имеют большое значение для построения точной и достоверной истории русского языка, как авторитетное свидетельство ученого и умного современника. Нельзя оценивать их — исходя из того, что мы предполагали или утверждали независимо от книги Лудольфа на основе изучения языковых памятников его эпохи, т. е. в меру новизны, неожиданности его наблюдений. Еще менее допустимо дискредитировать те положения и замечания Лудольфа, которые расходятся с нашими привычными и на известном нам материале оправданными взглядами. Точность, меткость и глубина целого ряда никем не оспариваемых утверждений Лудольфа заставляют с большой серьезностью, с доверием отнестись и к остальным его показаниям, и к тем, которые кажутся сомнительными.

Но, понятно, надо со всей критической взыскательностью и проницательностью вскрыть его ошибки, ибо ошибки есть. А до недавних пор за ошибками Лудольфа не видели у него важных и ценнейших данных, ошибки его наши лингвисты преувеличивали в меру своих скудных или ложных представлений о русском языке XVII в.

В самое последнее время о книге Лудольфа высказывались два лингвиста: Н. Кульман и проф. С. П. Обнорский.

Статья Кульмана,[1] представляет компромисс, некоторое отступление от старых позиций.

Правильно оценивает Кульман (стр. 405) недовольство Лейбница книгой Лудольфа в письме к Спарвенфельду (1696)[2]: Leibnitz était bien de son temps: ce qui lui parait un défaut fait au contraire à nos yeux le prix de l'ouvrage de Ludolf."[3]

Указывает Кульман и на крайне неблагоприятные условия печатания книги, объясняющие большое число опечаток и замечает, что нельзя из-за опечаток недооценивать ее содержания.

С этим нельзя не согласиться. Но статья в целом не имеет научного значения, в ней есть ошибки, ее материал не соответствует назначению. Так, подтверждая лексические показания Лудольфа, Кульман приводит пестрый и довольно случайный материал параллелей — то из современных диалектов, то из позднейших писателей (Державина, Достоевского, Соллогуба, Бунина), и в двух случаях из более древних памятников (из Софийского

---

1 *N. Koulmann.* La première grammaire russe. Le Monde slave. Revue mensuelle. Novelle série. IX-e année. T. I, Paris, 1932, № 3. Mars. p. 400—415.

2 *Leibnitii.* Opera omnia. V. 544. Geneve. 1768.

3 Перевод: „Лейбниц был сыном своего времени: что ему казалось недостатком, в наших глазах составляет ценность сочинения Лудольфа". Письмо это цитировал еще А. Чудинов (Очерк истории языкознания. 1872, стр. 194): „Грамматика г. Лудольфа мне кажется так же, как и вам, слишком тощей, и так как он говорит, что какой-то славянский язык в Московии есть язык ученых, то было бы хорошо сказать о том немного более и сравнить его с разговорным языком московитян. Следовало также присоединить к книге небольшой словарь". Кульман замечает по этому поводу, что славянских грамматик и без Лудольфовой было достаточно, а вот по разговорному языку это первый труд. Добавим, что краткая фразеология Лудольфа дает гораздо более важный и драгоценный материал, чем огромные словари, напр. Епифания Славинецкого (с которого переписан словарь Спарвенфельда) и позднейший — Федора Поликарпова.

Временника и Никоновской летописи), но ни разу из текстов, современных Лудольфу.

Как пример кустарных лексических разысканий проф. Н. Кульмана, приведу одну выдержку (стр. 412):

„Лал—у Срезневского ошибочно: род яхонта желтого цвета. По Лудольфу — рубин. Сравни скороговорку: Ал лал, бел алмаз, зелен изумруд. У Сумарокова: „Лицо кристалл и лал". Ф. Сологуб: „Белее лилеи, алее лала"...

Если бы Срезневский был прав, желтизна была бы одним из признаков красоты человеческого лица, но, как известно, славяне не восхищаются желтым цветом, как цветом человеческой кожи."

Этот импрессионистический и занимательный стиль статьи иногда вводит в грех Кульмана. Вот его объяснение путешествия Лудольфа в Московию (стр. 401):

„Тот факт, что эта страна страшно интересовала англичан наводит нас на мысль, что Лудольф предпринял свое путешествие, если не по побуждению, то по крайне мере с одобрения его высочайших покровителей; возможно даже, что бывший секретарь получил какое-то тайное поручение. Если вспомним об утрате Московской компанией в начале 17 в. торговых привиллегий, перешедших к голландцам..., то, мне кажется, логично будет предположить, что ему было поручено зондировать почву для каких нибудь новых переговоров. Как бы то ни было, он прибыл в Москву и предпринял оттуда несколько поездок по стране, в частности в бассейн Волги".

Если бы Лудольф действительно был неоффициальным послом английского двора и вел бы предварительные переговоры о торговом соглашении, то об этом наверно сохранились бы и русские записи и сведения зорких и ревнивых иностранных резидентов. Никаких следов этой тайной его миссии нигде не сохранилось. Не имела его поездка и прямых политических последствий. Правильнее считать эту поездку частным делом Лудольфа, а тот интерес к русско-европейской (не только и не исключительно русско-английской) торговле, какой можно подметить на страницах Grammatica Russica следует объяснять не внушением английской королевы, а классовыми его интересами, которые сказывались даже вопреки субъективным намерениям и идеям Лудольфа. Напоминаю, что сам он видит и в этом и в других своих путешествиях, и в составлении грамматики и в других своих книгах служение богу,—высокую религиозную цель.

Что же касается предполагаемой Кульманом поездки Лудольфа по Волге, то она так же мало правдоподобна, как и покровительство князя Бориса Куракина, которым он объясняет успех Лудольфа при русском дворе в 1693 году.[1] Скорее всего Н. Кульман спутал здесь кн. Бориса Куракина с кн. Борисом Голицыным (который действительно был покровителем Лу-

[1] „En tout cas, il fut particulièrement accueilli par le prince Boris Kurakin, ce qui lui permit d'être reçu dans la haute société et à la cour". (p. 403).

дольфа — по его собственному свидетельству), — т. к. в 1693 г. кн. Борис Куракин был еще слишком юн и сам еще не принадлежал к придворному кругу, а потому и не мог никому оказывать покровительства.[1]

Самым важным в статье Н. Кульмана является сообщение о найденном им среди рукописей Bibliothèque de l'Arsenal переводе грамматики Лудольфа на французский язык. Вот все, что он об этом сообщает (p. 403): „Il existe à Paris, à la Bibliothèque de l'Arsenal, un manuscrit du XVIII-e siècle, provenant de la collection du marquis Paulmy d'Argenson, et qui offre, sous le titre de Grammaire russienne, la traduction de la majeure partie de la grammaire de Ludolf.[2] On voit... combien cette grammaire a intéressé les contemporains de sa publication.

Note. Manuscrit № 8801. La partie de ce manuscrit, qui diffère du texte de Ludolf offre une essai d'adaptation à des habitudes françaises de la déclinaison et de la conjugaison russe. A la place de 5 déclinaisons, qu'on trouve chez Ludolf, le manuscrit en donne 20. Son système de conjugaison est artificiel, compliqué et confus. Néanmoins, cet essai meriterait une étude technique".

Нельзя не пожалеть, что до сих пор не издана и не исследована эта очень ценная и для истории книги Лудольфа и для истории русского языка рукопись.

О статье проф. Обнорского (о „Грамматике Лудольфа")[3] я могу пока сказать только одно: она показывает, что отрицательное отношение к книге Лудольфа, так широко проявившееся у лингвистов прошлого столетия, но не обоснованное сколько нибудь убедительно, держится еще и до наших дней.

---

[1] Кн. Борис Иванович Куракин родился 20.VII. 1676 г. В 1693 году ему было 17 лет. Заметным лицом при дворе, как дипломат, он стал только после 1707 года. Вот что сообщает он сам о тех годах жизни, когда Лудольф был в Москве (цитирую его автобиографию, озаглавленную „Vita del principe Boris Kourakin", напечатанную в Архиве кн. Ф. И. Куракина т. I стр. 244—287. (1890). На стр. 251 сл. читаем):

„— 1692—1693 г. — А я в ту пору был во градусе со спальниками, а не с начальными людьми. 1693—1694 апреля после Св. недели пошли водою (на войну с турком)... И в тот поход я... пошел в Семеновском полку, в первой роте прапорщиком, а написан преже того толко за два месеца. И того года быв под Азовом... и к Николину дню приехал в дом свой (т. е. к 6. XII. 1694).

— 1694—1695 (март). И в тот поход, другой Азовской, я был в порутчиках у первой роты, в команде полковника Чамберса".

Едва ли даже встречались в эти годы Лудольф и кн. Борис Куракин.

[2] „В библиотеке Арсенала в Париже существует рукопись 18 века из коллекции маркиза Польми д'Аржансон, под заглавием „Русская грамматика", — представляющая буквальный перевод большей части грамматики Лудольфа. Можно заключить... как интересовала эта грамматика современников ее публикации.

Примечание: Рукопись № 8801. Та часть рукописи, которая не совпадает с текстом Лудольфа, представляет попытку изложения русских склонений и спряжений на французский манер. Вместо 5 склонений Лудольфа тут дается 20. Система спряжения тут искусственная, сложная и путанная. Тем не менее эта попытка заслужила бы специального исследования".

[3] См. сборник трудов ЛНИЯ „Советское языкознание", т. III, 1937. Статья появилась, когда эта книга была уже подписана мною к печати; в несколько иной редакции она была мне известна по докладу, прочитанному С. П. Обнорским в 1935 г.

III

Книга Г. В. Лудольфа вполне оригинальна не только в разделе фразеологии, в описании природных богатств и населения России, но и в грамматическом разделе. Утверждение ак. Давыдова и прочих о полной зависимости от книги Мелетия Смотрицкого — ложно, и объясняется невнимательным чтением Лудольфа, а также плохим знакомством с грамматикой Смотрицкого.

Г. В. Лудольф поместил перед *своим* изложением русской грамматики объяснительный перечень терминологии славянских грамматик (разных, а в том числе и Смотрицкого) *„для тех, кто хочет изучать славянскую грамматику"*, как сказано в заголовке этого раздела книги. Кроме этого полезного, вполне уместного добавления к своему труду — Лудольф ничего не выписывает, не заимствует у Мел. Смотрицкого, да и грамматической традиции он следует только в классификации склонений, но и тут больше влияют общие для Лудольфа и авторов наших грамматик — латинские и греческие образцы (Донат, Ласкарис), чем славянские грамматики. Об изучении нескольких славянских грамматик Лудольф сообщает сам, а сомневаться в словах этого ученейшего человека, всегда точного и добросовестного в своих утверждениях, у нас нет никаких оснований. К тому же и от греко-латинской схемы Лудольф ушел в своей грамматике дальше, чем Смотрицкий, показав этим свою бо́льшую лингвистическую одаренность и образованность.

В своих записях Лудольф выказал тонкий слух и емкую память, а в системе изложения грамматики—самостоятельность и смелость.

Он первый противопоставил русский язык старославянскому, как язык вполне годный, зрелый и более потребный для литературно-книжного употребления, тогда как ни один из его предшественников не оказался способен признать самостоятельность русского языка, но еще важнее то, что Лудольф без ошибки провел это разграничение через всю грамматику. Еще шестьдесят лет после его книги — до появления грамматики М. Ломоносова— у нас будет господствовать путанное и сбивчивое учение о спекулятивно-построяемом славяно-русском языке, мертвом, далеком от разговорного языка, и от языка книги и документа первой половины XVIII в.; язык „Славянских грамматик" — это идеализированный язык церковных книг. А Лудольф дал подлинное описание разговорного языка Московии и создал при этом собственную и очень удачную для первой попытки грамматическую схему. Очень слабое подражание книге Лудольфа представляет маленькая книжечка Ильи Копиевича (Амстердам, 1706 г.) „Руководение"... (Manductio in grammaticam in Sclavonico-Rosseanam), из которой мы перепечатываем во II приложении этой книги все ее диалоги. Немало русского языкового материала — при объяснении славянских слов — вводит в свою грамматику Федор Максимов (Новгород Великий, 1723), и тем делает ее наиболее ценной и интересной из всех грамматических книг после Лудольфа и до Ломоносова.

Чтобы наглядно показать ложность утверждения нашей академической критики о „переписывании“ из Смотрицкого я приведу несколько примеров.

Не говоря уж о первых двух изданиях грамматики М. Смотрицкого, даже в третьем — московском 1648 года — вы найдете в главе о союзах только такие: *„аще, ащебо, аще убо, аще ли, аще же, аще бы, небы, поне, зане, егда, еже, воеже... чи, чили, бовем, теды и прочая“*. Вместо всего этого у Лудольфа вы видите совсем другие союзы:“ *да, и, что, что бы, естли, будет, потому что,*“ — которых нет ни в одной из предшествовавших ему грамматик.[1]

Откройте главу о наречиях у Смотрицкого (издание 1648 г.) и читайте: *Сюдѣ, тўдѣ, бнудѣ, онуду, прежде, неже*“ и т. д. и т. д., но не встретите вы там ни одного из тех русских наречий, какие собраны у Лудольфа; — вот его материал: *„гораздо, насилу, впредки, поздо, точасъ, третьеводни. тяперь, вмѣстѣ, вдругъ, втѣпоръ, покамѣстъ, тутъ*“ и т. д. У Мел. Смотрицкого не приведены такие предлоги, как *„для, без, против, опричь* и др., — впервые зарегистрированные в грамматике Лудольфом. Нельзя не указать на прекрасный подбор примеров употребления предлогов, особенно предлога *„за*“ в I-м диалоге у Лудольфа.

Лудольф сумел отбросить такие негодные элементы грамматической традиции, как „причастодѣтіе“, выдуманное по образцу герундива классических языков (примером в славянских грамматиках его предшественников служат такие прилагательные, как *„читателен, -льна, -о*“ и подобные). Нет у него и деепричастия в понимании Смотрицкого, относящего сюда все нечленные формы именительного пад. единствен. числа мужеского рода причастий: *чты, читая, читав, прочтущ, чтом, чтен, читаем, читан, читаан, прочтен, прочтом.* Нет у Лудольфа и мнимых русских причастий будущего времени, а только Participia præsentis et præteriti. Лудольф дал смелый по новизне и верный в основном анализ форм русского глагола. Он отметил важную роль глагольных приставок, выбросил из схемы залогов Смотрицкого „отложительный“ (выдуманный по образцу латинских и греческих deponentia) и „общий“ (того же происхождения), зато он первый указал в русском языке и ввел в свою схему reciproca — „взаимный залог“. Вместо ложного у Смотрицкого различения „сослагательного“ наклонения (*„далъ бы*) и „подчинительного“ (*„аще бы хотѣлъ*“), Лудольф устанавливает один Subjunctivus, образуемый присоединением частицы **бы**. Так же и вместо двух: *„молительного*“ и *„повелительного*“ (первое у Смотрицкого — на манер греческого оптатива) Лудольф выставляет только один Imperativus. Вместо ш е с т и времен Смотрицкого (*настоящее, преходящее. прешедшее, мимошедшее, непредельное, будущее*) — опять таки списанных им из греческой грамматики Ласкариса — Лудольф

[1] Маленькую свою главу о союзах Лудольф заканчивает примером, — прекрасной русской фразой: „что болши живешъ, то болши слышишъ“. Этот пример, как и другие, свидетельствует об умелом выборе материала.

устанавливает только **три**: настоящее, прошедшее, будущее. Напомним, что еще в 1755 году Ломоносов путал времена и виды, а потому насчитывал **десять** временных форм русского глагола. Лудольф констатировал отмирание двойственного числа в склонении и спряжении, совпадение формы звательного падежа с именительным в русском языке. Он сделал первую попытку собрать **русские** безличные глаголы. Он самостоятелен и в выборе слов для грамматических парадигм.

Верно определил Лудольф окончание предложного падежа существительных мужеского рода -у, как свойственное „чисто русским словам", в отличие от книжных форм на -ѣ; не смешал он (как говорит один из его критиков) русское окончание родит. пад. ед. ч, прилагательных со славянским, а как раз строго различал их—бѣлово: Единороднаго (стр. 72 — в цитате из евангелия). Он остановился на вопросе об употреблении кратких и полных форм прилагательного в именительном падеже, хотя и не мог вполне разрешить его, да ведь и сейчас этот вопрос еще недоработан у нас. Он первый указал на различие в употреблении местоимений „**сей**" и „**етой**" (о последнем не упоминает ни одна грамматика от Мел. Смотрицкого и до Фед. Максимова). Никто до Лудольфа не констатировал русского перфекта без глагола-связки и будущего с вспомогательным глаголом „**стану**". Нельзя ставить в вину Лудольфу, что он не разобрался в видовых формах русского глагола. Сколько нибудь правильное учение о видах вырабатывается у нас очень медленно только в XIX веке, мы и сейчас еще стоим перед неотложной задачей глубокого пересмотра этого вопроса, почти не продвинутого со времен исследований К. Ульянова. Ломоносов тоже не сумел уяснить систему видов, отчего же тогда и его не обвинять в незнании русского языка!

Все заслуги Лудольфа в глазах некоторых наших ученых заслоняются множеством опечаток оксфордского издания. Полным отсутствием исторического понимания только и можно объяснить это. Книгу Лудольфа печатали люди настолько же осведомленные в русском языке, как наборщики Ленинградского „Печатного Двора" в абиссинском или чукотском языке. Лудольф не упрекает их. Но вот его современник, упомянутый уже не раз Илья Копиевич (seu de Hasta Hastennius) в предисловии к Латино-русской грамматике, напечатанной в Амстердаме в 1700 году, пишет (стр. 7 сл.): „Умолчю же нынѣ о неразумивихъ типографах, которих учити нужда бысть мнѣ самому, и ихъ ради неумѣлости во мнозѣ прегорчих душу мою, и во мнозѣ отщетихъ ся... Но понеже в напечатованiи сея книги от неумѣющых типографовъ нечто погрѣшено есть, в повторенiи совершенномъ... сея книги вся изобразимъ."[1] Второго издания книги — исправленного, „совершенного" не удалось выпустить ни Копиевичу, ни Лудольфу. В списке опечаток у Лудольфа, помещенном на остатке страницы под

---

[1] Даже в приведенных строках предисловия типографы сделали две опечатки: „*Высть*" вм. *бысть* и „*изовразимъ*" вм. *изобразимъ*.

оглавлением и потому чрезвычайно кратком [он доведен только до 38 страницы т. е. меньше чем до половины книги] сделана одна новая опечатка „pag. I, *lin.* 13. *pro соѧзъ lege зоюзсъ*". В большинстве случаев опечатки могут быть исправлены без всяких колебаний благодаря наличию в этом же тексте случаев правильного набора данного слова, так отрицание „и е" (стр. 45) при неоднократном „н е" мы выправляем сразу; подобным же образом: „п о г р ѣ в ѣ",— если видим в предыдущей фразе: „п о г р е б ъ" (стр. 45), исправим „в з а л ъ" (стр. 36), если рядом стоит: „взѧть". Исправим „в у м н е" на „к у м н е" (стр. 44) и „в у ш е н и е" на „кушение" (стр. 52) т. к. на стр. 49 читаем: „кушениемь", исправим: „п о р м и л" на „кормил" (стр. 54), т. к. в предыдущей строке читаем: „к о р м и л" и „т о в о р ѧ д и" (42) ср. „д л ѧ р а д и" (67), „т ѧ р е р" (56) при неоднократно встречающемся т ѧ п е р ь (40 и др.) и т. д. Нельзя ставить на счет Лудольфу и неправильную разбивку слов, как: „т р е т и е в о д н и" (40), „ч е л о м б ь ю" (53) при „челом бью" (47, 49) или „черно сливы" (87). Но надо видеть прием самого Лудольфа в отдельном написании — сѧ возвратных и взаимных глаголов, в слитном написании частицы л и (давноли 43, крылоли 52, домали 55, лучели 61, скороли 69 и под.) в написании д л я ч е в о (41, 54, 68).

Есть конечно бесспорные недосмотры и ошибки у Лудольфа, в которых он и сам повинен, напр. „ж и в е т з а г о р о д ѣ", (46) вм. „г о р о д о м ъ"; „с т е л и с к а т р е т ь" (49), „т ы р а н о с п а т ь л е ж и ш ь" (54), у м р е т и н е с т а н е ш ь—non morieris (66), в ы п л о щ а и ш т е к а н ъ (50), о ѣ с т в о м ь и п и т і и (48), (хотя на стр. 42 правильно указано, что предлог „о" управляет предложным падежом, какой и дан тут рядом: „питіи"), неверно латинское: г а п а — елень — Rennthier (90), хотіѧ (54) при правильном написании „хотѧ" на стр. 58.

Трудно сказать, кому принадлежат такие ошибки в единично встречающихся словах, которые могут быть объяснены влиянием (аналогией) написания соседних слов. Напр. в словарике читаем столбец из 10 слов на ъ (на стр. 90), а в числе их ошибочно и „крыса":

	Ежъ	Также на стр. 89:	Лисица
	мышъ		песца...
	крысъ		..куница.
	кротъ		

Лудольф мог ошибиться в определении рода песецъ, но, возможно, что в рукописи было правильно, напр. к р ы с а, а „неразумивии типографы" внесли в этот столбец, по своему почину, бóльшее единообразие форм, чем того хотел автор книги. Напомню опять, что и современные наборщики и корректора часто „помогают" автору именно таким образом.

IV

Есть ли основания утверждать, что книга Лудольфа возникла не в результате наблюдений и записей живого языка (как я думаю), а путем кабинетного перевода латинских или немецких фраз на русский язык?

Нет. Это опровергается целым рядом доказательных доводов.

Единственным основанием такой гипотезы (кроме плохого знания материалов по разговорному и литературному языку конца XVII в., обусловившего субъективное предубеждение против свежих и ярких данных Лудольфа) является наличие нескольких латинизмов и германизмов в русском материале книги Лудольфа. Я приведу их, но наперед скажу, что все они не имеют никакого значения и не могут влиять на оценку и понимание книги, т. к. они совершенно очевидны для исследователя, немногочисленны и объясняются совсем иначе, чем думал Балицкий и примкнувшие к его „теории".

Несколько фраз, понадобившихся для живости, связности диалогов и не найденных среди непосредственных записей, не запомнившихся Лудольфу, могли быть, действительно, сочинены им в 1694—5 году в Лондоне при окончательном редактировании книги; но недопустимо по поводу этих нескольких вкраплений дискредитировать всю книгу, вместо того, чтоб выделить их и не учитывать при использовании материалов ее, как источника по истории русского языка.

Еще две-три фразы могли быть записаны в немецкой слободе от иностранцев, не совсем чисто говоривших по русски.[1] Но подавляющее большинство данных книги не может быть опорочено или заподозрено и должно быть принято нами с полным доверием.

Лудольф был полиглот, совершенно исключительный для своего времени. Кроме родного немецкого — он с высоким совершенством владел еще английским языком, на котором написал большую часть своих сочинений. „Русскую грамматику" он написал по латыни. Его латынь совершенно безукоризненна, больше того, он мастер латинского стиля. Письма он пишет между прочим и по итальянски, причем опять таки на хорошем итальянском языке. Кроме того, он слывет знатоком древне- и ново-греческого, древне-еврейского, арабского и турецкого. Наконец, и русский язык он изучил довольно хорошо. Основой всего этого богатства языковых навыков были немецкий и английский. „Акцент" этих языков чуть-чуть сказывался вероятно при употреблении всех остальных. Мы обнаруживаем этот „акцент" и в его русском языке. Самое восприятие и звукового состава и строя русской речи обусловлено немецко-английскими нормами. Когда Лудольф указывает:

стр. 12: Genus omne non habent, nam adjectiva tribus terminationibus constant (Всеобщего рода у них нет, так как прилагательные употребляются с тремя родовыми окончаниями).

или — (стр. 11) Magnam Nomina habent difficultatem in declinationibus. Non enim declinationes per certos tantum articulos cujuslibet casus fiunt, uti in maxima parte vernaculorum Europæ, sed casus a se invicem terminationibus differunt, uti in lingua latina et

---

[1] Такова, напр., контаминация „свидаться" (47,59), употребляемая вм. „видаться" и „свидеться".

græca. (Очень трудны склонения имен, т. к. образуются они не падежными формами членов, как во всех почти туземных европейских языках, а посредством изменения окончаний, как в латинском и греческом) или (стр. 28) Verbis auxiliaribus ad formationem præteriti non utuntur sicuti reliquæ Vernaculæ Europæ. (Они не пользуются вспомогательными глаголами для образования прошедшего времени, как другие туземные европейские языки),— то не может быть сомнений, что русский язык он мысленно сравнивает тут прежде всего с английским, а затем, возможно, и с немецким языком.

Когда внимание его сосредоточено на фонетике, он воспринимает ее очень точно. В первой главе книги он дает ряд фонетических транскрипций русских слов, поражающих своей точностью. И только несколько деталей произношения ускользает от него,— именно те детали, какие совершено несвойственны английскому и немецкому языку. Он не всегда улавливает (и обозначает) различия палатализованных согласных от твердых— на конце слова: дасть 65, память 67, кремень, огонь 84, ночь, день, осень 83, ртуть 85, честь, власть 78 (однако: milost, kost, tschest, utschitel, koren, Gossudar, teter, Gospod), но он обозначает палатализацию внутренних согласных (blagodariu, sliuda, sviat, voscresenie). Сложность соотношения двух английских l (среднего и заднеязычного) с двумя русскими „л“, т. к. английское среднее „l“ иногда может акустически приближаться к нашему твердому „л“, иногда к мягкому, (а нашего мягкого Лудольф, наверное, практически и не усвоил),— с другой стороны отсутствие в английском правописании четкого графического различия для двух типов „l“—повело к тому, что он делает немало ошибок в передаче „л“ мягкого русских слов: *klukva, korostel, земланицы, малыны, стелу, слышкомъ, постелу, землы, землах* и под.[1] Звук ы под ударением, как все иностранцы с острым слухом,[2] Лудольф воспринимал как дифтонг ui: *нынѣ — nuine, пытать — puitat*. Но в безударном положении он смешивал ы с и: *tsinga*, (— *цынга*), *кстини, женщини, дыны, ландишной, алѣти думаешь* (р. 59), но чаще „*ты*“.

В написаниях Лудольфа: *новие, которие, различние, простие* — надо видеть правильное восприятие фактов языка. Рядом с *куда, суда, туда, о*^{т}*куда, о*^{т}*суда, о*^{т}*туда* (все на стр. 41) — встречаем у Луд.: *суди, туди, куди* (44). Но это не ошибки,— очевидно таково было северно-русское произношение, ср. древне-русские *кудѣ, тудѣ*.

Как правило, Лудольф прекрасно различает русские глухие и звонкие, (в фонетических транскрипциях нет ни одной неточности), но там где внимание было отвлечено от фонетики, он мог допустить оплошность. Надо сказать, что таких его промахов

---

1 Некоторое значение имело и то, что в русской орфографии того времени мягкость л обозначалась только перед гласными.

2 Ср. в работе *Alfr. Schmitt*. Akzent und Diphtongierung. Heidelberg, 1931, s. 72 ff.

удивительно мало: *roschestvo, uloschenie,*[1] *та* (вм. *да*) 68, *хосяинъ* 48, *trachva* 94, *трахва* 89 (вм. драхва), *Баренъ* (вм. парень) 50. Сюда нельзя отнести слово *щуга* (стр. 87), т. к. оно написано по аналогии (в перечне рыб) после: *бѣлуга, семга.*

Мягкость конечных согласных обычно не обозначена Лудольфом, но это стоит в связи с отсутствием регулярного обозначения ее в письме и печати московских книг и рукописей того времени. Окончание инфинитива, напр., как правило писалось и печаталось тогда выносной буквой „т" без ерика, а ок. 3 л. ед. ч. наст. врем. с тою же выносной (надстрочной) „т" без ера. Лудольф все инфинитивы пишет с окончанием — тъ. Он пишет и лошадь (89) и лошадъ (45). Рядом с барсъ в словаре читаем рысъ (89), как рядом с лошадь — быкь (89). Это внесено, я думаю, при печатании книги. Все это нимало не снижает ее ценности, т. к. никого не вводит в заблуждение.

Так же легко снимаются с нашего учета единичные явные германизмы и латинизмы в русской фразеологии Лудольфа (замеченные в небольшом количестве еще Каченовским и потом постоянно используемые против Лудольфа). Привожу их:

Стр. 50: Чем тебя потчивать? *Съ* пивом... (*Mit* Bier).

Стр. 61: Мало забавы *за* иноземца. Da ist wenig zeit vertrieb *fur* einen frembden.

Стр. 61: Как тамошние люди проклажатъ ся? *Со* всяческими играми. *Mit* allerhand spielen.

Стр. 47: Для чево ты вчерась *не ку мнѣ* пришолъ? (вм. ку мнѣ не...) Quare heri *non ad me* venisti?

Стр. 52: Не боися еще я никово пияново напоилъ. (нет 2-го отрицания)... adhuc neminem ebrium reddidi.

Стр. 57: Вели *дѣвку* постѣлу слать. Jube ancillam lectum sternere (Accusativus cum Infinitivo).

Стр. 65: *Нечемъ* дѣти не кормишъ. *Nihilo* liberos non alis. (вм. „детей не (на)кормишь").

Стр. 66: О^{т} етои немочи *умрети не станешъ.* An dieser Kranckheit *werdet ihr nicht sterben.*

Совершенно правильную фразу 58: „*Какъ бы ты не замешкалъ, так бы ты назадъ былъ прежде* чем *я всталъ*" в Лондоне, то ли сам Лудольф, то ли „неразумивии типографы" англизировали пропуском слова „чем" (You would be back before I got up) Наконец еще две оплошные фразы я отношу на счет москвичей из немецкой слободы, ибо они даны как варианты правильных русских конструкций:

Стр. 51: Буди здоровъ, *на* твое здоровіе (вм. *за*)... *auf* euere Gesundheit.

Стр. 43—44: Давно ли ты *съ* Москвы?

...Вчерась онъ *от* Нова города приѣхалъ (... *von* Novo grod).

К этой же категории, вероятно, надо причислить и ошибки в употреблении видовых форм.

---

[1] Надо однако принять во внимание, что написанием sch Лудольф передавал ж, а не ш, т. к. более подходящей транскрипции он не знал, а написания „алмасъ" 84, „дрость" (дроздъ) 88 — надо считать фонетическими.

Вот и все „сомнительные“ данные Лудольфа. Остальные инкриминируемые ему фразы надо понимать как верное отражение разговорной речи Москвы, Новгорода и других городов, где побывал Лудольф. Эта разговорная речь была не „чистой“, сильно отличалась не только от высокого стиля тогдашнего литературного языка, но и от разговорного языка образованных людей XVII века. В разговорной речи разных классов общества, с какими общался и от каких учился русскому языку Лудольф, в конце XVII века было немало украинизмов, полонизмов, германизмов. Северно-русские и южно-русские элементы словаря, фонетики и морфологии тоже п е р е м е ж а л и с ь в этом смешанном городском разговорном языке. Все это не только не укладывалось в фальшивые схемы истории русского языка буржуазных лингвистов прошлого века, но и оскорбляло их шовинистически-пуристические языковые вкусы и предрассудки. Отсюда их раздражение против ни в чем не повинного Лудольфа и отрицание всякого исторического значения его показаний. Отношение к книге Лудольфа — лучшее доказательство классовой близорукости, неосведомленности и рутинной косности некоторых историков русского языка.

В конце латинского трактата Лудольфа о Московии читаем: Cum aliquando in puerum ejusmodi [Tartari filium] Russsice callentem incidissem... interrogabam, quomodo Deum sua lingua vocaret, at ille *Bog u nas niet,* h. e. Deum non habemus. p. 97. („Когда однажды встретился я с таким татарченком, умеющим говорить по русски... и спросил его, как он называет бога на своем языке, то он сказал: Б о г у н а с н е т“).

Лудольф точно записал ответ, уловив даже деформацию, „акцент“ татарина!

В разных местах грамматики (14, 15, 16, 17, 20, 21, 28 и др.) и в предисловии Лудольф прямо говорит о непосредственных своих наблюдениях над живой речью и передает слышанные им фразы так же точно, как и приведенную только что реплику татарченка.

Вот два примера из грамматики.

a) стр. 17: Vocabula quaedam mere Russica genitivum et ablativum singularis formant in-y, ut члвкъ простово роду, homo generis plebeii. У нево въ дому пожаръ былъ, in ipsius domo incendium fuit четыри времена году, quatuor anni tempora. Обоево полу люди utriusque sexus homines.

b) стр. 28: Sum, es, est, plerumque omittitur, v. g. Я сытъ Sum satur. Алты дуракъ esne tu stultus онъ гораздо богатъ. ille est valde dives.

По этим ярким образцам превосходной наблюдательности, точной памяти лингвиста мы должны составить представление о самом процессе работы Лудольфа, о возникновении его книги.

Нигде в московских книгах или рукописях он не мог найти таких фраз, еще меньше он мог их выдумать для перевода латинских фраз; только непосредственное наблюдение опытного языковеда, хорошо знакомого с языком русской литературы XVII в. и отбирающего для своей грамматики преимущественно дифференциальный материал разговорной речи, — могло обогатить

его такими драгоценными фразеологическими данными. Никаких сомнений в *достоверности* подавляющего большинства его записей быть не может. У нас нет другого подобного этому источника по разговорному языку XVII века, да и всей допетровской эпохи. Этот источник давно заслуживает целой серии самых тщательных исследований.

Вся трудность — в приурочении записей Лудольфа к определенной социальной среде. Трудно это потому, что и собственные замечания Лудольфа и сам языковой материал ясно указывают на разнородность, разноклассовость осведомителей и объектов наблюдения Лудольфа.

Анализируя материалы Лудольфа, мы поневоле опираемся на свои представления о современных разговорных диалектах, причем у каждого исследователя тут возможно своеобразное представление о взаимоотношении диалектов XVII в. и современных. Едва ли кто нибудь решится утверждать, что группировка, состав и взаимоотношения различных социальных диалектов — в XVII веке и теперь — могли бы быть тождественны. А между тем в своей интерпретации Лудольфа некоторые ученые исходят из такой предпосылки: Кульман констатирует совпадение нескольких диалектных слов у Лудольфа с тверскими говорами и заключает отсюда, что Лудольф ездил в бассейн Волги. Другой исследователь говорит о „белорусском“ наслоении в языке грамматики Лудольфа, не допуская возможности, что эти мнимые белоруссизмы являются *полноправными московизмами для конца XVII века.*

Прежде чем сделать попытку исторической интерпретации текстов Лудольфа я должен еще вернуться к опровержению до сих пор повторяемой версии о переводе этих текстов „с латино-немецкого“ (?!), как выражаются ее приверженцы.

Лондонский перевод латинских фраз, если бы он имел место, мог быть осуществлен *на книжный славянский язык*, а не на пеструю по диалектному составу стихию разговорного языка. Таковы были, например, упражнения в латино-русской фразеологии, сочиненные Ильей Копиевичем в Амстердаме в 1700 году. Примеры:[1]

стр. 394.	Haec est vestis patris.	Сия есть риза отческа.
стр. 395.	Est tenuae valetudinis.	Есть нѣжнаго здравия или нѣжным здравиемъ.
стр. 400.	Quod mihi vitio vertis.	Что мне во грѣхъ вмѣняешь.
ib	Dedit mihi pecuniam faenori.	Дал мнѣ денегъ вь ростъ.
—	Dedi (!) mihi vestem pignori.	Даде ми ризу въ закладъ.
стр. 00.	Magno malo hominibus est avaritia.	Ко великому злу людемь есть лихоимство.
стр. 513.	Veni Wladimiriam.	Придох во владимиръ.

[1] *Latina grammatica* in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-rosseanae adornata studio atque opera *Eliae Kopiiewitz* seu de Hasta Hastennii. Editio prima. Amslelodamii, M.D.C.C.

(Сравните также диалоги из русской грамматики Копиевича, напечатанные мною во 2-м приложении).

Язык вот этих переведенных с латинского на русский фраз — однообразен, это книжный язык, он резко отличается от примеров и диалогов Лудольфа. Здесь нет сомнений в переводе с латинского. Но как можно объяснить при гипотезе о кабинетном сочинении книги Лудольфа сперва на „латино-немецком" языке — те черты разговорных диалектов, те отклонения от норм литературного языка и то смешение разнодиалектных черт, какое мы находим у него.

Почему он транскрибирует обычное в книгах титлованное написание: *ржство* как *roschestvo*, а не *roschdestvo* и *Слнце* как *Sontze*, а не *Solntze*, *срдце* — *sertze*, а не *Serdtze*. Почему наряду с „*Корова, голова, золото, овесъ, боранъ, кропива, отецъ, государь*" он помещает: *трахва* (т. е. дрофа́), *агурцы* 86, *палынъ, тяперь, тряска, тарелку* 51; *похнитъ* 40; почему он пишет: *тово, ево, ково, бѣлово* и под.; *слать, слалъ*; *крушку*; *северни, хто, нехто, пожe, луче, точасъ*. Откуда он взял начертания свидетельствующие о наличии редукции безударных (второй и третьей степени ослабления гласных: *поѣдит, моложи, болши, менши, четыри*; *ластичка*; *вѣстимъ, околъ, просъ, куши* (вм. кушай), *наши* (вм. нашей), *кушениемъ*. Как объяснить довольно многочисленные написания: *месецъ* 83, *ечмень* 86, *Sterlet, rebtschik* 94 — при: *девять, десять, пятдесятъ, заяцъ*.

Я полагаю, что никакого объяснения этой комбинации фактов не может быть дано без полного доверия заявлениям Лудольфа о записи им своих непосредственных наблюдений над „простой" бытовой речью московитов. Окончательно убеждает в правильности такой точки зрения анализ фразеологии Лудольфа. Ведь старая критика выхватывала по нескольку фраз оттуда в оправдание своего недоверия, но никогда не пробовала разобраться в материале Лудольфа и обосновать научно свои заявления.

Рассмотрим же несколько образчиков „сомнительной" русской речи в книге Лудольфа.

1. стр. 67: Родителя не велели меня грамотки учиться.
Parentes mei non curarunt, ut legere et scribere didicerim.
Meine Eltern haben mich nicht lassen lernen lesen und schreiben.

В русской фразе есть какой то дефект: либо ошибочно напечатано *учиться* вм. *учить*, либо *меня* вм. *мнѣ*. Я думаю, что и самая запись по памяти могла быть у Лудольфа такою (дефектною) в силу контаминации двух почти синонимических конструкций (*мне грамотки учиться*: *меня грамотке учить*). Но погрешность этой фразы ни в какой мере не обусловлена ни латинским, ни немецким текстом, от них эта фраза сильно отличается, как идиоматическое образование; если и предположить, что это не запись, а перевод с другого языка, то придется признать, что это перевод мастерской, доказывающий большое знание русского языка. Обращает на себя внимание форма „родителя", перевод с параллельных языков ее не подсказывал.

3—1753

2. стр. 66: Камчугъ часто наидетъ на меня.
Podagra saepe laboro.
Ich kriege offt das podagra.

Конструкции в каждом из трех языков тут разные, в русском тексте имеем независимый от других (иноязычных) текстов и вполне достоверный оборот. (Ср. „Наиде болезнь на того человека“ Житие Нила Столбенского, 50 и 51. „Наиде потемнение умное“ Кн. бесед Аввакума, 325).

3. стр. 66: Луче деньги въ кстини выкладивать.
Praestat erogare pecuniam in baptismum.
Es ist besser das geld auf die kind tauffe wenden.

Каждая из трех фраз идиоматична. Русский текст не может быть признан сколком (калькой) ни с немецкого, ни с латинского.

4. стр. 50: Ренского у насъ нетъ, чемъ тебя потчивать?
Vinum non habemus, qua re tractabimus te?
Wir haben keinen wein, womit sollen wir euch tracktieren?

Обращаю внимание на слово „ренское“; при переводе и с латинского и с немецкого стояло бы слово „вино“, широко употребительное в русском языке и широко засвидетельствованное текстами (начиная с XI века, а также и в XVII-XVIII веках).

5. стр. 50: Куди ты дѣлъ мои ножикъ?
Quid fecisti de cultro meo?
Wo hastu mein messer hingethan?

Здесь и „ножик“ не вполне соответствует „cultro“ и „messer“, и „Куди“ вм. обычного у самого Луд. „Куда“ и „дѣлъ“ — не подсказано ни „fecisti de“ ни „hastu hingethan“.

6. стр. 49. Дѣвка стѣли скатретъ.
Ancilla, sterne mensam.
Magdgen, decket den tisch.

Немецкий и латинский текст вполне совпадают, но русский самостоятелен и не мог быть переводом с них.

7. стр. 48-49. Изволишъ с нами хлѣба кушитъ? Челомъ бью, дѣло мнѣ.
Placetne tibi nobiscum comedere? Gratias ago, aliquid mihi agendum est.
Beliebet euch mit uns zu speisen? Ich bedancke mich, ich habe etwas zu thun.

Конструктивные и лексические расхождения всех трех пар фраз опять таки указывают на передачу смысла русской фразы средствами латинского и немецкого языков, а не на построение худо знающим русский язык иностранцем русской фразы для перевода-кальки немецкого или латинского оборота (Ср. „дѣло мнѣ“, „хлѣба кушитъ“).

8. стр. 48: Дома ли твои хосяинъ? Не знаю, онъ з двора ѣхатъ хотѣлъ.
Domi ne est herus tuus? Nescio, exire voluit.
Ist euer herr zu haus? Ich weiss nicht, er hat wollen ausfahren.

Если это перевод с латинского или немецкого, то человек, употребивший выражение „з двора ѣхать", для передачи „ausfahren" или „exire" переводил на русский лучше всех переводчиков посольского приказа. То же относится и к следуюшим фразам:

9. стр. 47: Не досугъ мнѣ было.
Non vacabat mihi.
Ich hatte nicht zeit.

стр. 46: Какъ тебя богъ милуетъ?
Quomodo vales?
Wie geht es euch?

Онъ за городъ пошолъ. Exiit urbe. Er ist aus der Stadt gangen.

стр. 44: Поди къ нему и скажи ему челобитие от меня.
Abi ad illum et saluta eum meo nomine.
Gehet zu ihn und grusset ihm von meinetwegen.

стр. 43. Давно ли ты съ Москвы?
Diune e Moscovia discessisti?
Wie lange ist es dass ihr aus der Moscau kommen?.

Лудольф наверно написал бы: „Давно ли ты из Русии уехалъ", если бы он переводил с латинского и „Давно ли ты от Москвы поѣхалъ", если бы переводил с немецкого, — об этом свидетельствуют промахи других упомянутых уже его фраз (стр. 44, 59—60).

Последняя доказательная цитата:

10. стр. 50. Поди в поварну и позови И в а н о н у (вм. Ивановну).
Abi in culinam et advoca *uxorem meam.*
Gehe in die kuche und rufe *meine frau.*

Какие словари, какие источники изучения русского языка могли обусловить перевод латинского *uxor* нем. *frau* через „Ивановна"? Если допустить, что Лудольф раз навсегда усвоил себе ошибочное понимание слова „*Ивановна*" в России, то переводя латино-немецкие разговоры на русский в Лондоне, он всюду в соответствии со словами *uxor*, *frau* ставил бы „*Ивановна*". А между тем это встречается у него только один раз в этой подлинно разговорной русской фразе. В других случаях Лудольф употребляет слова: *жена, семья, хосяишка.* Непосредственная запись живой речи в этом случае совершенно очевидна.

Наконец еще один довод. На стр. 45—46 в девяти фразах под ряд употреблен предлог „за". Желая разъяснить на подобранных им примерах употребление этого русского предлога, он тщательно передавал в латинском и немецком столбцах разные оттенки его значения разными словами и средствами (напр. по латыни этому „за" соответствует там: p r o, e x t r a, t r a n s, i n, i n d i t i o n e, ā t e r g o, творительный без предлога, винительный объекта без предлога). Подобное же разнообразие передачи и по немецки, но я для краткости это опускаю.

Но кто же сочтет правдоподобным допущение, что имея столь разнообразные латинские и немецкие фразы и пытаясь перевести их на русский, Лудольф употреблял бы каждый раз все то же русское „за" — в девяти фразах под ряд на одной странице!! А если он мог с о ч и н и т ь столько и таких безупречных (за одним исключением) русских фраз для одного

только предлога „за“, то ему можно доверять, как авторитетнейшему знатоку русского языка.

Сравните еще: дважды встречающемуся латинскому quorsum tendis соответствует один раз (стр. 44) *Куди идешъ, поѣдишъ?* а другой раз (р. 47): *Куди думаешь.* Точно так же латинскому gratias ago соответствует; *blagodariu* (*10*) *спасибо* (*47*) *челомъ бью* (53 *и др.*).

Большее разнообразие и богатство русского столбца, чем латинского и немецкого в книге Лудольфа свидетельствует о его первоначальности.

Итак, во всех этих случаях можно видеть вольный перевод с готовой (записанной, а не сочиненной) русской фразы на немецкий и латинский языки, которыми Лудольф прекрасно владел с детства. Иначе пришлось бы допустить, что Лудольф говорил по русски как природный москвич, а в таком случае его показания надежны и достоверны, как показания любого подлинно московского памятника письменности,—и это взрывает в самом существе гипотезу о приоритете латинского текста.

V

Что же может дать материал Лудольфа для истории русского языка?

Я уже говорил, что его грамматические наблюдения ценны тем, что они свидетельством современного наблюдателя подтверждают с окончательной несомненностью ряд положений, какие мы в большей части принимали уже на основе изучения других известных источников. Но фразеологический материал Лудольфа почти целиком свежий, единственно у него зарегистрированный для конца XVII века и до сих пор в оборот наших исследований по истории русского языка не принятый. У меня есть основания думать, что, раз только начнется на основе книги Лудольфа изучение разговорных диалектов XVII в., то найдутся и другие свидетельства о тех же элементах разговорной речи; пока записи Лудольфа (за немногими исключениями) представляются единственными. Ряд параллелей к ним имеется в Парижском словаре 1586 года и в словаре Рич. Джемса 1620 г. Но об этих соответствиях я буду говорить в другой работе, тем более, что оба только что названные памятники тоже до сих пор не введены в научный оборот. Здесь же, в заключение, я изложу свои предположения о социальной среде, в какой вел свои наблюдения Лудольф, о том, чей разговорный язык отражен и сохранен для нас в его книге.

Уже в начале своей статьи я указывал на важность посвящения и двух предисловий книги Лудольфа для определения социальной среды, в какой он вращался. Это прежде всего высшие и наиболее просвещенные круги московского населения. В беседах с кн. Б. Голицыным, патриархом Адрианом и др. учеными москвичами Лудольф усвоил и свое понимание соотношения между русским и церковно-славянским языками, и оценку языка Уложения Алексея Михайловича, сочинений Симеона Полоц-

кого, и произношение слова Исусъ (есть и написание Iисусъ, 72, 78) как iisus (10), а не isus, употребление слов ямъ вм. ѣмъ переставился вм. умер, отошествіе, однакожде, древо (как русское слово дано в грамматической парадигме), похранити.[1] В этой же среде усвоены были Лудольфом и такие фразы как:

„Напразно попечешъ ся, как Вышнои не благословитъ (65).

„Кажетъ ся мнѣ, что онъ не учонъ“ (20).

„По моему мнѣнію то болново ослабляетъ“ (66).

„Скажутъ, что пригожие женщини во французскои землѣ (60)

„То великое утешенніе мнѣ было о чужихъ земляхъ бесѣдоватъ“ (67).

Но в диалогах, да и в фразеологических иллюстрациях грамматики Лудольфа гораздо больше таких записей, которые своим содержанием ясно указывают на среду высшего и среднего купечества и тогдашней „технической интеллигенции“ — крупнейших мастеров, специалистов. Трактат о богатствах и торговле России, заключающий книгу, не мог быть написан без широких связей с этой средой. В диалогах Лудольф упоминает о соседе докторе, о приятеле „великом художнике“ — часовщике. На эту более низкую по социальному положению, но более широкую и более важную для Лудольфа среду указывают такие, например, фразы:

„Выбираи товарищи которие не склонение къ питію или къ праздности“ (63).

„Надобе купитъ толко <то> что нужно“ (64)

„Изъ агленской земли привозятъ сукно (43)

„По тои ценѣ продаватъ не могу“ (45)

„Онъ гораздо богатъ“ (28).

„Возбуди меня завтра въ четвертомъ часу“ (57).

„Каетъ ся мнѣ что свадбу здѣлалъ, по тому что мало въ приданіе ей дали“ (65) (т. е. „каюсь, сожалею, что“ . . .).

„Много я издержалъ на етую работу, а жаль мнѣ, что деньги не въ мошнѣ держалъ“ (64).

„Въ молодихъ лѣтехъ нехто такъ разуменъ что бы трудилъ ся дляради науки и премудрости“ (67).

„Почта пришла и грамотки я не досталъ“ (64).

„Есть такихъ, которие в одномъ пиру пропіютъ <то> что во всемъ году нажили“ (66).

„Отнеси бушмаки къ сапожнику и вѣли их починитъ“ (56).

„Вѣли дѣвку (вм. девке) постѣлю слать и чистие простыни класть“ (57).

„Алти (вм. ты) думаешъ, что поѣхатъ мнѣ мочно, а не проститъ ся с тобою“ (59—60).

„Блискаетъ“ (fulgurat), 40. „Видалъ ты моево брата“? (16).

„Я купил доброи ножикъ“ (19). „Изволишъ чарку вотки“? (50).

„То ихъ убычеи, что лутче ты платишъ, то хуже служаютъ“ (56).

„Не досугъ мнѣ было“ (47).

---

[1] В XV—XVI в. в письменности употребляется „похоронити“, а в XVII в. исключительно почти „похранити“ (по данным „Картотеки Древнерусского словаря“ ИЯМ. (Ср. „Материалы“ Срезневского).

„Луче дурачествоватъ неже крастъ“ (58).

„Где лѣсовъ много, тамъ огонь мало стоитъ“ (62).

И многие еще подобные этим фразы читатель сам выделит в издаваемой нами книге.

Обращу внимание еще на характерный для изученной Лудольфом социальной среды (купечества и боярства) перечень фруктов („огородный плодъ“) в его словарике (86): „Агурцы, тыква, дыны, земланица, малыны, смородина, черницы, можевеловіе ягоди, шиповніе ягоди, бусовіе ягоди, винніе ягоди, изюмъ, амигдалное ядро, вишни, орехи, грецкие орехи, черносливы, груши, яблоки“.

Характерно и полное отсутствие во фразеологии форм аориста и имперфекта, форм двойственного числа, обилие безличных и эллиптических конструкций („Нету дровъ“. „Грязно“).

Две три фразы подхвачены из уст челяди, дворовых, напр.: „Ты меня здвора послалъ, не могу два дѣла вѣдругъ зделатъ“ (58).

„Я бежалъ бутъто бешенна собака“ (там же).

„Въ передъ ленивъ не буду“ (54).

„Твое здоровіе знаетъ, когда ты вчерасъ домои приѣхалъ“ (54).

Эти фразы опять таки указывают на то, что наблюдения Лудольфа относятся больше к среднему, чем к высшему слою общества: боярская, княжеская челядь не могла так говорить со своим господином, о б р а щ е н и е последней фразы ясно указывает на посадскую, купеческую среду.

Верность и острота наблюдений Лудольфа обнаруживается и еще с одной стороны.

Язык Москвы XVII в. был очень пестрым, разнородным, еще более разнородным, чем в наше время. Там сосуществовали — то смешиваясь, скрещиваясь, то перемежаясь, то взаимно отталкиваясь, размежовываясь — разные феодальные диалекты (областные и городские — классовые) и многие разнородные языки восточных и западных народов. Даже избрав только русский язык объектом своего наблюдения, Лудольф не мог не зафиксировать сложности состава его в ту эпоху. И выше уже было показано, как неоднородны его записи.[1]

Я прибавлю еще несколько указаний на отмеченные Лудольфом лексические альтернанты в языке Москвы XVII в. Богатство синонимами характерно для всех языков феодальной эпохи, оно представляет первый результат поглощения племенных языков и объединительных тенденций, зарождающихся в больших торговых городах отдельных стран. Но начало семантической дифференциации синонимов, начало использования их для обогащения специальными признаками частных значений, что нарушает смысловую близость таких синонимов, — относится в ос-

[1] Ряд украинизмов в фразеологии Лудольфа надо целиком отнести к бытовым диалектам Москвы, а не на счет случайных украинцев (или белоруссов) среди осведомителей Лудольфа; так. широко подтверждаются параллелями из других московских текстов XVII в. слова — шкода, уживать, удоволиться. К этой же категории я отношу и: выграю, боркан (известное и в Псковских диал.), загасить, все однако (в знач. „все равно“), мингасло.

новном (в широком масштабе) к эпохе распада феодализма и образования национальных языков. Часть синонимов в дальнейшем исчезает, не включается в национальные языки, если не имела места указанная семантическая дифференциация, делающая их необходимыми и долговечными.

Лудольф отчетливо указывает на синонимические пары лексических альтернантов, напр.: (32): дивлюся licet дивуюся quoque in usu sit; (40): коли, когда—quando; (51): сердиться, прогнѣваться; (53): я довольно ѣлъ; я сытъ; (42): опричъ, кромѣ; (85): борканъ, морковъ; (85): сталь, укладъ; (86): жито, ечмень; (63): скудость, убожество; (59): загаси, потуши. В других случаях он размещает их отдельно, как: спасибо, благодарю, челом бью; (61): сухимъ путемъ (в ответе)—горою (в вопросе). скажутъ, что (60) — говорят, что..(62).

В приуроченьи этих альтернантов, а также и таких слов, как кстины, проторный, порозный, угровина, убычеи нельзя отправляться от современных данных диалектологии. Не говоря уже о том, что мы не проделали пока почти никакой работы в области лингвистической географии и потому мало знаем о территориальном распространении слов, надо учитывать глубокие перемены и в социальном и в географическом их употреблении, какие произошли за последние два с половиною века. Не только границы сфер бытования отдельных слов изменились, но в силу их социального передвижения многие собственно московские элементы языка стали провинциальными, как и наоборот, многие диалектизмы, чуждые московской речи в XVII в., теперь вошли в диалекты города Москвы. Сложная история этих „передвижений", этого обмена словарными средствами может быть раскрыта только путем кропотливого и достаточно полного обследования прежде всего исторических источников по языку Москвы (и XVII века и более раннего времени), — а затем уже и современных диалектов, но не такими кустарными приемами, как это делалось у нас до сих пор, а методами лингвистической географии, обогащенными и осложненными на основе принципов марксистского языкознания. Иными словами, как материал Лудольфа, так и всякий другой исторический материал — можно будет легко и уверенно приурочить к тем или иным социальным диалектам XVII в., когда создан будет полный исторический словарь русского языка и советский лингвистический атлас. А сейчас такие приуроченья имеют произвольный характер, а потому я и воздержусь от них. Одна из насущных задач наших дней — подготовить надежную базу для исторической диалектологии русского языка разысканием и научным изданием источников и материалов по разговорным диалектам XVI—XVII—XVIII веков, какие до сих пор почти не привлекали к себе внимания наших лингвистов. Издание книги Лудольфа и должно послужить к осуществлению этой именно задачи.

БИБЛИОГРАФИЯ.

(Список использованных работ.)

1. *С. К. Булич.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. ч. 1 СПБ. 1893 (Записки Историко-филологического факультета Имп. СПБ. университета, ч. 32), стр. 57—63.

2. *С. К. Булич.* Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в.—1825 г.) СПБ, 1904. стр. 190—191.

3. *Ив. Балицкий.* Материалы для истории славянского языкознания. Литература исследований о церковнославянском и русском языке на иностранных языках с XVI в. по 1872 г. Киев. 1876, стр. 12—15.

4. *Adam Brand.* A Journal of an Embassy from Moscovy into China over Land... by Everard **Isbrand**... in the years 1693—1695, written by Adam Brand, secretary of the Embassy. To which is added Curious Observations concerning the Products of Russia by H. W. **Ludolf**. London. 1698.

5. *В. В. Виноградов.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX в. в. Москва, 1934, стр. 8 и 41—42.

6. *В. Герье.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПБ, 1871.

7. Ак. *Ив. Давыдов.* Предисловие к „Грамматика русского языка ак. М. В. Ломоносова 1755 года". Издана II отд. Имп. Академии Наук в воспоминание столетия русской грамматики. СПБ. 1855, стр. XVI—XVII.

8. *Мих. Каченовский.* О первой русской грамматике. Вестник Европы, 1807 г., часть 34, № 16, авг., стр. 291—295.

9. *Иоанн Георг Корб.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.г.). Перевод и примечания А. И. Малеина. Изд. Суворина. СПБ., 1906.

10. *N. Koulmann.* La première grammaire russe. (Le monde slave. Revue mensuelle. Nouvelle série. IX Année. I. I, № 3. Paris, 1932. p. 400—415).

11. *P. F. Marpergers.* Moscovitischer Kauffmann. Das ist Ausfuehrliche Beschreibung der Commercien, welche in Moscau... getrieben werden... Zum Beschluss aber ein klein Vocabularium oder Russisches Woerterbuch mit angehaenget wird. Lubeck. 1705.

12. *Н. Г. Маслаковец.* Немецкий торговый справочник-путеводитель нач. XVIII в. в России (Марпергер о русской торговле). Сборник Историко-этнографического кружка при Киевском Университете. Вып. 1. Киев. 1913, стр. 115—136.

13. *De la Neuville.* Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie... Paris. 1698. Русский перевод. Записки де ла Невилля о Московии, пер. Ан. Браудо. Русская Старина, 1891 г., сентябрь, стр. 419—450; ноябрь, стр. 241—284.

14. *А. Н. Чудинов.* О преподавании отечественного языка. Очерк истории языкознания в связи с историей обучения родному языку. Воронеж, 1872, стр. 186—88.

15. Ак. *А. А. Шифнер.* Биографические известия о Генрихе Вильгельме Лудольфе. (Записки Имп. Академии Наук, т. V, кн. 2, стр. 119—126.)

16. *Е. Шмурло.* Россия и Италия т. IV, стр. 295 сл.

17. Ак. *И. В. Ягич.* История славянской филологии. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. СПБ. 1910, стр. 66.

18. *М. И. Сухомлинов.* О языкознании в древней России (Ученые записки II отд. Имп. Академии Наук, т. I, СПБ. 1854, стр. 234) (краткое упоминание).

19. *Орест Лозинский.* Русский язык в связи с историею русской образованности. СПБ., 1867, стр. 7—8 (выписки из книги Г. Луд.).

20. *K. H. Schaible.* Geschichte der Deutschen in England von den ersten germanischen Ansiedlungen in Brittannien, bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Strassburg, 1885, s. 220—221.

ЛАТИНСКИЙ ТЕКСТ

HENRICI WILHELMI LUDOLFI

GRAMMATICA RUSSICA

QUÆ CONTINET
NON TANTUM PRÆCIPUA FUNDAMENTA

RUSSICÆ LINGUÆ

VERUM ETIAM MANUDUCTIONEM QUANDAM AD

GRAMMATICAM SLAVONICAM

ADDITI SUNT IN FORMA DIALOGORUM MODI LOQUENDI COMMUNIORES, GERMANICE ÆQUE AC LATINE EXPLICATI, IN GRATIAM EORUM QUI LINGUAM LATINAM IGNORANT
UNA CUM

BREVI VOCABULARIO RERUM NATURALIUM

OXONII
E THEATRO SHELDONIANO
AD MDCXCVI

— I —

Illustrissimo atque Celsissimo
Principi ac Domino
Domino Borisio Alexeidi Gallitsen
S. Tzareæ Majestatis
Consiliario intimo atque inter
Russici Imperii Primores
Excellentissimo

Illustrissime atque Celsissime Princeps,

Cum ipsemet ego testis oculatus fuerim singularis clementiæ et humanitatis Tuæ erga exteros, elementa hæc Russicæ linguæ Celsitudini Tuæ dedicare ausus sum. Sicuti lingua Latina tibi ipsi viam patefecisti ad colloquia instituenda cum peregrinis, ita ægre Te non laturum spero, quod aliis ad conversationem cum Gente Tua manum præbere conatus sim. Omnipotens hujus mundi Creator diversis regionibus diversa bona largiens hoc intendisse

— II —

videtur [1], ut hujus terrarum orbis incolæ commercia inter se instituerent, ex admiranda creaturarum diversitate Potentiam, Sapientiam et Bonitatem Creatoris agnoscerent, ipsumque exinde eo majori laude et fervidiori cultu venerarentur. Quare non tantum Christiano dignum, sed et summo hujus Universi Gubernatori gratum officium præstas, dum advenas in celeberrimo Imperio Russico Tua apud Tzaream Majestatem gratia tueris, ipsisque opem et protectionem Tuam tanta benignitate concedis. Penset id Tibi Deus Ter Optimus Maximus, qui in nulla re magis quam in benefaciendo sibi complacere videtur. Cujus Omnipotenti tutelæ Tuam Celsitudinem debita veneratione commendo.

Dabam Oxonii d. 8. Maii. 1696.

Celsissimi Nominis Tui
humillimus Cultor
Heinrich Wilhelm Ludolf.

— III —

Benevole Lector

E specimine hoc typorum Slavonicorum, cura Celeberrimæ Academiæ Oxoniensis factorum, cognoscis, quanta sollicitudine Viri nonnulli præclari hujates studium exoticarum linguarum promoveant.

1 Опечатка videtnr вм. videtur.

Illi in eo jam sunt, ut prœla in famoso Theatro Sheldoniano erecta typis Armeniacis consumment. Novi quidem aliquos, suas tantum scientias magni facientes, qui studium polyglotticum tanquam sterile spernunt; quanquam forsan eodem tempore turgidi sint aliqua eruditionis specie vix magis utili ad primarium vitæ humanæ scopum, nimirum ut Deo proximoque eo melius serviamus, atque actiones nostras ita dirigamus, quo terrestrem peregrinationem nostram tuto et suaviter absolvamus, cælestique patriæ indies magis appropinquemus. Sane si

— IV —

veræ sapientiæ, cujus timor Domini initium est, eam quam debemus operam impenderemus, nullum studium nostrum sterile foret. sed jucundissimos fructus Christiano dignos prolaturum esset. Interim æstimationem conciliare deberet linguarum cognitioni, quod illam inter Charismata Spiritus Sancti referat sacra pagina. Si hominis dignitas præ reliquis creaturis inde quoque elucescit, quod privilegio cogitandi et cogitata verbis promendi a summo Creatore donatus sit, non contemnendum erit illorum talentum, quo in pluribus linguis id peragere, adeoque laudes summi Numinis eo latius expandere possunt. Neque vanus vel Patri luminum ingratus futurus esset labor, si quidam, non sibi solis sed et sociis creaturis se natos reputantes, in id incumbere vellent, ut utiles libros verterent in linguas illarum gentium, quibus durior vivendi necessitas hæc subsidia ad culturam ingeniorum negavit. In hunc finem editionem

— V —

præsentis opusculi libenter suscepi, et ut ad promovendam gloriam autoris omnium bonorum donorum conducat, enixe opto. Vale et pro viribus tuis eundem tibi scopum propone.

— VI —

INDEX CAPITUM

ERRATA

Pag.	1	lin. 13.	pro	соѧзъ	lege	зоюзсъ
	2	4		ощбїн		общїн
	4	2		Dialectus		Dialecti
	8	23		n. Hispan		ñ. Hisp.
	16	16		городны		городы
	19	13		бѣлѣ		бѣлои
	25	19		Acc. sing. Neut.	lege	которое
	27	16		провудитъ		пробудитъ
	38	17		прибѣлъ		привѣлъ

— VII —

PRÆFATIO

Inter linguas diversarum dialectorum matres haut postremum locum sibi vendicat Slavonica, tam antiquitate, quàm vulgato per plurimas gentes usu. Inter Slavonicæ autem originis dialectos, Russica non tantum proxime ad fontem suum accedit, verum etiam per vastissimum terrarum tractum, ab emporio Archangeli usque ad Astracan, et ab Ingermannia usque ad Sinæ confinia se extendit: licet nationes inter Siberiam et Sinam sitæ, nempe Ostaki, Jakuti, Tongusi et Daurenses, proprias quoque habeant linguas. Imo non tantum Russica dialecto utuntur, qui latissime patenti Tzarum imperio subsunt, verum etiam Buchartzi inter Indiam et Russiam commercia exercentes ei student. Quare publico rem non ingratam me facturum spero, si quantum in re nondum tentata licet, Russicæ linguæ elementa tradere coner; quo illi, quibus Moscovia sive ob publi-

— VIII —

ca sive ob privata negotia adeunda est, non omni prorsus adminiculo addiscendi sermonis istius regionis destituantur. Extat quidem Slavonica Grammatica non semel in Russia edita, sed exteris parum utilis. Pro Russis enim linguæ Slavonicæ studiosis imprimis conscripta est, adeoque in nullo extero idiomate regulæ ibi traduntur, verum ipsi termini Grammatici Slavonicis vocabulis potius obscurati quàm explicati sunt. v. g. Declinatio vocatur Склоненїе Sklonenie, Numerus число́ Tschislo etc. Ideo autem Russis cognitio linguæ Slavonicæ necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri impressi, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, verum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi linqua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior cæteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturæ immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant. Unicus tantum liber vulgari dialecto impressus est, qui Уложе́нїе[1] uloschenie vocatur, et corpus Juris Russici repræsentat; licet

---

[1] уло́же́нїе (напеч. со строчной буквы).

— IX —

constructiones nonnulæ Slavonicam Grammaticam potius quam communem modum loquendi sequantur. Fuit alias Monastici ordinis quidam Simon Polotzki, qui tempore ultimi Tzari Theodori Alexeovitschi Psalmos Davidis in rythmos Slavonicos redegit, et alia multa Theologica in lucem emisit. Nimirum Духòвной обѣдъ[1]. Duchovnoi obed Prandium spirituale Духóвной вéчеръ. Duchovnoi vetscher. Vespera spiritualis Мнóго цвѣтной вéртоград mnogo tzvetnoi vertograd multorum florum hortus. Ille quantum potuit difficilioribus vocabulis Slavonicis abstinuit, quo à pluribus legi et percipi posset, Interim tamen omnia sunt Slavonica, et multa vulgo ignota.

Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicæ linguæ, ita è contrario nemo domestica et familiaria negotia sola linguâ Slavonicâ expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non extant in libris, è quibus lingua Slavonica haurienda est. Adcoque apud illos dicitur, loquendum est Russice et scribendum est Slavonice. Quanquam autem

— X —

plerique Russi qui Idiotæ videri nolunt, vocabula scribere solent, non ut efferuntur, sed sicuti secundum Grammaticam Slavonicam scribi deberent; v. g. scribunt сегодня segodnia hodie, cum tamen pronuncient севодни sevodni. Nihilominus consultum duxi in hac Grammatica et dialogis iis literis vocabula exprimere, quæ sonum efficiunt, qui in pronunciatione auditur; quo eo majori usui sim iis qui loquelam linguæ Russicæ addiscere cupiunt. Qui penitiorem linguæ hujus scientiam desiderabunt, eo minori labore postea Grammaticam Slavonicam consulere poterunt; numerum enim et ordinem eundem Declinationum servavi.

Quicunque linguam hanc accuratius inspexerit, et consideraverit, quam difficulter ad certas regulas grammaticas referri queat, defectus hujus opusculi facile condonabit.

Additi sunt dialogi et idiotismi nonnulli, qui continent phrases in quotidiana vita occurrentes, et constructiones particularum, ut syntaxeos instar esse possint. Ideo autem dialogis Germanica addidi, quoniam mercatores diversarum gentium utuntur linguâ Germanicâ[2] in Russiâ. Russos etiam nonnullos linguæ Latinæ et Germanicæ studiosos inveni. Imo Patriarchali autoritate schola erecta est

— XI —

Moscoviæ, ubi Græci Ludimagistri linguam latinam et græcam docent, Ita ut fundamentali Russiæ legi disciplinæ et studia non adversentur, sicuti à nonnullis traditum est. Quin potius præsens Tzarea Majestas culturam ingeniorum subditorum suorum exoptat.

---

[1] Напечатано со строчной буквы.
[2] Опечатка Germanica вм. Germanicâ.

Cæterum sicuti non tantum propter commercia et negotia aulica, sed etiam propter curam exterarum Ecclesiarum, tam in emporio Archangeli et Wologdæ,[1] quam in ipsa metropoli Moscua clementia Tzarea concessarum, multi exteri Russiam intrare coguntur, ita forsan unus vel alter aliquam utilitatem ex opera mea haurire poterit. Quem scopum si obtinuero, neque suscepti laboris neque sinistrorum judiciorum me pigebit. Nam sicuti ridicula ambitione non deliro, ut famam è grammaticalibus quæram, ita ex contraria parte meam non turbabunt quietem sententiæ eorum, qui alios carpendo potius, quàm pro modulo virium suarum utilitati pulbicæ studendo ingenium ostentare gestiunt.

Forsan hoc specimen Russos persuadebit, posse et in vulgari dialecto aliquid imprimi. sicuti Nationi Russicæ decori et utilitati foret, si more aliarum gentium propriam linguam excolere atque bonos libros in ea edere

— XII —

conarentur. Sperandum est Patriarcham ad hoc manus commodaturum, cum laudabili promovendarum bonarum literarum desiderio teneatur. In quem finem typos Græcos in Hollandia sculpi curavit ab eodem artifice, qui typos hos Slavonicos in usum Academiæ Oxoniensis concinnavit.

---

1 Опечатка Wolgodæ вм. Wologdæ.

— 1 —

IN GRATIAM EORUM QUI GRAMMATICA SLAVONICA UTI CUPIUNT,

Terminos Grammaticos in ea usitatos hic explicare consultum duxi.

Осмъ ча́сти сло́ва. Octo partes Orationis.

1. Имѧ́ Nomen. 2. мѣстоиме́нїе Pronomen. 3. глаго́лъ[1] Verbum. 4. прича́стїе Participium. 5. нарѣ́чїе Adverbium. 6. предло́гъ Præpositio. 7. сою́зъ[2] Conjunctio. 8. междоме́тїе Interjectio

Сꙋществи́телное Substantivum. прилагателное Adjectivum. сте́пенїе ꙋравне́нїѧ Gradus comparationis. положи́телныи Positivus.

— 2 —

разсꙋди́телный Comparativus. превозходи́телныи Superlativus.

Ро́дъ Genus. мꙋжескїи Masculinum, же́нскїи Fœmininum. сре́днїи Neutrum. о́бщїи[3] Commune. всѧкїи Omne.

Ви́дъ Species. первоо́бразныи Primitivum. произво́дныи[4] Derivativum.

Начерта́нїе Figura. про́стое Simplex[5]. сло́женое Compositum.

Склоне́нїе Declinatio. прави́лное regulare. неправи́лное irregulare.

Число́ Numerus. Єдинственное Singularis. дво́иственное Dualis. мно́жественное Pluralis.

Паде́жь Casus. имени́телныи Nominativus. роди́телныи Genitivus. да́телныи[6] Dativus. вини́телныи Accusativus. зва́телныи Vocativus. твори́телныи[7] Ablativus Instrumenta(lis)[8] сказа́телныи Ablativus.

— 3 —

Послѣдꙋющїѧ глаго́лꙋ accidentia verbi

Зало́гъ Genus. дѣиstви́телныи Activum. страда́телныи Passivum сре́дныи Neutrum. ѿложи́телныи Deponens.

---

1 Опечатка: тглагол вм. глаголъ
2 Напеч. соѧзъ см. список опечаток, стр. VI
3 Опеч.: о́щбіи (указ. в списке опеч.)
4 Напеч. производнык
5 Напеч. smplex вм. simplex.
6 Напеч. дателаыи
7 Напеч. творителнык
8 Напеч. instrumenta

Figura, species et numerus, in nominibus jam tum explicata sunt.

Лицѐ Persona. пéрвое prima. второе secunda. трéтїе tertia.

Наклонéние Modus. изявителное Indicativus. повелителное Imperativus. молителное Optativus. сослагáтелное Conjunctivus. подчинителное Subjunctivus. неопредѣлéнное Infinitivus.

Врéмѧ Tempus. Настоѧщее Præsens. преходѧщее Præteritum. бꙋдꙋщее Futurum.

Спрѧжéнїе[1] Conjugatio. правилное regularis. стропóтное irregularis.

ꙋчащáтелныи Frequentativum.

— 4 —

Sequuntur observationes nonnullæ circa differentiam Russicæ dialecti[2] a lingua Slavonica.

A Slavonicum duas consonantes sequens mutatur in duo **o**.

Slav.		Russice
Глава	caput	Голова
Градъ	urbs	Городъ
Гладъ	fames	Голодъ

Є Slavonicum á Russis sæpe mutatur in **o**.

Slav.		Russ.
Єдинъ	unus	Одинъ
Єсень	autumnus	Осень
Єсеръ	lacus	Осеръ

In declinationibus Slavonicæ linguæ consonantes nominativi in nonnullis casibus mutantur, sed in Russica dialectu retinentur v. g. рꙋка manus in dativo et ablat. singulari facit рꙋцѣ, in lingua Russica vero рꙋкѣ. sic á ѩзыкъ lingua, est nominativus pluralis ѩзыцы. Russice vero ѩзыки. Similiter quoque in declinatione nominum Slavonicorum **Г** in **З** et **Ж**, **Х** in **С** nonnunquam mutatur.

Щ Slavonicum, á Russis frequenter mutatur in **ч**.

— 5 —

Slav.		*Russ.*
нощь	nox	ночь
немощь	morbus	немочь
хощетъ	vult	хочетъ

In adjectivis Slavonicis genitivus singularis masculini et neutri desinit in **го** sed in lingua Russica in **во**.

		Slav.	*Russ.*
á такой	talis	такого	таково
единъ	unus	единного	одново

[1] Напеч. скрѧжéнїе

[2] Опечáтка dialectus вм. dialecti см. список опечаток, стр. VI.

In verbis Slavonicis præteritum desinit in x sed in verbis Russicis in л.

любихъ amavi любилъ

Præpositiones nonnullæ aliter construuntur in lingua Russicâ quam in Slavonicâ.

Slav. межд8 р8скими людми

Russ. межд8 р8скихъ людеи Inter Russos.

Interdum quoque vocabula prorsus differunt.

Slav.		*Russ.*
глаголю	loquor	говорю
реклъ	dixit	сказалъ
днасъ	hodie	севодни
вын8	semper	всегда, вселди
истина	veritas	правда
т8не	gratis	даромъ

— 6 —

CAPUT I

DE LITERIS, PRONUNCIATIONE ET ORTHOGRAPHIA

Nom.	Figura	numerus	valor
Az	А а	1	a
Buki	Б б	2	b
Vædi	В в	—	v consonans
Glagol	Г г	3	g
Dobro	Д д҃	4	d
Iest	Є є е	5	e
Schiviet	Ж ж	—	g Gallorum ante e et i
Zelo	Ѕ ѕ	6	z Gallor. et Anglor.
Zemla	З з	7	
Ische	И и	8	i
I	І ї	10	
Kako	К к	20	k
Liudi	Л л	30	l
Mislæt	М м	40	m
Nasch	Н н҃	50	n
On	О о°	70	o
Pocoi	П п	80	p
Rtzi	Р р	100	r
Slovo	С с҃	200	s
Twerda	Т т҃	300	t

— 7 —

Ik	Ѹ 8	400	u
Phert	Ф ф	500	ph

Cheer	Х χ	600	ch Germanorum
Ot	Ѡ ѡ	800	o longum
Tsi	Ц ц	900	ts
Tscherf	Ч ч	90	tsch, ch, Angl. sive C Ital. ante *e* et *i*.
Scha	Ш ш		Sch sive ch Gall. et sh Anglorum.
Schtscha	Щ щ		Schtsch
Ier	Ъ ъ		non effcrtur in pronunciatione
Ieri	Ы ы		ui
Ieer	Ь ь		i brevissimum
Iat	Ѣ ѣ		ie dipthongus
Ius	Ю ю ж		iu
Iæt	Ꙗ Ѧ ѧ		ia dipthong.
Ksi	Ѯ ѯ	60	x
Psi	Ѱ ѱ	700	ps
Thita	Θ ѳ	9	f
Ischitze	V ѵ		pronunciatur i.
	ѿ		ot

Millenarios sequenti modo scribunt ҂а 1000 ҂в 2000. Annus præsens ҂ахчз. 1696. Russis est á condito mundo ҂зсд. 7204 qui mense Septembri præteriti anni incepit.

— 8 —

In pronunciatione maxima pars germanorum impingere solet, differentiam non observando inter ж et ш. inter з et с. imo interdum ne quidem inter Б et п et inter д et т quod tamen illis non accidet qui Gallicam linguam genuine pronunciant.

Є in initio vocis pronunciatur tanquam iota germanicum præcederet Єво *ievo* illius. єсть *iest* est. in ultima syllaba sequente alio consonante frequenter ut о пиешь bibis *pijosch.* Бьешъ[1] *biiosch* verberas.

Sonus litera ы non nisi viva voce exprimi potest, est instar diphthongi ex u et i compositæ. Ab exteris sæpe in pronunciatione confunditur, licet vox inde prorsus aliam significationem accipiat ut пытатъ *puitat.* cruciare. питатъ *pitat* cibare.

Quanquam ъ nunquam et ь vix in pronunciatione audiatur, usum tamen habent in fine vocabuli post, aliam consonantem, quanquam sine tenuibus auribus ab extero vix percipi possint. Aliquatenus explicari posset ль et нь finale per ll et n[2] Hispanorum полъ sexus поль pavimentum.

In pronunciatione quoque attendendus[3] est accentus, quem libris impressis apponere solent,

---

[1] Напеч. Быешъ
[2] Напеч. n вм. ñ (см. список опечаток, стр. VI)
[3] Напеч. attendus вм. attendendus.

— 9 —

non vero scripturæ vernaculæ linguæ. Accentus collocatio vocis significationem interdum determinat v. g. мѹка. si accentum colloces in penultima et dicas *múca* significat cruciatum, si vero in ultima et dicas *mucá* significat farinam. Usu autem potius quam regulis discendus est accentus.

In orthographia nonnulli exteri **ч. ш** et **щ** confundunt quod tamen genuinæ pronunciationis tantisper gnaris non accidet.

Ъ. et **ь. о.** et **ѡ. и. і.** et **ѵ** in scribendo à nonnullis confunduntur. Hæ tres ultimæ vocales licet sonu similes interdum vocis significationem determinant миръ pax міръ mundus. мѵръ mirrha.

Nonnullæ literæ alia forma pinguntur scribendo quam in libris impressis, sicuti ex tabula apposita videre licet.

Frequentibus quoque abbreviationibus utuntur tam in scriptione quam in impressione, è quibus maxime communes hic subjungimus.

Агг҃лъ *angel* angelus. арха҃гглскїи *archangelskii* archangelicus. Бг҃ъ *bog* Deus. Бжⷭтво *boſchestwo* divinitas. Бⷣца *bogoroditza* Deipara.

— 10 —

бл҃годарю *blagodariu* gratias ago. влⷣка *vladica* Dominator. воскⷭрнїе *voſcreſenie* resurrectio. Гдⷭь *Goſpod* Dominus. гдⷭрь *Goßudar* Dominus, quo tamen Tzarem significant, si istud vocabulum solum cum verbo dicunt vel scribunt. дх҃ъ *duch* spiritus. дн҃ь *Den* dies. єпⷭкпъ *iepiſcop* Episcopus. Іи҃ль *iſrail* Israel. Іи҃с *iiſus* Iesus. крⷭтъ *kreſt* crux. кр҃щенїе *kreſchtſchenie* baptisma. мⷣрость *mudrost* sapientia. мл҃ть *milost* amor, charitas. мч҃нк *mutſchenik* martir. мⷭцъ *meſetz* mensis. нбⷭный *nebeſnii* cœlestis. нн҃ѣ *nuine* nunc. ржⷭтво *roſchestvo* nativitas. ст҃ъ *ſviat* sanctus. сл҃нце *ſontze* sol. срⷣце *ſertze* cor. тр҃ца *troitza* trinitas. ѹч҃тль *utſchitel* Præceptor. ѹч҃нкъ *utſchenik* discipulus. Хс҃ *Christos* Christus. ѿцъ *ottetz* pater. цр҃ь *Tzar.* чл҃къ *tcheloveck* homo. чⷭть *tſchest* honor.

— 11 —

CAPUT II

DE NOMINIBUS

Magnam Nomina habent difficultatem in declinationibus. Non enim declinationes per certos tantum articulos cujuslibet casus fiunt, uti in maxima parte Vernacularum Europæ, sed casus à se invicem terminationibus differunt, uti in lingua Latina et Græca. Præterea modus flectendi nomina ad certa pauca quædam Paradigmata referri non potest. Retinuimus igitur numerum et ordinem Declinationum, qui in Grammatica Slavonica

extat, quoniam in vocabulis difficilibus et in communi sermone parum usitatis ad Grammaticam Slavonicam semper recurrendum est. Vocabula tamen aliqua masculina apud Russos peculiari modo declinantur, uti in secunda declinatione monebimus.

Declinationes sunt quinque, primæ quatuor sunt substantivorum, quinta adjectivorum.

Genera habent quatuor, nimirum Masculinum [1], Fœmininum, Neutrum et Commune. Commune competit paucis iis substantivis,

— 12 —

quæ tam de Viro quam de Fœmina dicuntur.

Genus omne non habent: nam adjectiva tribus terminationibus constant; masc. desinit **и**, fœm. in **а** et neutrum in **ое**. contracte **о**.

Certæ Regulæ universales dari non possunt ex quibus genus cujuslibet nominis substantivi statim dignosci queat, maximam tamen partem regulæ sequentes continent.

Masculina sunt, quæ in **и** desinunt in quarta declinatione, et quæ in **ъ** desinunt in secunda declinatione.

Fœminina sunt quæ in **а** desinunt in prima declinatione, et in **ь** in tertia declinatione. Sunt quidem in quarta declinatione quædam masculina in **ь** desinentia, sed illa maximam partem sunt nomina virorum.

Neutra desinunt in **е**, **о**, et **ѧ**, quorum quædam sunt secundæ, quædam quartæ declinationis.

Numeros lingua Slavonica habet tres, Singularem, Dualem et Pluralem. Cum vero in sermone communis dialecti Russicæ exiguum usum numeri dualis deprehenderim, paradigmatibus meis eum inserere nolui, ne pro incipientibus difficultates augeantur præter necessitatem.

— 13 —

Duas terminationes Dualis numeri in communi loquela observavi, nimirum nominativi mascul. in **а**. fœm. in **ѣ** et ablativi instrumentalis in **ма** v. g. два глаза duo oculi двѣ женѣ duæ mulieres. я видалъ своема глазама vidi meis oculis; licet multi dicant я видалъ своими глазами. quod est ablat. pluralis.

Monendum tamen Russos uti Duali non tantum cum de duobus loquuntur, sed quoque de tribus et quatuor v. g. два попа, три попа, четыри попа duo presbyteri, tres presbyteri, quatuor presbyteri.

Sed sciendum hoc tantum observari quando substantivo numerus cardinalis additur uti in præcedentibus exemplis.

A numero quinario incipit usus pluralis. v. g. пѧтъ попы quinque presbyteri.

Casus habent septem. Nam præter sex casus vulgares, habent unum linguæ Slavonicæ indeque derivatis dialectis peculiarem, quem ablativum instrumentalem nonnulli vocant. In Grammatica Slavonica

---

[1] Опеч. masculium вм. masculinum.

vocatur творителный, et est ordine sextus, quo ordine quoque illum in paradigmatibus nostris declinationum collocabimus, quo minus confundantur qui stu-

— 14 —

dium hujus linguæ ope Grammaticæ Slavonicæ perficere velint.

Utuntur autem isto ablativo instrumentali.

1. quando de re loquuntur, qua tanquam instrumento aliquid peractum est ut ножикомъ резалъ secui cultro.

2. De tempore loquentes; v. g. вѣсною vere, seu vernali tempore лѣтомъ æstate. днемъ die ночїю noctu.

3. Cum verbo зва^{т} et verbo бы^{т} v. g. Иванномъ менѧ зовȣ^{т} vocant me Iohannem, i. e. nomen mihi est Iohannis. онъ посломъ былъ во Францȣской землѣ. fuit legatus in Gallia.

4. Aliquæ præpositiones interdum cum hoc casu construuntur.

5. In idiotismis nonnullis Russicis. ѧ простъ своими денгами. Omni mea pecunia orbatus sum. ѧ скȣденъ денгами pecunia indigeo. не погнȣшай сѧ нашимъ кȣшенїемъ noli spernere nostros cibos.

Genitivo utuntur interdum loco nominativi post particulam negativam нетъ v. g. нетȣ таково члвка которои все знаетъ non datur talis homo qui omnia scit.

Quantitatem indeterminatam quoque mo-

— 15 —

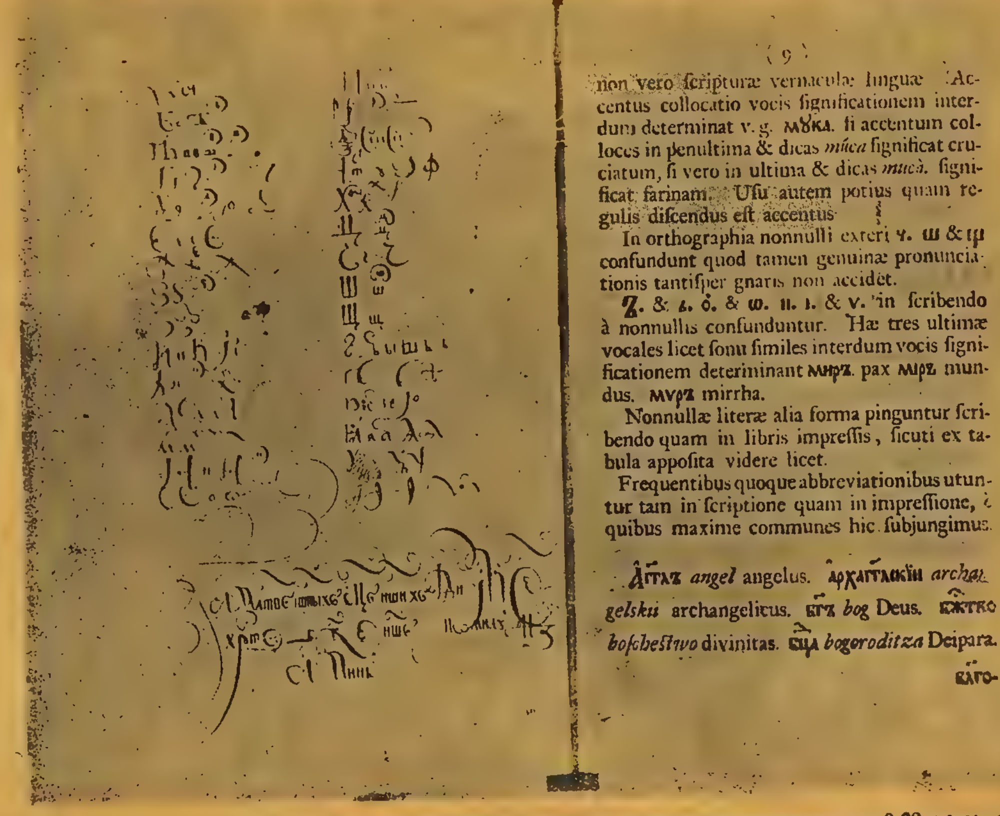
re Gallicæ linguæ per genitivum exprimunt. ut. даи мнѣ хлѣба da mihi panem. Germanice *gebt mir brod.* даи мнѣ хлѣбъ significat da mihi totum panem. Germanice *gebt mir das brod.*

Genitivus quoque post comparativum ponitur онъ старши брата моево ille senior est quam frater meus.

Denique notandum, quanquam in vulgari dialecto Vocativus similis sit Nominativo, nonnunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem; quæ ipsis Slavonice tradita fuit. ut. Боже помилȣи miserere Deus.

Prima Declinatio duas habet terminationes nempe а et ѧ. Nominaque hujus declinationis sunt generis fœminini exceptis nominibus virorum, e. g. жена mulier vel uxor.

	Singularis	*Pluralis*
Nominativus	жена́	жены mulier, uxor
Genitivus	жены	женъ
Dativus	женѣ	женамъ
Accusat.	женȣ	жены
Vocativus	жена	жены
Ablativ. Instru.	женою	женами
Ablativus	женѣ	женахъ

(9)

non vero scripturæ vernaculæ linguæ. Accentus collocatio vocis significationem interdum determinat v. g. мꙋка. si accentum colloces in penultima & dicas *múca* significat cruciatum, si vero in ultima & dicas *mucà*. significat farinam. Usu autem potius quam regulis discendus est accentus.

In orthographia nonnulli exteri ч. ш & щ confundunt quod tamen genuinæ pronunciationis tantisper gnaris non accidet.

ꙁ. & з. ѻ. & ѡ. и. і. & ѵ. in scribendo à nonnullis confunduntur. Hæ tres ultimæ vocales licet sonu similes interdum vocis significationem determinant миръ. pax міръ mundus. мѵръ mirrha.

Nonnullæ literæ alia forma pinguntur scribendo quam in libris impressis, sicuti ex tabula apposita videre licet.

Frequentibus quoque abbreviationibus utuntur tam in scriptione quam in impressione, è quibus maxime communes hic subjungimus.

а҃глъ *angel* angelus. а҃рхаггльскїи *archangelskii* archangelicus. б҃гъ *bog* Deus. б҃жство *boschestwo* divinitas. б҃ца *bogoroditza* Deipara.

блго-

Фото стр. 9 и вкладной таблицы скорописи из грам. Лудольфа (уменьшено до 0,63 разм. оригинала)

благодарю *blagodariu* gratias ago. влдка *vladica* Dominator воскрніе *voſcreſenie* reſurrectio. гдь *Goſpod* Dominus. гдрь *Goſudar* Dominus, quo tamen Tzarem ſignificant, ſi iſtud vocabulum ſolum cum verbo dicunt vel ſcribunt дхъ *duch* ſpriritus. днь *Den* dies. еппъ *iepiſcop* Epiſcopus. інль *iſrail* Iſrael. іс *iiſus* Jeſus. кртъ *kreſt* crux. кршніе *kreſch-tſchenie* baptiſma. мрость *mudroſt* ſapientia. млть *miloſt* amor, charitas. мчнк *mutſchenik* martir. мцъ *meſetz* menſis. нбнын *nebeſnii* cœleſtis. нннѣ *nune* nunc. ржтво *roſcheſtvo* nativitas. стъ *ſviat* ſanctus. снце *ſontze* ſol. срце *ſertze* cor. трца *troitza* trinitas. учтль *utſchitel* Præceptor. учнкъ *utſchenik* diſcipulus. Хс *Chriſtos* Chriſtus. отцъ *ottetz* pater. црь *Tzar* члкъ *tscheloveck* homo. чть *tſcheſt* honor.

CAPUT

Ротокопия стр. 10 из „Р, Гр.“ Лудольфа (0,95 натуральной величины).

— 16 —

Eodem modo declinatur дѣва virgo вода aqua, рȣка manus. Ubi obiter monendum in istis casibus quæ terminantur in ы. Russos, ut in lingua Slavonica, post к. sumere и. ut. персты моеи рȣки. digiti meæ manus. pro рȣкы. Quod autem in lingua Slavonica к ante ѣ mutatur in ц. hoc Russi non observant. Dicunt enim онъ держй в своеи рȣкѣ tenet in manu sua, cum Slavonice dicendum esset рȣцѣ.

Secunda Declinatio duas habet terminationes, nempe in ъ quæ sunt generis masculini ut. городъ urbs et in о et ѧ. quæ sunt generis neutrius. ut древо lignum. имѧ nomen.

	Singularis	*Pluralis*
Nomin.	городъ urbs	городы [1]
Genit.	города	городовъ
Dat.	городȣ	городомъ
Accus.	городъ	городы
Vocat.	similis est Nominativo	
Ablat. Instr.	городомъ	городами
Ablat.	городѣ	городехъ.

In rebus animatis Accusativus singularis desinit in а ut братъ frater видалъ ты моево брата vidistine meum fratrem.

— 17 —

Interdum ultima vocalis nominativi in casibus obliquis abjicitur ut ѡтецъ pater. ѡтца patris ѡтцȣ patri. ѡтца patrem.

Vocabula quædam mere Russica genitivum et ablativum singularis formant in ȣ. ut чл҃вкъ простово родȣ. homo generis plebeii ȣнево въ домȣ пожаръ былъ in ipsius domo incendium fuit. четыри времена годȣ. quatuor anni tempora. обоево полȣ люди. utriusque sexus homines.

	Sing.	*Plur.*
N.	древо	древа lignum
G.	древа	древъ
D.	древȣ	древомъ
A. } V. }	similes sunt Nominativo	
Ab. I.	древомъ	древами
Abl.	древѣ	древехъ

	Sing.	*Plur.*
N.	имѧ	имена nomen
G.	имене	именъ
D.	имени	именемъ
A. } V. }	similes sunt Nominativo	
Ab. I.	именем	именми
Abl.	имени	именехъ

[1] Напеч. городиы (указано в списке опечаток, стр. VI).

Tertia Declinatio, unam habet terminationem in ь et nomina hujus Declinationis sunt generis fœminini. ut лошадь equus.

	Sing.	*Plur.*
N.	лошадь	лошади
G.	лошади	лошадеи
D.	лошади	лошадемъ
A.	лошадь	лошади
V.	similis est Nominativo	
Ab. I.	лошадїю	лошадми
Abl.	лошади	лошадехъ

Quarta Declinatio varias habet terminationes, e quibus communiores sunt in и, ь, et е. atque genitivum formant in ѧ. ut моровей. formica. моровѧ. кнѧзь princeps кнѧзѧ. знаменїе signum знаменїѧ.

	Sing.	*Plur.*
N.	кнѧзь	кнѧзїе
G.	кнѧзѧ	кнѧзеи
D.	кнѧзю	кнѧземъ
A.	кнѧзѧ	кнѧзїе
V.	similis est Nominativo	
Ab. I.	кнѧземъ	кнѧзми
Abl.	кнѧзѣ	кнѧзе[x]

— 19 —

Quinta Declinatio est Adjectivorum, quorum masculinum desinit in и, ut бѣлои albus fœm. in а. ut бѣлаѧ, contr. бѣла alba neutr. in ое бѣлое contr. бѣло album.

Singularis

	Masc.	*Fœm.*	*Neutr.*
N.	Бѣлои	Бѣла	Бѣло
G.	Бѣлово	Бѣлои	Бѣлово
D.	Бѣломȣ	Бѣлои	Бѣломȣ
A.	Бѣлово	Бѣлȣю, Бѣлȣ	Бѣло
V.	similis est Nominativo		
Ab. I.	Бѣлимъ	Бѣлою	Бѣлимъ
Abl.	Бѣломъ	Бѣлои [1]	Бѣломъ

Pluralis

N.	Бѣлие	Бѣлиѧ	Бѣла
G.	Бѣлихъ	in omnibus generibus.	
D.	Бѣлимъ	in omnibus generibus.	
A.	similes sunt Nominativo.		
V.	similes sunt Nominativo.		
Ab. I.	Бѣлими	in omnibus generibus.	
Ab.	Бѣли[x]	in omnibus generibus.	

[1] Опеч. Бѣлѣ вм. Бѣлои (указана в списке опеч. стр. VI).

Accusativus singularis masculini similis est Nominativo quando construitur cum Substantivo rei inanimatæ а к8пилъ доброи ножикъ emi bonum cultrum.

— 20 —

Quando Adjectivum solum ponitur sine Substantivo, ultima vocalis Nominativi singularis masculini abjicitur; ut 8чонной человѣкъ homo doctus, кажетъ сѧ мнѣ что онъ не 8чонъ videtur mihi quod ipse non sit doctus.

Formatio Comparativi usu addiscenda est. старои. senex. habet in Comparat. старши senior. à молодои [1] juvenis fit моложи junior à коротkои brevis коротчи brevior. высокои altus. выши altior. великои magnus. Болши major. малои parvus. менши minor. доброи bonus. л8тчи melior.

Superlativum exprimere solent addito ad Comparativum всехъ omnium. ut. Москва болши всехъ городъ на р8сiѣ. Moscua maxima urbs est in Russia.

Licet in scribendo Superlativus Slavonicus frequenter retineatur. Fit autem in lingua Slavonica regulariter Comparatio sequenti modo.

	Positivus.	*Comparat.*	*Superlativus.*
M.	сватыи	сватшiи	сватѣиши Sanctus
F.	сватаѧ	сватшаѧ	сватѣишаѧ
N.	сватое	сватшее	сватѣишее

Antequam caput hoc de Nominibus finiamus, monendum est, Russos frequenter uti

— 21 —

diminutivis. non tantum cum blandiri alicui volunt. ut др8жокъ mi amice. à др8гъ amicus, verum etiam civilitatis gratia nomina sua in epistolis semper in Diminutivo subscribunt. v. g. ивашка ab иванъ Iohannes. петр8шка à Петръ Petrus.

CAPUT III [2]

DE PRONOMINIBUS.

Pronomina personalia declinantur sequenti modo.

	Prima Pers.	*Secunda Pers.*	*Tertia Pers.*
		Singularis	
N.	ѧ *ego*	ты *tu*	онъ *ille*
G.	мене	тебе	єво
D.	мнѣ	тебѣ	ем8, нем8
Acc.	менѧ	тебѧ	єво
Ab. I.	мною	тобою	нимъ
Abl.	мене	тебе	немъ

1 Опеч. молдои вм. молодои.
2 Опечат. *II* вм. *III*.

Pluralis

N.	мы *nos*	вы *vos*	оны *illi.*
G.	насъ	васъ	ихъ
D.	намъ	вамъ	имъ
Acc.	насъ	васъ [1]	ихъ
Ab. I.	нами	вами	ими, ними
Abl.	насъ	васъ	ихъ, нихъ.

— 22 —

Prima et secunda Persona sunt generis communis, tertia Persona habet in Singulari Fœmininum она illa. Genit. єи. Dat. єи. Acc. ю et неѧ. Ab. Inst. нею Abl. неи. In Plurali tertia Persona est quoque generis communis [2].

Huc quoque spectat себе sui. себѣ sibi. себѧ se, et собою secum.

Pronomina possessiva sunt мои, моѧ, мое meus mea meum. твои твоѧ твое tuus tua tuum. нашъ наша наше noster nostra nostrum. вашъ vester. et declinantur sequenti modo.

	Mascul.	*Fœm.*	*Neutrum.*
		Singularis	
N.	мои	моѧ	мое
G.	моево	моеи	моево
D.	моемȣ	моеи	моемȣ
Acc.	моево	мою	мое.
Ab. I.	моимъ	моею	моимъ
Abl.	моемъ	моеи	моемъ.

Pluralis

N.	мои	моѧ	моѧ
G.	моих	} in omnibus generibus.	
D.	моимъ		
Ab. I.	моими	} in omnibus generibus	
Abl.	моихъ		

— 23 —

Notandum quod свои sit possessivum tam primæ et secundæ, quam tertiæ personæ. pro ratione verbi præcedentis. v. g. держȣ въ своеи рȣкѣ teneo in manu mea. ты держишъ въ своеи рȣкѣ tu tenes in manu tua. онъ держитъ въ своеи рȣкѣ ille tenet in manu sua.

Pronomina demonstrativa sunt сеи vel єтои hic. сеѧ l. єтаѧ hæc. сие l. єтое hoc. тои ille. тая illa. тое illud.

---

[1] Напеч. басъ вм. васъ.
[2] Напеч. comnunis.

	Masc.	*Fœm.*	*Neut.*
		Singularis	
N.	сеи	сеѧ	сие
G.	сево	сеи	сево
D.	семꙋ	сеи	семꙋ
Acc.	сево	сїю	сие

Vocativus similis est Nominativo.

Ab. I.	семъ	сею	симъ
Abl.	симъ	сеи	семъ

Pluralis

N.	сие	сиѧ	сиѧ
G.	сихъ	in omnibus generibus.	
D.	семъ		
Acc.	сие	сиѧ	сиѧ

Vocativus similis est Nominativo.

Ab. In.	сѣми	in omnibus generibus.
Ablat.	сихъ	

— 24 —

Communius tamen in vulgari dialectu adhibent етои, quod flectitur secundum paradigma Pronominis Relativi которои.

	Masc.	*Fœm.*	*Neut.*
		Singularis	
Nom.	тои	таѧ	тое
Gen.	тово	тои	тово
Dat.	томꙋ	тои	томꙋ
Accus.	тово	тꙋю	тое

Vocativus similis est Nominativo.

Abl. I.	тѣмъ	тою	тѣмъ
Ablat.	томъ	тои	томъ

Pluralis

Nom.	тие	тиѧ	таѧ
Gen.	тѣхъ	in omnibus generibus.	
Dat.	тѣмъ		

Acc. et Voc. Similes sunt Nominativo.

Abl. I.	тѣми	in omnibus generibus.
Abl.	тѣхъ	

Interogativa sunt хто quis, quæ et что quid. et чеи, чеѧ, чїе. quod sequenti modo construitur чеи етои человѣкъ cujus hic est servus. чеѧ етаѧ лошадь cujus hic est equus.

— 25 —

	Masc.	*Fœm.*	*Neutr.*
Nom.	хто *quis*	хто *quœ*	что *quid*
Genit.	ково	кои	чево
Dativ.	комȣ	кои	чемȣ
Accus.	ково	кȣю	что
Abl. I.	кимъ	кою	чимъ
Ablat.	комъ	кои	чемъ.

In plurali ut in lingua Latina Relativo к о т о р о и utuntur. Eodem modo declinatur н е х т о nemo et н е ч т о nihil.

Relativum к о т о р о и, к о т о р а ѧ, к о т о р о е. qui, quæ, quod, sequenti modo declinatur.

	Masc.	*Fœm.*	*Neutr.*
		Singularis	
Nom.	которои	котораѧ	которое
Gen.	которово	которои	которово
Dat.	которомȣ	которои	которомȣ
Acc.	которово	которȣю	которое [1]
Ab. I.	которимъ	которою	которимъ
Abl.	которомъ	которои [2]	которомъ
		Pluralis	
Nom.	которие	коториѧ	котораѧ
Gen.	которихъ	in omnibus generibus.	
Dat.	которимъ	in omnibus generibus.	
Acc.	которие	коториѧ	котораѧ
Ab. I.	которими	in omnibus generibus.	
Ab.	которихъ	in omnibus generibus.	

— 26 —

Eodem modo flectitur н е к о т о р о и aliquis. к а к о и qualis. н е к а к о и nullus. в с ѧ к о и quilibet. с а м о и[3] ipse.

О н ъ с а м ъ т о м н ѣ с к а з а л ъ ille mihi hoc dixit ipse.

CAP. IV

DE VERBO

Verba sunt vel Primitiva vel Derivativa. Inter Derivativa creberrimus est usus frequentativorum, quibus semper utuntur, quando de actione indeterminata loquuntur. v. g. ѡ б м а н и в а т ъ Frequentativum est ab ѡ б м а н и т ъ fallere. Sic dico н а

[1] Опеч. к о т о р о в о вм. к о т о р о е (указана в списке опеч. стр. VI).
[2] Напеч. к о т о р о н вм. к о т о р о й.
[3] Напеч. с а м о н.

силȣ наидешъ человѣка которои не ѡбманиваетъ vix reperis hominem, qui non fallit. Sed si loquar de certo actu, tunc dico ты ѡбманилъ менѧ tu me fefellisti. Sic ȣмыватъ Frequentativum est ab ȣмытъ lavare.

Particulæ verbis compositis additæ specificant verbi significationem. v. g. снести portare. принеси ключъ affer clavem huc. понеси ключъ къ замоч[ни]кȣ [1] porta clavem ad fabrum ferrarium. привѣди [2] лошадь сȣда adduc equum huc. повѣди [2] лошадь въ конюшню duc equum in equile. при-

— 27 —

шли сȣда mitte huc. пошли тȣда mitte illuc.

Вы in compositione verborum significat ex. v. g. выити exire. вытечи effluere. воз vel вз significat sursum. v. g, возходитъ adscendere.

Про respondet Germanicæ particulæ *ver* in verbis compositis. питъ bibere пропитъ bibendo absumere, Germ. *vertrincken*. проигратъ *verspielen* ludo perdere.

Verba Passiva, Neutra et Reciproca plerumque fiunt per additionem particulæ сѧ. in omnibus Temporibus et Personis ȣчю doceo ȣчю сѧ doceor, disco. ȣчишъ сѧ discis, ȣчитъ сѧ discit, ѧ ȣчилъ сѧ didici, ты ȣчилъ сѧ didicisti etc. Sic пробȣдитъ[3] expergefacere, пробȣдитъ сѧ expergisci.

Tempora Indicativi habent tria.

1. Præsens, quod desinit in ȣ. ю. ut здѣлаю.

2. Præteritum, quod regulariter desinit in л. et habet Fœmininum in tribus Personis Singularis numeri in а. ut. ѧ здѣлалъ feci. (vir) ѧ здѣлала feci. (mulier).

3. Futurum quod ordinario fit addendo ad Infinitivum бȣдȣ vel станȣ. ut. бȣдȣ здѣлатъ faciam.

— 28 —

Loco Temporum Subjunctivi additur Præterito Indicativi syllaba бы quando optative vel conditionaliter loquuntur. v. g. даи Богъ что бы братъ мои приѣхалъ faxit Deus ut frater meus adveniat какъ бы ѧ зналъ такъ бы ѧ не кȣпилъ, si scivissem non emissem.

Verbis auxiliaribus ad formationem Præteriti non utuntur, sicuti reliquæ vernaculæ Europæ. In communi quoque sermone verbum имѣти habere et Præsens à verbo быти esse. vix occurrit, nisi quod more Latino єсть ȣ мене est mihi, loco habeo dicant. Sic єстли ȣ тебѧ денги habesne pecuniam.

Sum, es, est, plerumque omittitur. v. g. ѧ сытъ sum satur, алты дȣракъ esne tu stultus. онъ гораздо богатъ. ille est valde dives.

---

1 Опеч. замочкȣ вм. замочникȣ.

2 Напеч. привѣдн, повѣдн.

3 Опечатка провȣдитъ вм. пробȣдитъ (указана в списке, стр. VI).

Præteritum vero in usu est.

	Singularis		Pluralis	
Masc.	А былъ	fui	мы были	fuimus
Fœm.	А была			
Masc.	ты былъ	fuisti	вы были	fuistis[1]
Fœm.	ты была			
Masc.	онъ былъ	fuit	они были	fuerunt.
Fœm.	она была			

Futurum

Singularis		Pluralis	
бȣдȣ	ero	бȣдемъ	erimus.

— 29 —

бȣдешъ	eris	бȣдете	eritis.
бȣдетъ	erit	бȣдȣтъ	erunt.

Imperat. Sing. бȣди esto. Plur. бȣдите estote.
Infinitivus быти.

Regularia Verba ad duas conjugationes referri possunt; neque aliqua est inter eas differentia nisi in Tempore Præsenti Indicativi, uti ex sequentibus paradigmatibus liquebit.

Prima Conjugatio est cujus Infinitivus desinit in **ат.** vel А т tertia Persona Singularis Præsentis in етъ. Plur. in ȣтъ. ut здѣлатъ facere. онъ здѣлаетъ ille facit. оны здѣлаютъ faciunt.

Præsens fit ab Infinitivo mutato тъ in ю.

Singularis		Pluralis	
здѣлаю	facio	здѣлаемъ	facimus
здѣлаешъ	facis	здѣлаете[2]	facitis
здѣлаетъ	facit	здѣлаютъ	faciunt

Notandum, quod quæ in Infinitivo desinunt in ватъ, istud in Præsenti mutant in ȣю. e. g. ночеватъ pernoctare ночȣю pernocto. послѣдоватъ sequi. послѣдȣю sequor.

Quæ in Infinitivo desinunt in затъ, habent in Præsenti жȣ. ut. резатъ secare. режȣ seco. сказатъ dicere. скажȣ dico. приказатъ jubere. прикажȣ jubeo.

— 30 —

Præteritum fit ab Infinitivo mutato **т** in **л.** ut, А здѣлалъ feci. à здѣлатъ, ночевалъ pernoctavi à ночеватъ, сказалъ dixi. à сказатъ.

---

[1] Опеч. fnistis вм. fuistis.
[2] Опеч. здѣдаете вм. здѣлаете.

	Singularis		*Pluralis*	
M.	ѧ здѣлалъ	feci	мы здѣлали	fecimus
F.	ѧ здѣлала			
M.	ты здѣлалъ	fecisti	вы здѣлали	fecistis
F.	ты здѣлала			
M.	онъ здѣлалъ	fecit	оны здѣлали	fecerunt
F.	она здѣлала			

Futurum fit addendo ad Infinitivum бȣдȣ vel станȣ.

Singularis

ѧ бȣдȣ l. станȣ	здѣлатъ	faciam.
ты бȣдешъ l. станешъ		facies.
онъ бȣдетъ l. станетъ		faciet.

Pluralis

мы будемъ l. станемъ	здѣлатъ	faciemus.
вы будете l. станете		facietis.
оны бȣдȣтъ l. станȣт		facient.

Imperativus fit à Præsenti mutato ȣ vel ю. in и. здѣлаи fac. скажи dic. à скажȣ dico. Sing. здѣлаи fac. Plur. здѣлаите facite.

Loco Temporum Subjunctivi, ut supra monitum, tantum addunt Syllabam бы. Præterito Indicativi.

Præsens

1. даи Богъ что бы ѧ здѣлалъ, здѣлала
2. даи Богъ что бы ты здѣлалъ, здѣлала
3. даи Богъ что бы онъ здѣлалъ, она здѣлала.

Faxit Deus ut ego faciam, tu facias, ille faciat, illa faciat.

даи Богъ что бы мы здѣлали
вы здѣлали
они здѣлали.

Faxit Deus, ut nos faciamus, vos faciatis, illi faciant.

In Præterito imperfecto, perfecto et plusquamperfecto alium modum loquendi non habent.

Какъ бы ѧ здѣлалъ, здѣлала si facerem, si fecissem какъ бы ты здѣлалъ, здѣлала si faceres, feceris, fecisses.

Infinitivus. здѣлатъ facere.

Particip. Præsens здѣлающiи faciens.

Particip. Præter. здѣланнои factus.

Secunda Conjugatio, cujus Infinitivus plerumque desinit in итъ, ut dictum, à prima Conjugatione tantum differt in Præsenti, formans tertiam Personam Singularis in итъ, et tertiam pluralis in ѧтъ ut вѣритъ credere

онъ вѣритъ credit. оны вѣрѧтъ credunt. Præsens fit ab Indicativo mutato т in ю. ut вѣри[т], вѣрю credo

Singularis		*Pluralis*	
вѣрю	credo	вѣримъ	credimus.
вѣришъ	credis	вѣрите	creditis.
вѣритъ	credit	вѣрѧтъ	credunt.

Nota 1. Quæ in Infinitivo desinunt in битъ, витъ et питъ, illa in prima persona Præsentis л assumere solent, ut любитъ amare, люблю amo. дивитъ сѧ, mirari дивлю сѧ miror, licet дивȣю сѧ quoque in usu sit, кȣпитъ emere, кȣплю emo. In reliquis vero personis istud л iterum abjiciunt. ut ты любишъ amas, онъ дивитъ сѧ miratur. кȣпѧтъ emunt.

2. Quæ in Infinitivo desinunt in дитъ primam personam præsentis habent in жȣ, ut. ходитъ incedere. хожȣ incedo. глѧдитъ aspicere. глѧжȣ aspicio, розсердитъ сѧ irasci, розсержȣ сѧ irascor. In reliquis vero personis istud ж Iterum in д mutatur. ut ты ходишъ incedis, онъ глѧдитъ aspicit, оны розсердѧтъ сѧ irascuntur.

3. Quæ in Infinitivo desinunt in ситъ, habent in prima Præsentis шȣ. ut ȣкȣситъ

mordere ȣкȣшȣ mordeo, краситъ tingere coloribus, крашȣ tingo. In reliquis personis illud ш. iterum in с mutatur, ut собака ȣкȣситъ canis mordet.

4. Quædam desinentia in зитъ habent in prima Præsentis жȣ. ut грозитъ minari. грожȣ minor, нагрȣзитъ onerare, нагрȣжȣ [1] onero. In reliquis personis radicalis Infinitivi redit онъ грозитъ minatur.

Reliqua Tempora eodem modo formantur ut in prima Conjugatione, adeoque supra monita repetere supervacuum [2].

ѧ вѣрилъ credidi, ѧ любилъ amavi, ѧ дивилъ сѧ miratus sum, ѧ ходилъ incessi, ambulavi, ѧ ȣкȣсилъ momordi, ѧ грозилъ minatus sum.

Verba Irregularia ad duas classes referemus. Primo classis continebit ea quæ tantum anomaliam habent in præsenti, sicuti сплю dormio, à спатъ, dormire quod conjugatur modo sequenti.

Præsens.

Singularis	*Pluralis*
сплю	спимъ
спишъ	спите
спитъ	спѧтъ

[1] Опеч. пагружу вм. нагружу.
[2] Опеч. supervacunm.

Sic пишȣ scribo, à писать scribere.

Singularis	*Pluralis*
пишȣ	пишемъ
пишишъ	пишете
пишитъ	пишȣтъ.

Sic quoque держȣ teneo, à держать tenere. онъ держитъ ille tenet, оны держȣтъ tenent.

Ad hanc classem Anomalorum pertinet quoque жить vivere. quod terminationem secundæ Conjugationis habet, ejus Præsens vero, secundum primam Conjugationem flectitur ѧ живу vivo, онъ живетъ vivit оны живȣтъ vivunt.

Omnium horum Præterita sunt Regularia ѧ спалъ dormivi, ѧ писалъ scripsi, ѧ держалъ tenui, ѧ жилъ vixi.

Secunda classis Anomalorum majorem habet difficultatem, non tantum enim in Præsenti, sed et in Præterito, Anomaliam patiuntur. Catalogum eorum hic subjungemus, hoc tantum circa Præteritum monentes, quod illa quæ in Præterito non desinunt in л, illa in Fœmino et in plurali л. assciscant. онъ могъ ille potuit она могла illa potuit. мы могли nos potuimus онъ принесъ ille attulit она принесла[1] illa attulit.

Inter Anomala ea sunt difficiliora quæ in

Infinitivo in ч. desinunt, atque in Præsenti гȣ vel кȣ habent, ut сожечъ comburere. сожгȣ comburo. течи fluere. текȣ fluo. adeoque eorum paradigma hic exhibebimus.

Singularis	*Pluralis*
сожгȣ *comburo*	сожжемъ
сожжешъ	сожжете
сожжетъ	сожгȣтъ.

Sic могȣ possum, онъ можетъ, оны могȣтъ Берегȣ сѧ caveo mihi, онъ бережетъ сѧ ille cavet sibi, оны берегȣтъ сѧ cavent sibi.

Singularis	*Pluralis*
текȣ *fluo*	течемъ
течешъ	течете
течетъ	текȣтъ

Sic à попечи сѧ curam habere попекȣ сѧ curam habeo. попечетъ сѧ curam habet. попекȣтъ сѧ curam habent.

---

[1] Опеч. приносла вм. принесла.

Præteritum.

	Singularis		*Pluralis*
Mas.	ѧ сожегъ	combussi	мы сожгли
Fœm.	ѧ сожгла		
Masc.	ты сожегъ		вы сожгли
Fœm.	ты сожгла		
Masc.	онъ сожегъ		оны сожгли
Fœm.	она сожгла		

Sic онъ могъ ille potuit, она могла illa potuit,

— 36 —

мы могли potuimus. оны могли potuerunt.

ѧ текȣ fit текъ fluxit.

ѧ попекȣ сѧ fit попекъ сѧ curam habui.

In sequenti catalogo adjicimus tertiam Præsentis personam, è qua de reliquis judicare licet. Nam quorum tertia persona desinit in **етъ**, ea secundum primæ Conjugationis paradigma flecti solent, quorum vero tertia persona desinit in **итъ** secundum secundæ Conjugationis paradigma.

Infinit.	*Præs.*	3 *Singul.*	*Præter.*
бежатъ,	бегȣ,	онъ бежитъ,	бежалъ, currere.
беречи сѧ,	берегȣ сѧ	онъ береже^{т} сѧ	берегъ сѧ, cavere.
бра^{т},	берȣ,	онъ бере^{т},	бралъ, sumere.
взѧ^{т},	возмȣ,	онъ возме^{т}	взѧлъ, [1] idem.
видѣ^{т},	вижȣ,	онъ види^{т},	видалъ, et видѣлъ videre.
вставатъ,	встанȣ,	встанетъ,	всталъ, surgere.
дава^{т},	дамъ, et даю,	оны дадȣтъ,	далъ et давалъ dare.

Eodem modo omnia ex verbo hoc composita, ut выдаватъ expendere, подаватъ tra-

— 37 —

dere, ѡ^{т}дава^{т} reddere продава^{т} vendere. выдалъ, подалъ etc.

доставатъ,	достаю,	достаетъ,	досталъ, accipere.
жи^{т},	живȣ,	живетъ,	жилъ, vivere.
забыватъ,	забываю,	забываетъ,	забылъ, oblivisci.
закрытъ	закрою,	закрыетъ,	закрылъ, tegere.
занима^{т},	занимаю,	занимае^{т},	занѣлъ, mutuare.
заперти,	заперȣ,	заперетъ,	заперъ, claudere.
зва^{т},	зовȣ,	зове^{т},	звалъ, vocare.
ити,	идȣ,	иде^{т},	шолъ, ire.
крастъ,	крадȣ,	крадетъ,	кралъ, furari.
мочи,	могȣ,	можетъ,	могъ, posse.
мытъ,	мою,	мыетъ,	мылъ, lavare.
наити,	наидȣ,	наидетъ,	нашолъ, reperire

[1] Опеч. взалъ вм. взѧлъ, ср. взѧ^{т}.

— 38 —

пасть,	падȣ,	падетъ,	ȣпалъ, cadere.
переставать,	перестанȣ,		пересталъ, cessare.
поити,	поидȣ,	поидетъ,	пошолъ, abire pedibus.
поѣхать,	поѣдȣ,	поѣдитъ,	поѣхалъ abire in curru, vel equo.
понести,	понесȣ,	понесетъ,	понесъ, auferre.
приити,	придȣ,	придетъ,	пришолъ, advenire pedibus.
приѣхать,	приѣдȣ,	приѣдитъ,	приѣхалъ, advenire in curru vel equo.
принести,	приношȣ,	принесетъ,	принесъ, apportare.
привѣсти,	привѣдȣ,	привѣдетъ,	привѣлъ[1], adducere.
привозить,	привожȣ,	привозитъ,	привезъ, advehere.
принимать,	принимаю,	принимаеᵀ,	принѣлъ, accipere.
пȣстить,	пȣщȣ,	пȣститъ,	пȣстилъ, sinere.

Cum Compositis выпȣститъ emittere, впȣститъ intromittere, припȣститъ admittere,

— 39 —

пропȣститъ transitum dare, ѡᵀпȣститъ dimittere допȣститъ permittere.

пѣти,	пою,	поетъ,	пѣлъ, canere.
рости,	ростȣ,	ростетъ,	росъ, crescere.
сечи,	секȣ,	сечетъ,	секъ, secare.

Cum Compositis высечи exscindere, ѡтсечи abscindere.

слать,	стелȣ,	стелитъ,	слалъ, sternere.

☞ Compositum tamen magis in usu est перестелȣ постѣлȣ sterno lectum.

сожечь,	сожгȣ,	сожетъ,	сожегъ, comburere.
солгать,	солгȣ,	солжетъ,	солгалъ, mentiri.
спать,	сплю,	спитъ,	спалъ, dormire.
течи,	текȣ,	течетъ,	текъ, fluere.
ȣмрѣти,	ȣмрю,	ȣмретъ,	ȣмеръ, mori.
ѡставаᵀ сѧ,	ѡстаю сѧ,	ѡстаетъ сѧ,	ѡсталъ сѧ, manere.

— 40 —

Verba Impersonalia

кажетъ сѧ мнѣ,	videtur mihi.
каетъ сѧ мнѣ,	pœnitet me.
дождъ идетъ,	pluit.

1 Опечатка прибѣлъ вм. привѣлъ (указ. в списке, стр. VI).

не лза мнѣ,	non possum.
не лза ей,	illa non potest.
вонѧетъ,	fœtet.
солнце сiѧетъ,	sol splendet.
гремитъ, громъ идетъ,	tonat.
блискаетъ,	fulgurat.
похнитъ,	olet.
грезитъ сѧ мнѣ,	somnio.

CAP. V.

DE ADVERBIO

Temporis.

Таперъ, ныне nunc, въ тѣпорѣ tunc, въ передъ, въ предки, imposterum, скоро, точасъ statim. поздо sero. долго, давно diu. ȣже jamtum. еще adhuc. севодни hodie. завтра cras. вчерасъ heri. третиево дни[1] nudius tertius. рано mane vel mature. всегда, вселди semper. коли, когда quando. некогда nunquam. часто sæpe. прежде antea. покамѣстъ donec, interim. после postea.

— 41 —

Loci.

Тȣтъ, здѣсъ hic. тамъ ibi. гдѣ ubi. сȣди, сȣда huc. тȣди, тȣда illuc. кȣда quorsum. ѿкȣда unde. ѿсȣда hinc. ѿтȣда illinc. далеко[2]. procul. близко prope. везде ubique. нигде nullibi. въ низȣ infra. въ верхȣ supra. въ низъ deorsum. въ верхъ sursum.

Qualitatis et Quantitatis.

Добро, хорошо bene. лȣтче melius. хȣдо male. хȣже pejus. тихонко sensim, paulatim. полно[3] satis. гораздо, велми, оченъ valde. нарочито mediocriter. насилȣ vix. какъ quomodo. так ita. длѧчево quare. сколко quantum. толко tantum. разве forsitan. нетъ non. та imo. право profecto. въ дрȣгъ, въ мѣстѣ simul. въ первые prima vice. въ дрȣгые secunda vice. напраздно frustra. нарочно studio.

Порȣски Russice. по немецки Germanice. по францȣски Gallice.

Comparatio Adverbiorum, æque ac Comparatio Adjectivorum usu addiscenda est. часто sæpe. чаще sæpius. поздо sero пожe serius. высоко alte. выше altius. близко prope. ближе propius.

---

[1] Опеч. третие водии.
[2] Напеч. далегко вм. далеко.
[3] Напеч. полио вм. полно.

CAP. VI.

DE PRÆPOSITIONE.

Regentes Genitivum, изъ, съ ex. ȣ apud. ѡтъ ab. до ad. для propter. ѡпричъ, кромѣ præter. ѡколъ circa. безъ sine. после post. прежде ante противъ è regione.

Regentes Dativum, кȣ l. къ ad. по secundum.

Regentes Accusativum, за, quando significat pro. черезъ per. про de.

Ablativum Instrumentalem, со, съ cum.

Ab. [lativum] при prope. по quando significat post. ѽ de.

Nonnullæ duos Casus regunt, more Latinarum nonnullarum Præpositionum, nimirum Accusativum, si sermo sit de motu ad locum, et Albativum, si in loco rem significet.

Accusat. et Ablat. Instr. regunt предъ ante. подъ sub. за trans.

Accusat. et Ablat. во, въ in на super.

CAP. VII.

DE CONJUNCTIONE.

Да, и et такожде quoque. что quod. что бы ut, quod. поєстли, бȣдетъ si. или sive товоради ideo. понеже, потомȣчто quoniam. что болши живешъ, то болши слышишъ, quo diutius vivis eo plus audis.

— 43 —

PHRASES ET MODI LOQUENDI COMMUNIORES.

Глава а҃	*Cap. I*	Kap. 1.
ѡ СОЧИНЕНIИ ПРЕДЛОГА.	**DE CONSTRUCTIONE PRÆPOSITIONUM.**	Von der Construction der Praeposition.
Где ты былъ.	(1) Ubi fuisti?	(1) Wo seyd ihr gewesen?
Ꙋ брата моево, ꙋ сѣстрѣ твоеи.	Apud meum fratrem, apud sororem tuam.	bey meinen bruder, bey deiner schwester.
ѿкꙋди придешъ.	(2) Unde venis?	(2) Wo kombt ihr her?
ѿ батꙋшки, ѿ матꙋшки.	à patre, à matre.	vom vatter: von der mutter.
Изъ агленскои землы привозатъ сꙋкно.	(3) Ex Anglia advehunt pannum.	(3) Aus England bringen sie tuch.
Давноли ты съ Москвы.	Diune è Moscovia discessisti?	Wie lange ist es daß ihr aus der Moskau kommen.

— 44 —

Вчерасъ онъ ѿ нова города приѣхалъ.	Heri ille Novogorodio advenit.	Gestern ist er von Novogrod kommen.
Кꙋди идешъ, поѣдишъ.	(1) Quorsum tendis?	(1) Wo wolt ihr hin?
Къ братꙋ моемꙋ, къ сѣстрѣ моеи.	Ad fratrem meum, ad sororem meam.	Zu meinen bruder, zu meiner schwester.
Поди къ немꙋ и скажи емꙋ челобитїе ѿ менѧ.	Abi ad illum et saluta eum meo nomine.	Gehet zu ihn und grusset ihn von meinetwegen.
Приди завтра къ намъ.	Veni cras ad nos.	Kommet morgen zu uns.
Привѣдитвоево друга кꙋ [1] мнѣ [2]	Adduc amicum tuum ad me.	Bringet euren freund zu mir.
Онъ ꙋже говорилъ со мною про тебѧ.	Ille jamtum locutus est mecum de te.	Er hat schon von euch mit mir geredet.

[1] Опечатка вꙋ вм. кꙋ.

[2] Напеч. миѣ вм. мнѣ.

Изволишъ гȣлѧтъ со мною, съ нами.	(2) Placetne tibi ambulare mecum, nobiscum?	(2) Beliebet euch mit mir, mit uns, ſpazieren zu gehen.
Стоитъ при дверехъ.	Stat ante januam.	Er ſtehet vor der thur.
При свѣчѣ писатъ не могȣ.	Juxta candelam non possum scribere.	Jch kan bey dem liecht nicht ſchreiben.
Не знаю по рȣски, по немецки, по фран-	(3) Nescio linguam Russicam, Germani	(3) Jch kan nicht Ruſ-ſiſch,

— 45 —

цȣски.	cam, Gallicam.	Teutſch, Franzoſiſch.
По тои ценѣ[1] продаватъ не могȣ.	Pro hoc pretio non possum vendere.	Fur den preiss kan ich nicht verkauffen.
Почемȣ ты знаешъ.	Quomodo tu scis.	Woher wiſſet ihr es?
Ѧ послалъ по лошадь.	Jussi adduci equum.	Jch habe nach dem pferde geſchicket.
Ѿнеси крȣшкȣ въ погребъ, въ горницȣ.	(1) Aufer cantarum in cellam, in triclinium.	(1) Traget die kanne in den keller, in die ſtube.
Ѧ хранилъ сыръ въ погрѣбѣ,[2] въ горницѣ.	Servavi caseum in cella, in triclinio.	Jch habe den Kaſe in dem keller, in der ſtube verwahret.
Поставъ штеканъ на столъ, на лавкȣ.	(2) Pone poculum in mensam, in scamnum.	(2) Setzet den becher auff den tiſch, auff die banck.
Вотъ, тамъ лежитъ твоѧ шапка на столѣ, на лавкѣ.	Ecce mitra tua jacet in mensa, in scamno.	Sehet dort lieget eure Mutze auff dem Tiſche, auff der banck.
Собака бежала подъ столъ, под лавкȣ.	(3) Canis aufugit sub mensam, sub scamnum.	(3) Der hund iſt unter den tiſch, unter die banck gelauffen.
Кошка спрѧтила[3] сѧ подъ столомъ, подъ лавкою.	Felis abscondit se sub mensa, sub scamno.	Die katze hat ſich unter die banck verſtecket.
За етȣю ценȣ не здѣлаютъ бȣшмаки.	(4) Pro hoc pretio non conficiunt calceos.	(4) Fur den preiss machen ſie keine ſchuhe.

— 46 —

Онъ за городъ пошолъ.	(1) Exiit urbe.	(1) Er iſt aus der ſtadt gangen.
Живетъ за городѣ.	Habitat extra urbem.	Er wohnet auſſerhalb der ſtadt.
Поди за рѣкȣ.	Abi trans fluvium.	Gehet an die andere ſeite der fluſſes.

---

1 Опеч. цеиѣ вм. ценѣ.
2 Опечатка погрѣвѣ вм. погрѣбѣ, ср. предыдущую фразу.
3 Вероятно опечатка вм. спрѧтала.

Смотри за рѣкою продажнаѧ ли дрова тамъ.	Vide trans ſluvium num lignum ibi venale sit?	Sehet jenſeit des fluſſes ob daſelbſt holtz zu verkauffen.
Єтаѧ деревнѧ за свицкимъ королемъ.	(2) Pagus hic in ditione Regis Sueciæ est.	(2) Dieſes dorff gehoret dem Konige in Schweden.
Моѧ сѣстра ȣже три лѣта за мȣжемъ.	Soror mea jamtum tres annos in matrimonio vixit.	Meine ſchweſter hat ſchon drey jahr einen mann gehabt.
Поди за нимъ.	(3) Sequere illum.	(3) Gehet hinter ihn her.
Онъ за мною ѣхалъ.	Ille à tergo meo vectus est.	Er fuhr hinter mir her.

Глава в҃. — *Cap. 2.* — *Cap. 2.*

РОЗЛИЧНИЕ РЕЧИ ПРОСТИЕ. — **VARIÆ EXPRESSIONES COMMUNES** — Verſchiedene gemeine redens-arten.

Здравствȣи.	Salve.	Sey geſund, auff teutſch ſagt man, guten morgen, guten abend.
Какъ тебѧ богъ милȣетъ.	Quomodo vales?	Wie geht es euch.

— 47 —

Спасибо, [1] ѧ не гораздо здоровъ.	Gratias ago, non admodum valeo.	Groſſen dank, ich bin nicht ſonderlich wohl auff.
Ѧ давно тебѧ не видалъ.	(1) Diu te non vidi.	(1) Ich hab euch lange nicht geſehen.
Таперъ менѧ видишъ.	Jam me vides.	Jetzo ſehet ihr mich.
Длѧчево ты вчерасъ не кȣ мнѣ пришолъ.	(2) Quare heri non ad me venisti.	(2) Warumb ſeyd ihr geſtern nicht zu mir kommen.
Не досȣгъ мнѣ было.	Non vacabat mihi.	Ich hatte nicht zeit.
Пожалȣи садисѧ.	Sedeas quæso.	Ich bitte ſetzet euch.
Челомъ бью, ѧ не ȣсталъ.	Gratias ago, non sum lassus.	(3) Ich bedancke mich, ich [2] bin nicht mude.
Пожалȣи приди чаще къ намъ въ предки.	Quæso imposterum frequentius nos visites.	Ich bitte kommet ins-kunfftige offters zu uns.
Ѧ радъ бȣдȣ часто свидатъ сѧ стобою.	(4) Jucundum mihi erit sæpe te frui.	(4) Es wird mir lieb seyn, offt mit euch zuſammen zu kommen.
Ѿкȣда придешъ.	Unde venis?	Wo kombt ihr her?
Изъ слободы.	E suburbio.	Aus der Vorſtadt.

---

[1] Опечатка спасиво вм. спасибо.
[2] Опечатка i и вм. i ф.

Кȣда дȣмаешъ?	Quorsum tendis?	Wo dencket ihr hinaus?
Домои.	Domum.	Nach Haus.

— 48 —

Домали твои хосѧинъ?	Domi ne est herus tuus?	Ist euer herr zu haus.
Не знаю, онъ здвора ѣхатъ хотѣлъ.	(1) Nescio, exire voluit.	(1) Ich weiss nicht, er hat wollen auffahren.
Где онъ живетъ.	Ubi ille habitat?	Wo wohnet er?
На болшои ȣлицѣ где онъ всегда жилъ.	In platea majori ubi semper habitavit.	In der breiten gassen, wo er allezeit gewohnet.
Богъ помочъ	(2) Deus te juvet.	(2) Gott helff euch.
ѡпотчиваи здоровъ.	Dormi quiete.	Schlaffet wohl.

Глава г.	*Cap. 3.*	Cap. 3.
Ѡ ѣСТВОМЪ И ПИТIИ.	**DE CIBO ET POTU.**	Vom Essen und Trinken.
Завтракалъ ли ты.	Sumsistine jentaculum?	Habt ihr gefruhstucket.
Ѧ поздо ȣжиналъ вчерасъ, сверхъ тово ѧ рѣдко ѧмъ прежде ѡбѣда.	(3) Sero heri cœnavi, præterea raro ante prandium edo.	(3) Ich habe gestern abend spath gessen, uber dieses esse ich selten vor der mittags mahlzeit.
Изволишъ снами хлѣба кȣшитъ.	Placetne tibi nobiscum comedere?	Beliebet euch mit uns zu speisen?

— 49 —

Челомъ бью, дѣло мнѣ.	Gratias ago, aliquid mihi agendum est.	Ich bedancke mich, ich habe etwas zu thun.
Точасъ ѡбѣдъ готовъ бȣдетъ, дѣвка стѣли скатертъ [1]	(1) Statim prandium paratum erit, ancilla sterne mensam.	(1) Das essen wird gleich fertig seyn, magdgen, decket den tisch.
Мы не дожидали сѧ гости, не сȣди что ѧ смѣлъ за простъ тебѧ держатъ здѣсъ.	Non expectavimus convivas, æqui bonique consule, quod more familiari te excipere ausus sim.	Wir haben keine gaste vermuthet, verdencket miers nicht, dass ich mich unterstanden euch auff eine haus-mahlzeit hier zu behalten.
Болши приготовлено неже надобе.	(2) Major apparatus factus, quam necesse est.	(2) Es ist mehr zubereitet als von nothen.

[1] Опеч. скатретъ вм. скатерть.

Пожалȣи кȣши, не побрѣзгȣи нашимъ кȣщенїемъ.	Quæso comedas, noli dedignari nostrum cibum.	Eſſet doch, verſchmahet unſere ſpeiſſe nicht.
Ѿ дожидаю сѧ твою семью,[1] женȣ.	(3) Expecto tuam uxorem.	(3) Ich warte auff eure liebſte.
Она еще въ поварнѣ.	Illa adhuc in culina est.	Sie iſt noch in der kuche.
Право ѧ не станȣ ѣсть покамѣсть она не пришла.	(4) Certe non manducabo antequam illa veniat.	(4) Sicherlich ich werde nicht eſſen, ehe ſie kombt.

— 50 —

Баренъ, малецъ, поди въ поварнȣ и позови ивановнȣ.[2]	Puer, abi in culinam et advoca uxorem meam.	Junge, gehe in die kuche und rufe meine frau.
Она идетъ.	(1) Statim adveniet.	(1) Sie wird gleich hier ſeyn.
Изволишъ чаркȣ вотки.	Libetne tibi cyatus aquæ aromaticæ?	Beliebet euch ein ſchalgen von gebrandten waſſer?
Воткȣ не ȣживаю.	(2) Aqua aromatica non utor.	(2) Ich trincke kein gebrantes waſſer.
Ренского ȣ насъ нетъ[3], чемъ тебѧ потчиватъ.	Vinum non habemus, qua re tractabimus te.	Wir haben keinen wein, womit ſollen wir euch tracktieren.
Съ пивомъ, къ инномȣ питїю ѧ не ѡхотникъ.	(3) Cerevisia, alius potus mihi non arridet.	(3) Mit bier, ich bin kein liebhaber von andren getrancke.
Баренъ налеи пиво, а прежде выплощаи штеканъ, крȣшкȣ.	Puer, infunde cerevisiam sed munda antea poculum, cantharum.	Junge ſchenck bier ein, aber ſpule den becher, die kanne erſt aus.
Крȣшка не порозна.	(4) Cantharus non est vacuus.	(4) Die kanne iſt nicht lehr.
Кȣди ты дѣлъ мои ножикъ.	Quid fecisti de cultro meo?	Wo haſtu mein meſſer hingethan.

— 51 —

Ѿ положилъ на тарелкȣ, чаю что ты ȣронилъ на землю, когда ты чистȣ тарелкȣ взѧлъ.	(1) Posui in orbem, puto tibi excidisse in terram cum orbem mundum caperes.	(1) Ich habe es auff den teller gelegt, ich halte ihr habt es auff die erde fallen laſſen, als ihr einen reinen teller genommen.

1 Опечатка с е м б ю вм. с е м ь ю.
2 Опеч. И в а н о н ȣ вм. И в а н о в н ȣ.
3 Опечатка и е т ъ вм. н е т ъ.

(48)

домали. твои хозяинъ?		Domi ne est herus tuus?
не знаю, онъ задора ѣхать хотѣлъ.	(1)	Nescio, exire voluit.
гдѣ онъ живетъ.		Ubi ille habitat?
на болшои улицѣ гдѣ онъ всегда жилъ.		In platea majori ubi semper habitavit.
богъ помоуъ.	(2)	Deus te juvet.
опочивай здоровъ.		Dormi quiete.

Глава г.

О ѣствомъ и питїи.

Cap. 3.

De Cibo & Potu.

Завтракалъ ли ты.		Sumsistine jentaculum?
а поздо ужиналъ вчерасъ, сверхъ того а рѣдко ямъ прежде обѣда.	(3)	Sero heri coenavi, præterea raro ante prandium edo.
изволишъ сними хлѣба куштъ.		Placetne tibi nobiscum comedere?

Cap. 3

Vom Essen und Trinken.

челомъ

(49)

челомъ бью, дѣло мнѣ.		Gratias ago, aliquid mihi agendum est.
точасъ обѣдъ готовъ будетъ, дѣвка стели скатретъ.	(1)	Statim prandium paratum erit, ancilla sterne mensam.
мы не дожидали гостьи, не суди что а смѣлъ за простъ тебя держатъ за столъ.		Non exspectavimus convivas, æqui bonique consule, quod more familiari te excipere ausus sim.
болши приготовле но неже надобе.	(2)	Major apparatus factus, quam necesse est.
пожалуй куши, не побрезгуй нашимъ кушенїемъ		Quæso comedas, noli dedignari nostrum cibum.
а дожидаю ся твою семью, жену.	(3)	Expecto tuam uxorem.
она еще въ поварнѣ.		Illa adhuc in culina est.
право а не стану ѣстъ покамѣстъ она не пришла.	(4)	Certe non manducabo antequam illa veniat.

плачу.

Фото стр. 48 и 49 из отдела фразеологии (0,63 разм. ориг.).

6—1753

Пожалꙋи пеите крꙋгомъ.	Quæso circumpotetis.	Jch bitte trincket herumb.
Ѧ пилъ къ сосѣдꙋ моемꙋ.	(2) Propinavi vicino meo.	(2) Jch habe meinem nachbar zugetruncken.
Бꙋди здоровъ, на твое здоровіе.	Propino tibi, in salutem tuam.	Jch bringe es euch, auf euere geſundheit.
Челом бью. Ѧ починалъ питъ про здоровіе хосѧина.	(3) Gratias ago, in sanitatem heri bibere incœpi.	(3) Jch bedancke mich, ich hab des herrn wirths geſundheit angefangen.
Про здоровіе хосѧиски прежде питъ было.	Oportuisset bibere in sanitatem heræ.	Wir hatten ſollen der frau wirthin geſundheit trincken.
Она добра жена сердитъ сѧ, прогнѣватъсѧ, не станетъ.	(4) Bona mulier est, non irascetur.	(4) Sie iſt eine gute frau, ſie wird nicht boſs werden.
Какъ тебѣ покажетъ сѧ наше пиво.	Quomodo tibi placet nostra cerevisia?	Wie gefallt euch unſer bier?

— 52 —

Хорошо, а крѣпко, [1] бою сѧ ꙋпиватъ сѧ.	(1) Bene, sed fortis est., timeo, ne inebrier.	(1) Wohl, aber es iſt ſtark, ich furchte mich vollzutrincken.
Не бои сѧ еще Ѧ никово пиѧново напоилъ, кажетъ сѧ мнѣ что наше пиво оченъ житко.	Noli timere. adhuc neminem ebrium reddidi, videtur mihi, quod cerevisia nostra valde tenuis sit.	Furchtet euch nicht, ich habe noch niemand voll getruncken, mich dunckt, unſer bier ſeh zu dunne.
Никакъ, сладко а Ѧ таковое люблю.	(2) Minime, dulcis est, talem amo.	(2) Nein, es iſt ſuſs, und ſo trinck ichs gerne.
И Ѧ лꙋтче люблю сладко неже горко, горко не ꙋнимаетъ жаждꙋ.	Ego quoque libentius bibo dulcem quam amaram, amara non sedat sitim.	Jch trincke auch lieber ſuſſes als bitters, das bittere leſcht den durſt nicht,
Пожалꙋи режъ мнѣ немножко ѡт того гꙋса, ѡт тои ꙋтки, кꙋрицы.	(3) Quæso seces mihi parum de illo ansere [2], anate, gallina.	(3) Jch bitte ſchneidet mir ein wenig von der ganſs, von der ende, oon dem huhn.
Крылоли или ногꙋ?	Alamne vel pedem?	Einen flugel oder ein bein.
То мнѣ все однако.	Perinde mihi est.	Es gilt mir gleich.
Наше кꙋшеніе [3] тебѣ не ꙋкꙋсно, разве	Cibus noster tibi non arridet, forsan	(4) Unſer eſſen ſchmecket euch nicht, es iſt vielleicht nicht

1 Опечатка крѣко вм. крѣпко.
2 Опеч.. anſere вм. ansere.
3 Опечатка вꙋшеніе вм. кꙋшеніе.

— 53 —

не по вашемȣ приготовлено.	more vestro non est præparatus.	auff euere weiſe zugerichtet.
Право ѧ слышкомъ ѣлъ, дома толко не ѧмъ.	(1) Profecto nimium comedi. Domi tantum non manduco.	(1) Ich habe ſicherlich mehr denn zu viel geſſen, zu hauſe eſſe ich nicht ſo viel.
То твое пожалованіе что снами за простъ ȣдоволитъ сѧ изволилъ.	Hoc comitati tuæ tribuendum, quod domestico prandio te apud nos contentare volueris.	Es iſt ſeine Gutigkeit, daſs er mit einer haus mahlzeit bey uns wollen verlieb nehmen.
Ѧ не лакомои, ѧ не привыкъ къ лакомствȣ.	(2) Delicatis cibis non sum assuetus.	(2) Ich bin nicht leckerhafft, zu leckerbislein gewehnet.
Ныне пора домои.	Tempus jam domum repetendi.	Es iſt zeit wieder nach haus.
Слава Богȣ ѧ доволно ѣлъ, ѧ сытъ.	Sufficienter comedi, Deo gratias, satur sum.	Ich habe Gottlob zur genuge geſſen, ich bin ſatt.
Челомбью за любовъ.	(3) Gratias ago pro benevolentia.	(3) Ich bedancke mich fur die genoſſene ehre.
Прости.	Vale.	Lebet wohl, gehabt euch wohl.

— 54 —

Глава а҃.	*Cap. 4.*	Cap. 4[1].
МЕЖДȣ ХОСѦИНА И СЛȣГИ.	**INTER DOMINUM ET SERVUM.**	Zwiſchen dem Herrn und Knecht.
Кормилъ ты лошадь.	(1) Cibastine equum?	(1) Haſtu das pferd gefuttert?
Кормилъ,[2] а еще не напоилъ.	Cibavi, sed nondum aquatum duxi.	Ja, aber ich habe es noch nicht getrancket.
Длѧчево ты не по ране всталъ?	(2) Quare non maturius surrexisti?	(2) Warumb biſtu nicht fruher auffgeſtanden?
Твое здоровіе знаетъ когда ты вчерасъ[3] домои пріѣхалъ.	Tua dominatio scit, quando heri domum veneris.	Der herr weis wenn er geſtern zu hauſs gekommen iſt.
Хотіѧ[4] ты рано спатъ лежишъ однакожде некогда прежде седмого часа тебѧ вижȣ.	(3) Quanquam mature cubitum eas, tamen nunquam ante septimam horam te video.	(3) Wenn du gleich fruh ſchlaffen geheſt, ſo ſehe ich dich doch niemahl vor ſieben uhr.
Въ передъ ленивъ не бȣдȣ.	Imposterum ignavus non ero.	Ins kunfftige will ich nicht faul ſeyn.
Длѧчево ты не топилъ печь.	(4) Quare fornacem non calefecisti?	(4) Warum haſtu nicht eingeheitzet?

1 Опеч. 3 вм. 4.
2 Опеч. пормилъ вм. кормилъ.
3 Опечатка бчерасъ вм. вчерасъ, домон вм. домои.
4 Ср. на стр. 58: хотѧ.

Нетȣ дровъ.	Deest lignum.	Es iſt kein holz da.
Кȣпи воза съ два.	(1) Eme par vehium.	(1) Kauffe ein paar Fuder.
Насилȣ добȣдȣ, дорога такъ хȣда.	Vix adipiscar, via adeo mala.	Ich werde deſſen ſchwerlich kriegen, der weg iſt ſo boſe.
Вычисти платїе моѧ и въпрѧги лошадь, надобе здвора ѣхатъ.	Expurga vestes meas et junge equum trahæ, foras mihi exeundum est.	Fege meine kleider aus, und ſpanne den ſchlitten an, ich muſs aus fahren.
Грѧзно санми ѣхатъ не можешъ.	(2) Cœnosa est via, traha vehi non potes.	(2) Es iſt kothigt der Herr kann mit den ſchlitten nicht fahren.
Такъ верхомъ ѣдȣ, ѡседлаи лошадь.	Ergo equitabo, impone ephippium equo.	So will ich reiten, ſattle das pferd.
Лошадь не подкована.	(3) Equo soleæ ferreæ desunt.	(3) Das pferd iſt nicht beſchlagen.
Вѣли то часъ подковатъ, а не замешкаи.	Cura statim soleas ferreas induci, et noli morari.	So laſs es geſchwinde beſchlagen, und ſaum dich nicht.
Поди сперва и спрашиваи домали докторъ.	(4) Abi antea et interroga, utrum doctor domi sit.	(4) Gehe erſt hin und frage ob der Doktor zu hauſſe.
Ѧ былъ ȣ нево, семьѧ [1] ево скажетъ что не	Fui apud ipsum, uxor ejus dicit, quod	Ich bin bew ihm geweſen, ſeine frau ſaget, er

— 56 —

далеко [2] и скоро дома бȣдетъ, бьетъ челомъ что бы ты изволилъ хлѣба кȣшитъ съ ними.	procul non absit, et mox domum redibit, rogat ut cum ipsis prandere velis.	ſey nicht weit und werde bald nach hauſſe kommen ſie bittet, ihr wollet euch belieben laſſen mit ihnen zu ſpeiſen.
Ѧ посȣлилъ ȣже къ инномȣ. поди ныне и смотри естли портнои мастиръ здѣлалъ мою шȣбȣ.	(1) Jam tum alii promisi. abi jam et vide num sartor tunicam meam pelliceam fecerit.	(1) Ich habe ſchone einem andern zugeſaget, gehe hin und ſiehe ob der ſchneider meinen pelz gemacht.
Шȣба не [3] готова, много роботы емȣ на праздники.	(2) Tunica non parata est, multum operis ipsi est propter festa, ferias.	(2) Der pelz iſt nicht vertig [4], er hat viel zu thun auff die feyertage.

1 Опечатка семва вм. семьѧ.
2 Опеч. далегко вм. далеко.
3 Опеч. ие вм. не.
4 Опечатка vettig вм. vertig.

И ѧ емȣ денги плачȣ, онъ не даромъ за менѧ роботаетъ.	Ego quoque ipsi pecuniam solvo, gratis pro me non laborat.	Ich bezahle ihm geld, er arbeitet fur mich nicht umbsonst.
То ихъ ȣбычеи, что лȣтче ты платишъ то хȣже слȣжаютъ.	(3) Hæc est ipsorum consuetudo, quo melius solvis, eo pejus inserviunt.	(3) Das ist ihr gebrauch ie besser man sie bezahlet, ie schlimmer bedienen sie einen.
Ѡнеси бȣшмаки къ сапожникȣ и вѣ-	Porta calceos ad sutorem et jube	Trage die schuhe zum schuster und lasse sie flicken.

— 57 —

ли ихъ починитъ.	eos sarciri.	
Долго ты несъ ихъ, новие надобе.	(1) Diu eos gestasti, novis opus est.	Ihr habt sie lange getragen und neue von nothen.
Ѧ не нȣженъ твоимъ совѣтомъ, здѣлаи что ѧ прикажȣ.	Non indigeo tuo consilio, fac quod jubeo.	Ich bedarf deines raths nicht, thue was ich dir befehle.
Виноватъ.	(2) Ignoscas.	(2) Ich bitte umb verzeihung, ich bin schuldig.
Вѣли дѣвкȣ постѣлȣ слатъ и чистие простыни кластъ.	Jube ancillam lectum sternere, et mundos lodices imponere.	Heiss die magd das bette machen und reine bettucher geben.
Єще рано спатъ лечъ.	(3) Præmature adhuc cubitum ire.	(3) Es ist noch zu fruh zu bette zu gehen.
Пособи мнѣ роздѣватъ сапоги и повиси ихъ что бы завтра сȣхие были.	Juva me ocreas exuere, et suspende eas ut cras siccæ sint.	Hilff mir die stieffeln aufziehen, und hange sie auff, dass sie morgen drucken seyn.
При огни испортишъ ихъ.	Ad ignem eas corrumpis.	An dem feuer verderbet ihr sie.
Ѡ томъ не попечи сѧ, естли ѧ испорчȣ то моѧ шкота.	(4) Ne sis solicitus de eo, si eas corrumpo, meum damnum erit.	(4) Bekummere dich nicht darumb, wenn ich sie verderbe ist es mein schade.
Возбȣди менѧ завтра в четвер-	Expergefac me cras hora quarta, et	Wecke mich morgen

— 58 —

том часȣ, и чистȣ водȣ принеси севодни ты забылъ.	aquam mundam affer, hodie oblitus eras.	gegen vier uhr auff und bringe rein wasser, heute hastu es vergessen.
Ты менѧ здвора послалъ, не могȣ два	(1) Miseras me foras, non possum dua	(1) Ihr hattet mich aus geschicket, ich

дѣла въ дрȣгъ здѣлатъ.
Какъ бы ты незамешкалъ такъ бы ты назадъ былъ прежде ѧ всталъ.
Ѧ бежалъ бȣтъ то бешенна[1] собака.
То ѧ знаю, что всегда бȣтъ то дȣракъ ѡᵀвѣчаешъ.
Лȣче дȣрачествоватъ неже крастъ.

Часто и дȣраки крадȣтъ, и хотѧ ты не ȣкралъ ѡднакожде ты не бережешъ моѧ вещи.

negotia simul facere.
Si moras non nexisses rediisses antequam ego surrexi.

(2) Cucurri instar canis rabidi.
Hoc scio, te semper instar stulti respondere.
(3) Præstat ineptire, quam furari.

Sæpe stulti quoque furantur, et quanquam tu non furatus es, tamen res meas non custodis.

kan nich (sic) zwey sachen zugleich thun.
Wen du nicht gesaumet hattest, sowerest du wieder gekommen, ehe ich aufgestanden.
(2) Ich bin gelauffen, wie ein toller hund.
Das weis ich daß du allezeit wie ein narr antwortest.
(3) Es ist besser narrisch zu seyn, als zu stehlen.
Offt stehlen narren auch, und ob du schon nicht gestohlen, so nimbstu doch meine sachen nicht in acht.

— 59 —

Инновѡ человѣка нанимать можешъ.
Высеки огонь и зажги свечȣ.
Єще свѣтло, когда тѣмно бȣдетъ зажигатъ станȣ.
Єтие свечи не хорошѡ горѧтъ, гораздо тонкие, толстие мнѣ надобе.
Загаси тѧперъ,[2] потȣши.

(1) Alium servum conducere potes.
Elice ignem et accende candelam.
(2) Ad huc lucet. quando noctescet, accendam.
Hæ candelæ non bene urunt, valde tenues sunt, opus est crassis.
(3) Extingue jam.

(1) Ihr konnet einen andern annehmen?
Schlage feuer auff, und zunde ein licht an.
(2) Es ist noch helle, wenn es dunckel, will ich eins anzunden.
Diese Liechte brennen nicht wohl, sie sind sehr dunne, ich muss dicke haben.
(3) Lesche es nun aus.

Глава є҃. — *Cap. 5.* — Cap. 5.

ѡ ПУТЕШЕСТВОВАНИИ, И ИННИХЪ ДѢЛЕХЪ.

DE ITINERE, ET ALIIS REBUS.

Vom Reisen, und andern sachen.

Ѧ радъ свидатъ сѧ стобою прежде ѡтошествїѧ твоево[3].
Алти дȣмаешъ

(4) Gaudeo quod tecum unà sim ante discessum tuum.
Putasne me abire

(4) Es ist mir lieb daß ich euch vor eurer abreise spreche.
Meinet ihr

---

1 Напеч. вешенна вм. бешенна.
2 Опечатка тѧрерь вм. тѧперъ.
3 Напеч. тоево вм. твоево.

6—1753

что поѣхатъ мнѣ мочно а не проститъ сѧ стобою.	posse et non valedicere tibi?	daſs ich konne wegreiſſen und nicht abſchied von euch nehmen.
Кȣда поѣдишъ.	(1) Quorsum proficisceris?	(1) Wo reiſſet ihr hin?
Въ свицкȣю, цѣсарскȣю, голанскȣю землю.	In Sueciam, Germaniam, Bataviam.	Nach Schweden, nach Deutſchland, nach Holland.
Коли пȣть возмешъ.	(2) Quando committes te in viam?	(2) Wenn trettet ihr eure reiſſe an?
На тои недѣлѣ.	Sequenti septimana.	Kunfftige woche.
Береги сѧ ѡт воровъ и разбоиниковъ.	(3) Cave tibi à latronibus et homicidis.	(3) Hutet euch fur dieben und mordern.
Єще бѣда не прилȣчила сѧ мнѣ на дорогѣ, слава богȣ.	Adhuc infortunium mihi non contigit in itinere Deo gratias.	Es iſt mir Gottlob auff der reiſſe noch kein ungluck begegnet.
Скажȣтъ что пригожие женщини во францȣской землѣ.	(4) Dicunt pulchras fœminas in Gallia esse.	(4) Man ſagt daſs ſchon frauen zimmer in Franckreich ſey.
Ѧ не водилъ сѧ сними, красние не глади-	Non conversatus sum cum illis, pul-	Ich bin nicht mit ihnen umbgangen, die ſchonen

— 61 —

ли на менѧ, и не желалъ познатъ сѧ съ дȣрними.	chræ non aspexerunt me, et non concupivi notitiam contrahere cum deformibus.	haben mich nicht angeſehen, und mit den heſſlichen habe ich nicht verlangt bekand zu werden.
Чемъ ты забавилъ сѧ тамъ.	(1) Quanam recreatione ibi usus es?	(1) Wormit habt ihr euch daſelbſt ergetzet.
Мало забавы за иноземца.	Parum recreationis extero obvenit.	Da iſt wenig zeit vertreib fur einen fremb den.
Какъ тамошние люди проклажатъ сѧ.	(2) Quomodo indigenæ se recreant?	(2) Womit ergetzen ſich denn die inwohner?
Со всяческими играми.	Variis ludis.	Mit allerhand ſpielen.
Ȣчилъ сѧ ли ты некоторȣю игрȣ.	(3) Nullumne ludum tu didicisti?	(3) Habt ihr kein ſpiel gelernet?
Боѧлъ сѧ игратъ потомȣ что чаще проиграю нежели выграю.	Timui ludere, quoniam sæpius perdo quam lucror.	Ich habe mich gefurchtet zu ſpielen, weil ich offter verſpiele als gewinne.
Лȣчели тебѣ ѣхатъ водою или горои.	(4) Mavisne aqua vel terra proficisci?	(4) Reiſſet ihr lieber zu waſſer oder zu lande?
Море не люблю, естли сȣхимъ пȣтемъ поѣдȣ не ȣтонȣ.	Mare non amo, si terrestri itinere proficiscor, non submergor.	Ich halte nicht viel von der ſee, wenn ich zu lande reiſſe, ſo erſauffe ich nicht.

Зимоюли или лѣтомъ л8че п8тешеств8ешь.	(1) Libentiusne hyeme vel æstate peregrinaris?	(1) Reisset ihr lieber in winter oder im sommer?
На Р8сиѣ л8че зимою.	In Russia hyeme præstat.	In Russland ist es besser im winter.
Говорꙗтъ что тамъ страшно холодно.	(2) Dicunt ibi immane frigus esse.	(2) Sie sagen es sey da schrecklich kalt.
Чемъ согреваютъ сꙗ.	Quomodo se calefaciunt?	Wormit warmen sie sich?
Где лѣсовъ много тамъ огонь мало стоитъ.	Ubi multæ sylvæ ibi ignis parvi constat.	(3) Wo viel walder sind, da kostet das feuer wenig.
Ꙗ просидѣлъ вчерасъ снекоторими др8зꙗми которие ꙗ въ гости звалъ, и того ради ꙗ ѡспалъ сꙗ.	(3) In seram noctem heri conversationem protaxeram cum amicis nonnullis quos invitaveram, ideoque ultra statum tempus dormivi.	Ich hatte gestern lange auffgesessen mit etlichen freunden die ich zu gaste gebeten, und derohalben habe ich uber die zeit geschlaffen.
Коликижде ꙗ въ гостехъ или въ пир8 былъ, въ др8гои день	(4) Quotiescunque ego convivio interfui, postero die sur-	(4) So offt als ich zu gaste gewesen. So kan ich des anderen tages nicht

вставатъ [1] не мог8.	gere non possum.	auff stehen.
Которие часто пиршеств8ютъ скоро въ ск8дость въ 8божество, впадаютъ.	(1) Qui crebro convivantur, faciliter in penuriam et paupertatem incidunt.	(1) Die offt gastereyen halten, gerathen leicht in mangel und armuth.
Ск8чно мнѣ всегда ѡднимъ быти.	Tœdet me semper solum esse.	Es ist mir verdrieslich allezeit allein zu seyn.
Выбираи товарищи которие не склонение къ питїю или къ праздности.	(2) Elige socios qui non propensi sunt ad potum, vel ad otium.	(2) Suchet euch cameraden aus, die nicht geneigt sind zum truncke, oder zum mussiggange.
Г8лꙗщики ꙗ некакъ люблю а насил8 8чоново человѣка наидешъ.	Canalicolas neutiquam amo, sed vix doctum virum invenis.	Ich halte im geringsten nichts von pflastertretern, aber mit grosser muhe findet man einen gelehrten.
Вчерасъ ꙗ стретилъ сꙗ съ вѣликимъ х8дожникомъ.	(3) Heri obviam habui magnum artificem.	(3) Gestern begegnete mir ein grosser kunstler.

[1] Опечатка втавать вм. вставатъ.

Какой емȣ промыслъ?	Quodnam ipsi artificium?	Was iſt ſeine handthierung.
Часовникъ, часы ево ѡднимъ заводомъ весъ месецъ	(4) Factor horologiorum, horologia ipsius una intensione totum	(4) Ein uhrmacher, wenn man ſeine uhren einmahl auffziehet, gehen ſie ei-

— 64 —

ходатъ.	mensem moventur.	nen ganzen monat.
Много ѧ издержалъ на етȣю роботȣ, а жалъ мнѣ что денги не въ мошнѣ держалъ.	(1) Multum expendi in hoc opus, sed pœnitet me, quod nummos non in crumena servaverim.	(1) Ich habe viel geld fur die arbeit ausgegeben, aber es gereuet mich, daſs ich das geld nicht im beutel behalten.
На что денги какъ выдаватъ не смѣешъ.	Cui usui pecunia, si erogare non audes.	Was iſt daſs geld nutze, wenn ihr es nicht getrauet aus zu geben.
Надобе кȣпитъ толко что нȣжно.	(2) Oportet emere tantum necessaria.	(2) Mann muſs nur kauffen was nothig.
Почта пришла и грамотки ѧ не досталъ ѡт моихъ сродниковъ.	Posta advenit, et literas non accepi à cognatis meis.	Die poſt iſt gekommen, und ich habe keine brieffe von meinen freunden bekommen.
Показали мнѣ грамоткȣ печатанȣ, казало сѧ мнѣ что ѡт шȣрина твоево.	(3) Monstravere mihi epistolam obsignatam, videbatur mihi quod ab affini tuo esset.	(3) Sie haben mir einen verſiegelten brieff gewieſen, es ſchien er war von euer frauen bruder.
Какъ ты знаешъ что я женилъ сѧ на сѣстрѣ ево.	Quomodo scis, quod sororem ejus uxorem duxerim.	Wie wiſſet ihr daſs ich ſeine ſchweſter geheurathet.

— 65 —

Онъ самъ мнѣ сказалъ что сѣстра ево за тебѧ замȣжь вышла.	(1) Ipse mihi dixit, quod soror sua tibi nupserit.	(1) Er hat mir ſelbſt geſaget daſs ſeine ſchweſter euch gefreyet.
Каетъ сѧ мнѣ что свадбу здѣлалъ, по томȣ что мало въ приданїе еи дали.	Pœnitet me quod nuptias celebraverim, quoniam parvam dotem illa habuit.	Es gereuet mich, daſs ich hochzeit gehalten, denn ſie haben ihr wenig mit gegeben.
Нехто ȣдоволитъ сѧ въ томъ что богъ дасть.	(2) Nemo contentus est sua sorte.	(2) Niemand iſt zufrieden mit dem was Gott beſcheeret.
Нечемъ дѣти не кормишъ.	Nihilo liberos non alis.	Mit nichts kan man die kinder nicht ernehren.

Уповаи сѧ на бога, на празно попечешъ сѧ, как вышнои не благословитъ.	(3) Fiduciam tuam colloca in Deo, frustra sollicitus es, si summus non benedicat.	(3) Vertrauet Gott, ihr bekummert euch umbſonſt, wenn der hochſte nicht ſegnet.
Немочи гораздо досадние.	Morbi valde molesti sunt.	Kranckheiten ſind ſehr beſchwerlich.
Хъ которои немочи ты склоненъ.	(4) Ad quem morbum nam tu proclivis es?	(4) Zu was fur einer kranckheit ſeyd ihr geneigt?

— 66 —

Камч8гъ часто наидетъ на менѧ.	(1) Podagra sœpe laboro.	(1) Ich kriege offt das podagra.
Совѣтовалъ мнѣ врачъ п8скать кровъ во [1] вѣснѣ.	Consuluit mihi medicus sanguinem extrahere vere.	Es hat mir der Artzt gerathen, ich ſolle im fruhlinge ader laſſen.
По моем8 мнѣнїю то болново ѡслаблѧетъ.	(2) Quantum ego existimo, illud debilitat ægrotum.	(2) Nach meiner meinung ſchwachet ſolches den krancken.
Мои сили 8же гораздо 8меншали сѧ.	Vires meæ jamtum valde imminutæ sunt.	Meine kraffte haben ſchon ſehr abgenommen.
Ѿ етои немочи 8мрети не станешъ.	(3) Hoc morbo non morieris.	(3) An dieſer kranckheit werdet ihr nicht ſterben.
Когда я переставилъ сѧ похранатъ менѧ.	Quando decessi, sepelient me.	Wenn ich verſchieden ſo begraben ſie mich.
Похрани здѣсъ проторние.	(4) Sepultura hic sumtuosa.	(4) Begrabniſſe ſind hier theuer.
Л8че денги въ кстини выкладиватъ.	Præstat erogare pecuniam in babtismum [2].	Es iſt beſſer das geld auff die kind Tauffe wenden.
Єстъ такихъ, которие въ ѡдном пи-	(5) Inveniuntur tales, qui uno convivio	(5) Es gibt ſolche die auff einer gaſte-

— 67 —

р8 пропїютъ что во всемъ год8 нажили.	prodigunt, quod toto anno lucrati sunt.	rey verſauffen was ſie das gantze jahr erworben.
Родителѧ не велѣли менѧ грамотки 8читъ сѧ.	(1) Parentes mei non curarunt, ut legere et scribere didicerim.	(1) Meine eltern haben mich nicht laſſen lernen leſen und ſchreiben.
Разве тебѣ ѡхота не была.	Forsan tibi non libuit.	Vielleicht habt ihr keine luſt darzu gehabt.
Въ молодихъ лѣтехъ нехто такъ раз8-	(2) In juventute nemo adeo prudens est	(2) In der Jugend iſt niemand ſo verſtan-

[1] Вероятно опечатка: „во" вместо „по".
[2] Вероятно опечатка вм. baptismum.

менъ что бы тр8дилъ са дларади на8ки и прем8дрости.	ut operam adhibeat scientiæ et sapientiæ.	dig daß er es sich solte sauer werden lassen umb wissenschaft und weisheit.
Моа памать не добра, трдно мнѣ изъ 8стъ 8читъ са.	Memoria mea non est bona, difficile mihi memoriter discere.	Mein gedachtniß ist nicht gut, es ist mihr schweer[1] auswendig zu lernen.
То великое 8тешенніе мнѣ было ѡ ч8жих землахъ бесѣдоватъ.	(3) Magna mihi voluptas fuit de peregrinis regionibus sermonem habere.	(3) Es ist mir eine grosse lust gewesen von frembem[2] landern zu discurriren.

— 68 —

Гл. ѕ.	Cap. 6.
Ѡ сл8жбѣ божіеи.	De Cultu Divino.
Ужели ты изъ ѡбѣдны.	Venistine jamtum é concione matutina.
Та с8дарь, а еще вса сл8жба не скончаласа, по том8 что причастіе 8 насъ севодни.	Veni, sed totus cultus Divinus nondum finitus est, quoniam hodie sacram cœnam apud nos celebrant.
И длачево ты не причастилъ са съ прочими.	Quare tu usus non es sacra cœna cum reliquis?
Не давно то а здѣлалъ.	Diu non est quod hoc feci.
Ѧ не слышалъ колоколи из8тра, и когда а всталъ 8же перестали звонитъ иннакъ рѣдко сл8жб8 Божю промешкаю въ возкресенніи или въ праздникѣ.	Non audivi campanas hoc mane, et quando ego surrexi jamdum desierant campanas pulsare, alias raro cultum divinum negligo sive in die Dominica, sive festo.
Поди во вечерн8, поздо починатъ стан8тъ младенца сперва	Vade ergo in templum post meridiem, sero incipient, infan-

— 69 —

крестатъ.	tem antea babtizant.
Наши пасторъ казаніе не здѣлаетъ после ѡбѣда, толко стихи поютъ и глав8 читаютъ изъ нового завѣта.	Noster pastor concionem non habet á meridie, tantum hymnos canunt et caput é novo testamento legunt.
Молитъ са Бог8 и хвалитъ ѥво первое дѣло въ сл8жбѣ божіеи.	Orare et Deum laudare principale opus cultus divini.
Скороли христовъ день б8детъ.	Vicinumne est festum Paschatos?
Ныне третіа недѣла пост8 и ты знаешъ что вѣликои постъ седмъ недѣли постоитъ.	Jam tertia septimana quadragesimæ est, et tu scis quod tempus quadragesimale septem septimanas durat.

[1] Напеч. schweer вм. schwerer.
[2] Напеч. frembem вм. frem(b)den.

Скажȣтъ что ты водишъ сѧ съ людми всѧкои вѣры.

Когда ѧ найдȣ доброго человѣка, его люблю и почестю хотѧ онъ иннои вѣры, и когда ѧ вижȣ бездѣлника, єво не во что ставлю,

Dicunt te conversari cum hominibus cujuscunque religionis?

Quando virum probum invenio, ipsum amo et honoro, quanquam ille alii religioni sit addictus, et quando video hominem

— 70 —

хотѧ онъ мои сроднѧ.

Разȣмно то, злобȣ и грѣхъ ненавидитъ а не человѣка.

Безȣмно, сердитъ сѧ на человѣка, что онъ не самымъ ѡбычїемъ возпитанъ былъ какъ мы: прогнѣватъ сѧ на человѣка, что мысли єво не сходѧтъ сѧ съ моими мыслами, ровно какъ бы ѧ хотѣлъ сердитъ сѧ, что лице єво розличное ѿ моево.

Однакожде ты видишъ что одна церква ѡсȣжаетъ дрȣгȣю.

Вижȣ, а негде читаю что Богъ намъ власть подалъ дрȣгъ дрȣга ѡсȣдитъ, и къ дїаволȣ предаватъ.

Спасителъ скажетъ,

nauci, ipsum contemno, etiamsi ille cognatus meus fuerit.

Sapienter factum, vitium ac peccatum odio prosequi, non hominem.

Stultitia est irasci homini, quoniam eodem modo non est educatus, ac nos. Succensere homini quod cogitationes ejus non conveniunt cum meis, perinde est, ac si indignari vellem, quod vultus ejus differt á meo.

Attamen vides quod una Ecclesia alteram condemnet.

Video sed nullibi lego quod Deus nobis potestatem dederit, nos invicem damnare et Diabolo tradere.

Salvator noster di-

— 71 —

не сȣдите да не сȣдими бȣдете.

И ѧ всегда противъ любви христїанскои почиталъ, что дрȣъ дрȣга ѡсȣжаетъ, дȣховнаѧ то гордость всехъ иннихъ поганихъ почитатъ, потомȣ что не согласȣютъ снами.

Ѿ всѧкого народȣ Богȣ приѧтенъ, которои єво боитъ сѧ и правдȣ здѣлаетъ.

Дѣѧн. апост. і. лє.

Люди дȣмаютъ, что полно, естли въ церквы[1] ходѧтъ.

cit, nolite condemnare, ne condemnemini.

Ego quoque semper existimavi contrarium charitati Christianæ quod alter alterum condemnet. Spiritualis superbia est, omnes immundos censere, quoniam nobis non adstipulantur. Ex omni populo Deo gratus est, qui ipsum timet, et justitiam exercet.

Homines putant, quod sufficit, si templa frequentent.

1 Напеч. церккы, вм. церквы

И ѧ дȣмаю что творителие а не слышателие закона божїего ѡправдатъ сѧ.
Къ Римл. в. гі.

Ты не наши вѣры человѣкъ.

Вѣру [и] во Іисȣсъ хри-

Et ego puto non auditores sed operatores mandatorum Divinorum salvos futuros.

Tu nostram religionem non profiteris.

Credo in Iesum Chri-

— 72 —

ста, которои животъ вѣчныи сподобилъ и посȣлилъ всемъ вѣрȣющїимъ въ нево. и силаю сѧ на слово Ісвое: такъ возлюбилъ Богъ мїръ, ѧко и сына своего єдиннороднаго далъ єсть, да всѧкъ вѣрȣѧи вонь не погибнетъ но иматъ животъ вѣчныи. Іѡан. г. ѕі.

Такъ розличнихъ вѣръ люди скажȣтъ, что вѣрѧтъ въ Іисȣсъ христа.

Солгȣтъ когда по волѣ єво житъ не потщатъ сѧ.

Что ты называешъ по волѣ єво житъ?

Спасителъ скажетъ: аще кто хощетъ по мнѣ ити да ѿвержетъ сѧ себе. Маѳ. ѕі. кд.

stum, qui vitam æternam acquisivit et promisit credentibus in illum. et fundo me in verbo Jesu: Ita Deus dilexit mundum, ut filium suum unigenitum daret, ut omnis qui credit in eum non pereat, sed habeat vitam æternam.

Ita diversarum religionum homines dicunt, quod credant in Jesum Christum.

Mentiuntur, quando voluntati ipsius obtemperare non student.

Quidnam tu vocas voluntati ejus obtemperare?

Salvator dicit, qui me sequi vult, abneget seipsum.

— 73 —

Что то, ѿвержетъ сѧ себе?

Ѿложитъ плотские похоти и мїрскȣю любовь, и толко попечисѧ ѡ богоȣгодномъ житїи, си речь: что бы мы по примерȣ Спасителѧ нашево всегда жили, въ смиренномȣдрїи въ любви, и въ чистотѣ.

Мало такихъ наидешъ, мало не вси по плоти живȣтъ, дрȣгъ на дрȣга вознесетъ сѧ, дрȣгъ дрȣга ѡбидитъ, и болша половина толко ищетъ тѣлесние сласти, которие дȣшȣ ѡсквернѧтъ.

Тово ради когда Спасителъ говоритъ ѡ последномъ времени, спращиваетъ, наитили станетъ вѣрȣ на зем-

Quid hoc? abnegare seipsum?

Deponere carnales concupiscentias et amorem mundanum, et tantum sollicitum esse de vita Deo accepta, hoc est, ut secundum exemplum Salvatoris nostri semper vivamus, in humilitate, charitate et puritate.

Paucos tales invenis: fere omnes secundum carnem vivunt. Unus super alterum se effert. Unus alterum injuria efficit, et maxima pars tantum quærit corporis voluptates, quæ animam contaminant.

Ideo quando Servator loquitur de ultimis diebus, interrogat.

Quando filius hominis veniet, reperietne fi-

лѣ сынъ человѣческіи когда придетъ.

Л8к. и і. и.

Однакожде кажетъ сѧ что люди попеченіе имѣютъ ѡ вѣрѣ, потому что везде такимъ задоромъ спор8ютъ сѧ чеѧ вѣра прамѧ.

Споры ѡ божественнихъ дѣлехъ до смерти не люблю. примечалъ что менше по Христіанском8[1] жив8тъ которие болши ѡ вѣрѣ бранѧтъ сѧ.

Право такъ. Соры не прид8тъ ѡт д8ха мир8 и кротости.

Вѣстимъ нетъ. когда 8ченники Ісвие розсердили сѧ, что люди не хотѣли воспримѧтъ Господа, и желали что бы тіи люди огнемъ[2]

dem in terra.

Attamen videtur, quod homines solliciti sint de fide, quoniam ubique tanto fervore disputant, quænam religio sit vera.

Rixas circa res divinas minime omnium amo. Observavi, quod minime omnium more Christiano vivant, qui plurimum de fide cum aliis jurgantur.

Verum dicis. Jurgia non procedunt á spiritu pacis et mansuetudinis.

Certe non. Cum Discipuli Jesu Christi indignarentur, quod nollent Dominum excipere, et optarent ut isti impii igne cœlo

съ небѣси погин8ли, спасителъ скажетъ: не вѣсте каково д8ха дѣти есте. приказалъ неприѧтели любитъ и скажетъ: нов8ю заповѣдъ даю вамъ да любите др8гъ др8га какъ ѧ васъ любилъ, въ семъ[3] роз8мѣютъ что 8ченники мои есте.

Іѡан. гі. лд. ле.

Симъ ѡбычіемъ мало прамихъ 8ченниковъ или христіѧнинъ наидетъ сѧ.

Так кажетъ сѧ мнѣ. Господъ нековo 8ченника своево почитаетъ, которои слово єво не держитъ, ныне ты самъ с8ди, какъ христіѧнское имѧ довѣдетъ сѧ болшои половинѣ которие христіѧнми называютъ сѧ.

delapso perirent, dicit Servator: nescitis, cujus spiritus filii estis. Jussit ut inimicos nostros amemus, et dicit novum præceptum do vobis ut vos invicem ametis, sicuti ego vos amavi. In hoc intelligent quod discipuli mei sitis.

Hac ratione pauci veri discipuli vel Christiani inveniuntur.

Ita mihi videtur. Dominus neminem pro discipulo suo agnoscit, qui verbum suum non servat. Jam tu ipse judica, quomodo nomen Christianum competat majori parti illorum qui Christianos se vocant.

1 Напеч. Хритіанскому.
2 Напеч. огномъ
3 Напеч. всемъ вм. въ семъ.

Чаютъ, что должность[1] христіанскую справлаютъ єстли по времени Богу молатъ сѧ и причастатъ сѧ.

Совѣтую имъ, читатъ первую главу пророка Єсаїа, где Богъ скажетъ: на празно молатъ сѧ мнѣ потому что сердце ихъ не чисто.

Єсаї. глав. а ѡт аі. стих. до ѕі.

Opinantur quod officium Christiani perficiant, si preces interdum ad Deum fundunt et sacram cœnam capiunt.

Consulo ipsis ut legant primum caput Esaiæ ubi Deus dicit, frustra me invocant, quoniam cor ipsorum non est purum.

Помню что Спасителъ скажетъ: блаженние чистіи сердцемъ, ако тіи Бога узратъ. (а) Въ чистомъ сердце состоитъ таѧ сватына безъ которои мы не станемъ видѣти Господа. (б) Єтаѧ сватына называетъ сѧ ѡт сватово Павла иова

(а) маѳ е. и. (б) къ евреем ві. ді.

Recordor, quod Servator dicit. Beati puri corde, quoniam Deum videbunt. In cordis puritate consistit illa sanctimonia sine qua Deum non videbimus. Hæc sanctimonia vocatur á S. Paulo nova creatura, novus homo secundum

— 77 —

тварь: (а) новои человѣкъ ѡбновлаеміи по ѡбразу создавшаго єво: (б) ѡт Спасителѧ называетъ сѧ: человѣкъ свыше рожденъ, когда скажетъ: аще человѣкъ не родитъ сѧ свыше, неможетъ видѣти царствіѧ[2] божіѧ. (г) и въ посланіи сватого Іѡанна называетъ сѧ тое, рожденимъ[3] быти ѡт бога (д). (а) къ Галат. ѕ. еі. (б) къ Колос. г. і. (г) Іѡан. г. г. (д) Перв. послан. Іѡан. е. а.

imaginem creantis ipsum, et à Servatore nostro superna nativitas, quando dicit, nisi homo superne nascatur non potest videre regnum Cœlorum. Et S. Johannes vocat hoc ê Deo natum esse.

Однакожде Іѡанъ скажетъ что весъ міръ въ злѣ лѣжитъ.

Перв. посл. Іѡан. е. ѳі.

Attamen S. Johannes dicit, quod totus mundus in pravtate jaceat.

Спасителъ розлучитъ своихъ ѡт міра,

Servator suos distinguit à mundo, quando

— 78 —

когда скажетъ къ ученникомъ своимъ: нѣсте ѡт міра. и въ

dicit ad discipulos suos, non estis de mundo, et in alio loco

[1] Напеч. должнесть.
[2] Напеч. цартвіѧ вм. царствіѧ.
[3] Напеч. рожднимъ.

инномъ мѣстѣ ѧ читалъ, что Бога не любитъ которои любитъ мiръ, (а) и ѧ крѣпко вѣрю: сколъ долго человѣкъ любитъ мiръ, сиречъ, богатство, власть, честь и тѣлесние сласти, не возможетъ по своеи должности [1] любитъ или Бога или ближново своево.

(а) Перв. посл. Iωан. к҃. єi҃.

legi, quod Deum non amet, qui amat mundum, et firmiter credo: Quamdiu homo mundum diligit, hoc est, divitias, potentiam, honorem et voluptates corporis, non potest amare sive Deum sive proximum suum prout debet.

Въ дȣраки поставлѧютъ человѣка которои богатство [2] и честь не ищетъ.

Pro stulto reputant illum, qui divitias et honorem non quærit.

По моемȣ разȣмȣ болша честь состоитъ въ благочестїи которое насъ приѧтели и братїе Iисȣсъ Хрїста тво-

Pro meo captu, maximus honor constitit[3] in pietate, quæ nos amicos et fratres Jesu Christi efficit. Malo

— 79 —

ритъ. (а) Лȣче ѧ хочȣ одномȣ Богоȣгодномȣ человѣкȣ понравити сѧ, неже ѿ тисѧщихъ иннихъ похвалнимъ быти.

(а) Маѳ. кi҃. н҃. Iωан. єi҃. дi҃.

ego uni homini, qui Deo carus est, placere, quam à mille aliis laudari.

Какъ бы вси єтїе мысли имѣли, скоро мы видѣли бы христїѧнскȣю церквȣ въ болшомъ счастїи и въ болшои славѣ.

Дáи Богъ нáмъ всемъ дȣха мирȣ и правды, ѡсвѧтѧщого й просвѣщáщого нáсъ, что бы мы розсȣждáли, какω вси прѧмúе христїѧне ȣды бывáютъ ѡдного телесе (а)

(а) къ Римлѧн. кi҃. є҃.

Si omnes has opiniones foverent, mox visuri essemus Ecclesiam in majori felicitate et in gloriosiore statu.

Concedat Deus nobis omnibus spiritum pacis et veritatis, sanctificantem et illuminantem nos, ut discernamus, quomodo omnes veri Christiani membra sint unius cor-

— 80 —

котóрого глáва éсть Iс҃ Хс҃тосъ (а) да ȣтвéрдитъ нáсъ всемогȣщïи, что бы мы пребывáли, въ словесй Спасúтелѧ нáшего, такъ мы во йстинȣ ȣчнцы

poris, cujus caput est Jesus Christus. Fortificet nos Omnipotens ut maneamus in verbo Salvatoris nostri; Ita revera discipuli ejus erimus, et veritatem

1 Напеч. должнести.
2 Напеч. боратство.
3 Вм. Consistit (?).

егѡ б8демъ, й раз8мѣти стáнемъ йстин^н8 й истин^на свобóди^т насъ стане^т, (б) сймъ обычїемъ йстиніи поклóнцы поклона^тса ѡ^тц8 д8хомъ й йсти^нною (г) котóрие роз8мѣти стан8^т счáстливость ѡ которои Спасйтель го-

cognoscemus et veritas nos in libertatem asseret. Hoc modo veri adoratores in spiritu et veritate adorant, qui intelligent beatitudinem de qua loquitur Salvator, quando dicit: si quis me amat verbum meum

(а) къ Эфесее. а҃. к҃в. к҃г. (б) Iѡан. и҃. л҃а. л҃в. (г) Iѡан. д҃. к҃г.

— 81 —

ворить, когдá скáжетъ: (а) аще кто люби^тма, слóво моé соблю́детъ й ѡ^тцъ мóи возлюбитъ егѡ й къ нéм8 прїидева й обитель 8 нéгѡ сотвóрива.

(а) Iѡан. д҃і. к҃г.

servat, et Pater meus ipsum amat et veniemus ad ipsum et mansionem apud ipsum faciemus.

Сймъ ѡбычїемъ [1] йзполнитъ са станетъ речéнное въ апокали҃ѱ[2]. к҃а. г҃. се скйнїа божїа съ человѣки и вселитса съ нйми и тїи людїе егѡ б8д8тъ и сáмъ Богъ б8детъ съ нйми Богъ ихъ.

Hoc modo implebitur dictum in apocalyps. XXI. 3. Ecce Tabernaculum Dei cum hominibus, et commorabitur cum illis, et illi erunt populi ipsius et, ipse Deus erit cum illis Deus ipsorum.

— 82 —

NUMERI CARDINALES RUSSICI.

Одинъ, одна, одно	1.	деватнацетъ	19.
два, двѣ, два	2.	двацатъ	20.
три	3.	двацатъ одинъ	21.
четыри	4.	трицатъ	30.
патъ	5.	сорокъ	40.
шестъ	6.	патдесатъ	50.
седмъ	7.	шестъ десатъ	60.
восмъ	8.	седмъ десатъ	70.
деватъ	9.	восмъ десатъ	80.
десатъ	10.	девеносто	90.
одиннацетъ	11.	сто	100.
дванацетъ	12.	дваста	200.
тринацетъ	13.	триста	300.
четырнацетъ	14.	четыриста	400.
патнацетъ	15.	патъ сотъ	500.
шестнацетъ [3]	16.	шестъ сотъ	600.
седмнацéтъ	17.	тысащи	1000.
восмнацетъ	18.		

[1] Напечатано ѡбынїемъ (ч перевернутое).
[2] Напеч. апоклхѵѱ.
[3] Напеч. щестнацетъ.

BREVE VOCABULARIUM RERUM NATURALIUM

[Примечание. В немецком столбце у Лудольфа все существительные напечатаны со строчной буквы].

Cœlum	Небо	der Himmel.
Sol	солнце	die Sonne.
Luna	месецъ, люна	der Mohn.
Stella	звѣзда	der Stern.
Nubes	облакъ	eine Wolke.
Pluvia	дождъ	der Regen.
Nix	снѣгъ	der Schnee.
Glacies	ледъ	Eiſs.
Annus	годъ	daſs Jahr.
Ver	вѣсна	der Fruhling.
Æstas.	лѣто	der Sommer.
Autumnus	осень	der Herbest.
Hyems	зима	der Winter.
Mensis	месецъ	der Monath.
Septimana	недѣла	die Woche.
Dies	день	der Tag.
Dies Solis	возкресеннїе	Sontag.
Dies Lunæ	понѣделникъ	Montag.
Dies Martis	вторникъ	Dienstag.
Dies Mercurii	среда	Mittwochen.
Dies Iovis	четвергъ	Donnerstag.
Dies Veneris	пѧтница	Freytag.
Dies Sabbati	сꙋбота	Sonnabend.
Nox	ночь	die Nacht.

— 84 —

Mane	ꙋтро	der Morgen.
Vesper	вечеръ	der Abend.
Hora	часъ	die Stunde.
Ignis	огонь	das Feuer.
Aer	воздꙋхъ	die Luft.
Ventus	вѣтръ	der Windt.
Aqua	вода	das Wasser.
Fluvius	рѣка	der Fluß.
Mare	море	daſs Meer.
Lacus	осеръ	der See.
Terra	землѧ	die Erde.
Regio	страннa	das Land.
Insula	островъ	die Insul.
Arena	песокъ	der Sandt.
Lapis	**Камень**	**der Stein**
Silex	кремень	Kieselstein.
Marmor	мраморъ	Marmelstein.

Magnes	магнитъ	Magnet.
Later	кирпичъ	Backstein.
Gemma	бисеръ	Edelgestein.
Adamas	алмасъ	Demant[1].
Lychnites, Rubinus	лалъ	Rubin.
Sapphirus	ахонтъ	Sapphier.
Smaragdus	изюмрȣдъ	Smaragd.
Eranus, turcites	бирюза	Turkis.
Metallum	**Рȣдъ**	**Metall.**
Aurum	золото	Gold.

— 85 —

Argentum	серебро	Silber.
Argentum vivum	ртȣть	Quecksilber.
Cuprum	мѣдъ	Kupfer.
Stannum	олова	Zinn.
Plumbum	свинецъ	Blei.
Ferrum	железо	Eissen.
Chalybs	сталъ, ȣкладъ	Stahl.
Radix	**Коренъ**	**die Wurtzel.**
Rapa	рѣпа	Rube.
Siser	борканъ, морковъ	gelbe Rube.
Beta	свѣкла	rothe Rube.
Raphanus	рѣтка	Rettich.
Raphanus major	хренъ	Merrettich.
Cœpe	лȣкъ	Zwiebel.
Allium	честнокъ	Knoblauch.
Herba	**Трава**	**Graſs, kraut.**
Urtica	кропива	Nessel.
Apium	петрȣшка	Petersilien.
Mentha	мата	Muntze.
Absynthium	палынъ	Wermuth.
Flos	**Цвѣтъ**	**Bluhme, bluthe.**
Rosa	серебоинои цвѣтъ	Rohse,
Caryophyllum	гвоздичнои цвѣтъ	Negelein.
Lilium convallium	ландишнои цвѣтъ	Meyenbluhme.
Primula veris	бȣквица бѣла	Schlusselbluhm.
Aromata	**Праннїе зѣлїе**	**Gewurtz.**
Piper	перецъ	Pfeffer.

---

1 Напеч. Demanr.

Zinziber	инберъ	Ingwer.
Cinamomum	корица	Zimmett.
Calamus aromaticus	ирово кореніе	Kalmus.
Semen	**Семѧ**	**Saame.**
Granum	зерно.	Korn.
Sinape	горчица	Senff.
Faba	бобъ	Bohne.
Pisum	горохъ	Erbs.
Lupulus	хмѣль	Hopfen.
Papaver	макъ	Mohne.
Avena	овесъ	Haber.
Hordeum	жито, ечмень	Gersten.
Siligo	рожъ	Rocken.
Triticum	пшеница	Weitzen.
Millium	просъ, пшено	Hirschen.
Oryza	пшено сарачинское	Reiß.
Fructus Hortensis	**Огородной плодъ**	**Gartenfrucht.**
Cucumeres	агꙋрцы	Gurken.
Cucurbita	тыква	Kurbiß.
Melones	дыны	Melohnen.
Fraga	земланица	Erdbeer.
Rubus idæus	малыны	Hindbeer.
Ribes	смородина	Iohanns beer
Mora myrti	черницы	Heidelbeer
Baccae Juniperi	можевеловіе ѧгоди	Wacholderbeer.
Baccae Cynosbati	шиповніе ѧгоди	Hagbutten.
Mora	бусовіе ѧгоди	Maulbeer.

— 87 —

Ficus	винніе ѧгоди	Feigen.
Uvae passæ	изюмъ	Rosinen.
Amigdalum	амигдалное ѧдро	Mandeln.
Cerasa	вишни	Kirschen.
Nuces	орехи	Nusse.
Juglandes	грецкие орехи	welsche Nusse.
Pruna	черно сливы	Pflaumen.
Pyra	грꙋши	Birn.
Mala	ѧблоки	Apfel.
Arbor	**Древо**	**Baum.**
Tilia	липа	Linde.
Abies	сосна	Tanne.
Pinus	ѣлъ	Fichte.

Betula	береза	Birke.
Quercus	д8бъ	Eiche.
Vermis	**Червъ**	**Wurm.**
Aranea	па8къ	Spinne.
Pediculus	вошь	Lauss.
Pulex	блоха	Floh.
Musca	м8ха	Fliege.
Apis	пчела	Biene.
Piscis	**Рыба**	**Fisch.**
Sturio	осетръ	Stohr.
Huso	бѣл8га	Hausen.
Salmo	семга	Lachs.
Lucius	щ8га	Hecht.

Perca	ок8нъ	Bars.
Anguilla	8гровина	Ahl.
Tinca	линъ	Schleie.
Murænula	виюни	Neunaugen.
Gobio	пескари	Kressen.
Halex	селдъ	Hering.
Asellus	трѧска с8ха	Stockfisch.
Cancer	ракъ	Krebs.
Avis	**Птица**	**Vogel.**
Gallina	к8рица	Henne.
Gallus	пет8хъ	Hahn.
Columba	гол8бъ	Taube.
Gallus africanus	индѣиска	Kalkun.
Anas	8тка	Endte.
Anser	г8съ	Gans.
Cygnus	лебѣдъ	Schwan.
Luscinia	соловеи	Nachtigall.
Carduelis	щеглонокъ	Stieglitz.
Linaria	репеловка	Henfling.
Fringilla	заблица	Finke.
Alauda	жѧверонокъ	Lerche.
Coturnix	перепелка	Wachtel.
Perdix	к8ропатка	Rebhun.
Hirundo	ластичка	Schwalbe.
Merula	дрость черна	Amsel.
Aquila	орелъ	Adler.
Noctua	сова	Nachteul.

Falco	соколъ	Falke.
Corvus	ворона	Rabe.
Monedula	галка	Dohle.
Pavo	павелонокъ	Pfaue.
Tarda	трахва	Trappe.
Animalia domestica	**Дворовие звѣри**	**Zaame Thiere.**
Equus	лошадь	Pferd.
Bos	быкъ	Bull.
Vacca	корова	Kuhe.
Asinus	оселъ	Esel.
Aries	боранъ	Wieder.
Ovis	овца	Schaaf.
Capra	коза	Ziege.
Porcus	свиніѧ	Schwein.
Canis	собака	Hund.
Felis	кошка	Katze.
Feræ	**Дикие звѣри**	**Wilde Thiere.**
Leo	левъ	Lewe.
Tigris	бабръ	Tieger.
Pardus	барсъ	Leopard. [1]
Lynx	рысъ	Luchs.
Ursus	медвѣдъ	Behr.
Lupus	волкъ	Wolf.
Vulpes	лисица	Fuchs.
Vulpes alba	песца	Weisser Fuchs.
Martes scythica	соболъ	Zobel.
Martes	кꙋница	Marter.

Elephas	слонъ	Elephant
Camelus	велблюдъ	Camehl
Alces	лосъ	Elend.
Cervus	ланъ	Hirsch.
Rana (sic!)	еленъ	Rennthier.
Lepus	заѧцъ	Hahse.
Erinaceus	ежъ	Igel.
Mus	мышъ	Maus.
Glis	крысъ	Ratte.
Cricetus	кротъ	Hambster.

Finis.

[1] Напеч. Leohard вм. Leopard.

7—1753

APPENDICIS LOCO SUBJUNGEMUS PAUCA AD HISTORIAM NATURALEM RUSSIÆ SPECTANTIA.

Mineralia.

Sal ibi datur triplex, (1) coctus in salinis, è quibus celeberrimæ sunt illæ quæ habentur Permæ in Siberia. (2) Sal fossilis, quod in magna copia in Provincia Uffa è terra eruitur. (3) A sole elaboratus, in lacubus prope Astracan et in Siberia. Dixerunt mihi prope Astracan lacui Salem superius innatare, in Siberia vero è fundo extrahi.

Nitrum, et sulphur optimum in Sinbiria, juxta Volgam prope regnum Kasan invenitur; exportatio vero in alias ditiones à Russis prohibita est, uti pulveris pyrii, ne belli instrumentum vicinis suppeditetur.

Ferrifodinæ in vicinia Metropolis Moscoviæ et in confiniis Sueciæ prope Olonizam dantur. Sliuda Talcum versus Emporium Archangeli invenitur, atque à Russia nomen vitri Moscovitici Anglico idiomate sortitum est.

Chrystalli magna copia in Provincia Uffa datur.

In confinibus Siberiæ circa fluvium Enesey, invenitur Æs, quod propter colorem et gravitatem aureum reputatum fuit. Artis vero metallicæ periti eo missi deprehenderunt, propter volatilitatem ignis impatiens esse, sulphurque auri id mihi vocavere, existimantes, si quis id figere posset, verum id aurum fore. Forsan istud æs ad aurum se habet, uti Bismuthum Germanicum ad argentum. Plures enim opinantur Bismuthum esse imperfectum argentum, colore et sono argentum æmulans,

atque in argentifodinis Electoris Saxoniæ crescens.

Quanquam argenti fodinas non habeant, in Siberia tamen frequenter ex sepulcris veterum argentum extrahitur, quod cum mortuis sepelierant.

Magnæ vero curiositatis res est Mammotovoi kost, quod in Siberia è terra effoditur. Miras de illo fabulas plebs narrat, dicunt enim esse ossa animalis, sub terra degentis et omnia animalia super terram viventia magnitudine superantis. In medicina adhibent illud ad eosdem usus, ut istud, quod cornu monocerotis vocatur. Frustrum

mihi datum fuit ab aliquo amico, qui se id accepisse dicebat à Primate quodem Russico è Siberia reverso, quod genuinum ebur mihi videtur. Peritioresque mihi dixerunt istud mammotovoi kost esse dentes Elephantinos. Ita ut Deluvio universali eo delatos atque longo temporis tractu terra magis magisque tectos fuisse necesse sit.

Non minorem meditationis materiam Physices studioso suppeditare potest, Adamovoi kost lignum adamiticum, quod è visceribus terræ in via versus emporium Archangel eruitur. Colore est sub nigro, duritie lapidem, forma et venis ramos arboris referens. Communisque opinio est, lignum petrefactum id esse. Quod si ita sit, studioque istud sub terra absconditum esse nequeat, necesse quoque erit, illud in terræ superficie vel fluvii fundo antea jacuisse, paulatimque terrestri materia tectum fuisse, donec terræ crusta in tantam crassitiem desuper evaserit. Observavit Rudbecius idem in monumentis Runicis, atque è profunditate et colore terræ, cui monumentum immersum est, de antiquitate monumenti judicare conatur. Pro differentia profunditatis diversum soli colorem se deprehendere dicit, atque cuilibet colori et profunditatis quantitati certum seculorum numerum assignare nititur. Sive jam ista crustæ terrenæ incrassatio fiat à delapsis atque putrefactis arborum foliis, sive ab inspissata nivium pluviarumque materia, sive à subsedentibus subtilioribus terrestribus particulis, quæ per aerem sparsæ fuerant, faciliter tamen quis non determinabit, unde ista materia superficiei terræ continuo adhærens perpetuo suppeditetur, nisi quis orbis terrarum versus centrum excavationem, vel ætheris atomorum coalitionem statuere velit. Meri enim naturalistæ novæ materiæ generationem ex se ipsa non admittent, neque pientiores quotidianam novam creationem summo Numini asscribent.

— 93 —

Vegetebilia.

Vegetabilia quod attinet, mirum non est ea favorabilius experiri solum Russicum, quam plerisque persuasum est. Particulæ enim nitrosæ, quibus solum Russicum scatet, vegetationi conducere censendæ sunt, huicque causæ imprimis attribuendum videtur, non tantum quod fruges breviori tempore maturescant, verum etiam nonnullæ ad majorem perfectionem pertingant, quam in climatibus longe magis versus meridiem sitis. Quod non tantum de melonibus, sed et nonnullis pomis verum est. Malum enim istud quod vocant Naliva non tantum saporis suavitate gustum delectat, sed et visui valde blanditur, dum vitri instar pellucidum est.

Soli fertilitati quodque asscribendum, quod multæ baccarum species, humi crescentes, aliis regionibus ignotæ ibi crescant. Nempe Kostanici. colore nigro saporem quasi cerasi, et instar[1] cerasi os in medio habentes, Piianitzi, quibus ebrii crapulam levare se posse credunt. Brussenici, Klukva, Grosnici, hæ duæ pos-

---

[1] Напеч. instor вм. instar.

teriores baccarum species in Livonia quoque inveniuntur, saccharoque conditæ cum carne assata mensæ intinguli loco apponuntur.

Inter vegetabilia maxime curiosum est Kosa trava, falx herba; quæ in Siberia crescere atque ferrum frangere dicitur; ita ut si falcem ei admoveas, falx in frusta[1] dessiliat. Nonnulli viri fide digni, qui in Siberia fuerant, istud mihi asseruere, ut pertinacis ingenii mihi viderer, si fidem ipsis denegarem.

Alias non ignoro magna cum cautela admittenda esse, quæ quis ex vulgari rumore in Russia accipit. E viris enim melioris notæ intellexi, falsam esse historiam de planta Boranetz, quæ agni formam repræsentare, lana amicta esse, atque gramen in circuitu depascere dicitur. Modo dicti enim viri, qui in istis partibus, ubi memorata planta crescere dicitur, fuerant, nunquam eam invenire potuerunt, dicebant autem, in nonnullis Tartaricis terris dari oves, quorum agni lanam adeo mollem et eleganter crispatam gestarent, ut eorum pelles, pro pellibus illius Boranetz, sive agni plantæ venderentur.

Nota in Russia est fama Radicis vulnerariæ, quæ in Siberia crescit et Voltschnoi Koren, lupina radix, vocatur, illa maximam in sanandis vulneribus virtutem habere dicitur, an vero, ut mihi relatum est, masticata solummodo in ore, quodlibet vulnus in quovis corporis parte ac-

— 94 —

ceptum sanet, asseverare nolo. Arbusi, quos nonnulli Melones Astracanenses vocant. Sapor non est æque delicatus ac reliquorum Melonum, et maxime refrigerare censentur. Figuræ magis sunt rotundæ quam melones, et semen non in medio jacet, ut in melonibus et cucumeribus, sed passim pulpæ interspersum est.

Piper Astracanense in siliquis rubris crescit, et caliditate atque asperitate reliquum piper superat. Coloris est flavi, granum non undique rotundum, sed ciceris instar extensum.

Animalia.

Inter insecta peculiare est Russiæ Torcan, brucchi species, licet non volet, domus ligneæ valde iis scatent[2], noxium tamen non est insectum.

Inter pisces eminet Sterlet, qui inter cupedias Russicas mere censendus. Caput et cauda longa sunt, ut ipsum corpus vix dimidiam piscis partem excedat; squamis destitutus est, sed cute instar anguillæ præditus. Illi maxime æstimantur, quorum cutis interior pars flava est.

Sasan carpionem repræsentat. Som corpus in latitudinem magis quam rotunditatem extensum habet, capite in longum rostrum exeunte.

Beluga, qui in Hungaria Husonis nomine notus est, atque in Danubio circa Gomorram frequenter capitur, indeque Viennam

---

[1] Напеч. frustra вм. frusta.
[2] Опеч. statent вм. scatent.

advehitur, carne gustui satis grata. Ex hujus piscis ovis optimum Cavear conficitur. Licet ovis Sturionis et Lucii quoque ad id utantur. Kama fluvius in Wolgam se exonerans, atque piscibus abundans, optimos Belugos Moscoviæ Metropoli suppeditat.

Nulla mihi avis ibi occurrit, quæ ignota sit in aliis regionibus. Korostel species coturnicis est, et forsan ortygometra.[1]

Maxima ibi datur copia in sylvis illarum avium, quæ in aliis nonnullis regionibus epulis instruendis magno pretio parantur, licet in Suecia et Livonia satis vulgares sint. Nimirum Gluchoi teter Uro gallus, gallum africanum fere magnitudine æquans. Teter ger. Birkhun, gallinæ minoris magnitudine, et Rebtschik ger. Haselhun, perdicis magnitudine.

Trachva Tarda ger. Trappe, in campis inter Russiam et Tartariam frequens est.

Inter quadrupedia, illa Russiæ maximo emolumento sunt, quorum pelles immane climatis istius frigus à corporibus nostris arcent. Quorum abundantia benegnissimus Creator usibus istius gentis prospexit.

Vulpium quatuor ibi inveniuntur

— 95 —

species, (1) vulgares. (2) illæ quarum cutis duabus strigis transversis obscurioribus instar crucis signata, nomen German. vulpium cruciatarum ipsis indidit. (3) Albæ, quarum pelles omnium vilissimi pretii ibi sunt. (4) Nigræ, quæ maximo veneunt pretio, ut pro una nigra vulpina pelle 80 rublos sive ducatos solutos fuisse mihi narratum sit. Rosomacha cui ob ingentem voracitatem nomen Gulonis, Germ. Vielfrass. indidere, vestes pelliceas valde durabiles suppeditat. Maxima vestium magnificentia apud Russos consistit, in martibus Scythicis, sive potius Siberiacis, quas Soboli vocant. Tanta est pretii differentia inter illas pelles, ut par nonnullarum 3 rublis, aliarum vero 100 rublis veneat. Nigriores, sunt cariores. Albæ vero valde raræ.

In provincia Daur prope Chinam datur Boum species, quos Bobuli vocant, cauda parum dissimili equinæ, crinibusque longioribus infra ventrem dependentibus. Bovis cornua aliis bovinis similia sunt, vaccæ vero iis carent.

Zubri, Uri, sive boves sylvestres in vastissimis illis campis, qui Russiæ et Tartariæ Crimensi interjacent, vagantur. Ubi quoque species caprarum ferarum invenitur, quas Zaiaki vocant.

Vichochol est mus major aquaticus suaviter olens. Pelles illius impositæ scrinio, in quo linteæ vestes asservantur, gratum illis odorem conciliant.

Homines.

Indigenæ plerumque constitutionis sunt valde robustæ, quæ apud multos in proceritatem vel crassitiem non vulgarem abit. Cui temperaturæ tribuenda quoque ipsorum fœcunditas, quæ regionem illam majori incolarum copia replet, quam plerisque persuasum est. Sicuti concludere licet ex ingentibus exercitibus, qui congregantur,

[1] Опеч. ortogymetra вм. ortygometra.

quando tempore belli urbibus et pagis pro incolarum numero milites imperantur. A viris fide dignis et qui expeditioni cum potestate interfuerant, mihi narratum est, cum paucis abhinc annis exercitus contra Tartaros Precopenses educeretur, illum ultra trecenties mille homines continuisse. Quandoquidem dimidiam fere anni partem apud illos jejunia absument, quo tempore plebs victu valde insalubri utitur, nimirum brassica et cucumeribus, non igne coctis, sed sale tantum maceratis, hoc quoque indicium est non exigui vigoris in stomacho, cujus tamen calori sine dubio consulunt Vino adusto et Allio frequenter inter illos usitato. For-

— 96 —

san hæc duo ad conservandam sanitatem illorum conducunt, imprimis Allium, quod stomacho ad dissolvendas viscositates non minus utile quam naribus ingratum à multis deprehensum est. Morbum aliquem epidemicum vix inter illos observavi, præter commune regionum septentrionalium malum, quod è lingua Slavonica nomen inter reliquos Europæos adeptum est. Nempe scorbutus, quasi diceres, morbus κατ' ἐξωχήν, Scorb enim in lingua slavonica morbum significat. Russi vero peculiare vocabulum habent ad designandum scorbutum, quem Tsinga vocant.

Ad historiam naturalem Russiæ pertinere quoque videtur, mira peregrinandi ratio, qua in extremitatibus Siberiæ, versus Chinam utuntur. Dum in trahis vela faciunt; quamdiu ventus est propitius, velum expandunt, satisque velociter super nivem gelu induratam pergunt, sex canes in traha secum gerentes. Si ventus ipsos destituat, velum contrahitur, et canes isti trahæ junguntur; dimidiumque onus vehis equinæ istos sex canes trahere mihi narratum est.

Merces è Russia exportatæ, sunt, sequentes: Rhabarba, quæ tamen Chinensi et Turcicæ cedit, castoreum, muscus, mel, cera, pix oblinendis navibus inserviens, lintea viliora, cavear, corium Russicum, vulgo, Juffſten, et Cannabis. Urbs Jerislaw imprimis celebris est ob confectionem corii Russici, cujus maxima pars ut et Cavearii in Italiam defertur. Cannabis vero Anglis et Battavis ad instruendas funibus naves, usui est. Cum degerem Moscoviæ, mercatori cuidam Batavo frumenti exportatio permittebatur, qui magnum quæstum exinde faciebat.

Excercentur commercia cum Russis ab Anglis et Batavis in Emporio Archangeli et Narvæ, ille locus magis frequentatur à navibus Batavicis, hic ab Anglicis. Narvæ à Rege Sueciæ magna privilegia concessa sunt mercatoribus Armenianis in Persia degentibus, quo merces suas in Hollandia emtas ista via in Persiam deportarent, quod per mare Balticum, fluvium Volgam, et mare Caspium satis commode fieri potest. Nulli vero illorum facultas conceditur redeundi in Persiam per Russiam, nisi eadem via è Persia venerit, quo obligentur ut venientes è Persia æque ac illuc redeuntes Russiam transeant. Commodius enim quis è Russia in Persiam tendit, quam è Persia in Russiam, flumine secundo utens illic eundo.

Olim Baneanes celebres per Indiam mercatores cum mercimoniis suis ad Metropolim Moscoviam usque pervenere, jam vero

Astracan illis transire non licet, sed ibi negotia sua expedire coguntur.

Inter Chinam et Russiam commercia à Russis exercentur, vestes sericas è China accersendo. Afferunt quoque inde herbam The, et factitium quid, colore flavo, odore aromatio, atque textura cretacea, quod T e m z u i vocant, atque egregium medicamentum in pluribus morbis reputant. Buchartzi Mahumetani, quorum Metropolim ni fallor Samarkand mihi nominavere, frequenter Siberiæ Metropolim Tobolski adeunt mercibus Indicis, forsan illorum causa lingua Arabica in urbe Tobolski docetur, sicuti mihi narratum est.

Tartari Kalmuki imprimis equos venales circa autumnalę tempus Moscoviam adducunt, gregem ejusmodi equorum vocant T a b u n, qui sex, octo, duodecim et interdum pluribus millibus equorum constat.

Isti Tartari liberorum non minus, quam equorum suorum mercaturam faciunt, frequenterque filios suos Russis vendunt. Cum aliquando in puerum ejusmodi Russice callentem incidissem, curiositateque adductus nonnulla de lingua ipsorum sciscitarer, interrogabam quomodo Deum sua lingua vocaret, at ille: B o g u n a s n i e t, h. e. Deum non habemus.[1] Habent tamen suam, qualiscunque est, religionem, summusque ipsorum sacerdos Kutufta vocatur, quem ut et Mugalorum Tartarorum Kutuftam constituit Dalailama, in confiniis Chinæ degens, in loco ut intellexi Barantola vocato. Chinensium Lamas, sive sacerdotes, quoque isti Dalailama subesse dicunt, ipsique divinos honores exhibent. Fama de eo inter illos vulgaris est, ipsum nunquam mori, eoque facilius in superstitiosa illa credulitate simplicem plebem continent, cum vix ulli præter sacerdotes fraudis conscios conspiciendum se præbeat. Vir quidam Legati Tzarei munere apud Chinensem Imperatorem defunctus, dicebat, sibi oblatum honorem videndi Dalailamam, si coram eo in terram se prosternere vellet, sibi vero conditionem illam non placuisse.

Misereatur Deus ingentis multitudinis crassissimis Idololatriæ tenebris adhuc involutæ, januamque tandem ad cognitionem salvificam ipsis aperiat. In quo voto me comitari credo omnes Redemtoris sui gloriam quærentes, atque Spiritu Christiano salvationem totius generis humani optantes.

Finis

[1] Опеч. b a b e m u s вм. h a b e m u s.

ПЕРЕВОД

ГЕНРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ ЛУДОЛЬФ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

В КОТОРОЙ ИЗЛОЖЕНЫ
НЕ ТОЛЬКО ГЛАВНЫЕ ОСНОВЫ

РУССКОГО ЯЗЫКА

НО ТАКЖЕ И НЕКОТОРОЕ РУКОВОДСТВО
ПО СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКЕ

ПРИСОЕДИНЕНЫ ОБРАЗЦЫ ОБЫЧНОЙ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ С ПЕРЕВОДОМ
НА ЛАТИНСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ДЛЯ ТЕХ
КТО НЕ ЗНАЕТ ЛАТЫНИ, А ТАКЖЕ
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

ОКСФОРД
ИЗДАНИЕ ШЕЛДОНОВА ТЕАТРА
1696

*Светлейшему и Высочайшему Князю и Господину,
господину Борису Алексеевичу Голицыну,
Его Царского Величества Ближнему Советнику
и среди Вельмож Российской Империи
Превосходительнейшему*

Светлейший и Высочайший Князь,

Так как я сам был очевидцем Твоей особой милости и просвещенной благосклонности к иностранцам, то решился посвятить Твоему Высочеству этот учебник русского языка. Овладев латинским языком, ты сам открыл себе доступ к беседам с иноземцами и уже в силу этого ты, надеюсь, не будешь осуждать меня за то, что я попытался [этим начальным руководством] оказать помощь тем, кто захочет вступить в беседу с Твоим Народом. Всемогущий Творец этого мира, щедро одаряя разные страны разными благами, видимо хотел, чтобы жители земного мира завязали бы сношения между собой и, познав в изумительном разнообразии созданий Мощь, Мудрость и Благость Творца, чтили бы Его еще большими хвалами и более пламенным поклонением. И потому ты совершаешь дело не только достойное Христианина, но угодное Правителю Вселенной, — когда с такой благосклонностью снискиваешь милость Царского Величества и оказываешь Свою помощь и защиту иноземцам, прибывающим в славную Русскую Империю. Пусть вознаградит Тебя Бог — Трижды Прекраснейший и Величайший, которому ничем более угодить невозможно, нежели добрыми делами. Его Всемогущей защите поручаю Твое Высочество со всем должным почтением.

Оксфорд, мая 8 дня, 1696 года

Высочайшего Твоего Имени нижайший почитатель
Генрих Вильгельм Лудольф

Благосклонный Читатель.

По одному виду этого славянского шрифта, изготовленного по заказу Славной Оксфордской Академии, ты можешь заключить, с каким усердием здесь некоторые прославленные мужи содействуют изучению иноземных языков. Они пришли уже к тому, что приспособляют печатный станок известного Шелдонова Театра к армянскому шрифту. А между тем я знал таких ученых, которые только свою науку ценили высоко, а изучение языков презирали, как бесплодное; и в то же время они исполнены гордостью за свою эрудицию в областях нисколько не более полезных для достижения главной цели человеческой жизни. Эта цель — как можно лучше служить Богу и ближнему и так сообразовать свои действия, чтобы земное странствие наше пройти безопасно и сладостно, приближаясь с каждым днем к небесному отечеству. Если мы будем стремиться к истинной мудрости, а начало ее — страх Божий, то никакое наше занятие не будет бесплодным, но даст приятнейшие и достойные христианина плоды. А знание языков должно быть почитаемо, так как священное писание относит его к числу даров Святого Духа. Если человек в отличие от других тварей удостоен способностью мышления и выражения своих мыслей, то не должно перенебрегать этим даром Высшего Создателя и презирать тех, кто способен делать это на многих языках и тем более может распространять славу высшего Божества. Этот труд не будет ни напрасным, ни неугодным Отцу света, если кто-нибудь, считая, что он не для себя только, но и для ближних своих родился, предпримет перевод полезных книг на языки тех народов, которые вследствие тяжелых условий жизни лишены этих средств духовной культуры. С этой целью я охотно предпринял издание настоящего небольшого труда и всеми силами стремлюсь послужить славе творца всех благих дарований. Прощай — и сообразно своим силам ставь перед собой ту же цель.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Примечание. Здесь указана пагинация латинского оригинала.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди тех языков, от которых произошли разные наречия, не последнее место занимает славянский и по своей древности, и по распространению среди множества народов. А среди наречий славянского происхождения — Русское не только ближе всех к своему источнику, но и самое распространенное (оно употребляется на громадной территории от порта Архангела до Астрахани и от Прибалтики до границ Китая, хотя, конечно, народы, обитающие от Сибири до Китая (Остяки, Тунгусы, Якуты и Даурцы) имеют еще и свои собственные языки. Но не только те народы пользуются русским языком, которые находятся в подданстве обширнейшей Царской империи, но даже Бухарцы, ведущие торговлю между Индией и Россией, изучают его. Поэтому я полагаю, что моя попытка составить начальное руководство по Русскому языку, насколько возможно это в деле никем еще не испытанном, — послужит к общей пользе. И те, кому необходимо отправиться в Московию по политическим или по своим частным делам, не останутся впредь без всякого пособия для изучения разговорного языка этой страны. В России есть не одно издание Славянской грамматики, но для иностранцев она мало пригодна. Она написана главным образом для Русских, изучающих Славянский язык, поэтому грамматические правила там не приводятся ни на каком иностранном языке, и самая грамматическая терминология скорее затемнена там, чем разъяснена славянскими наименованиями: так напр. Деклинация называется Склонением (*sclonenie*), Нумерус — числом (Tschislo) и т. д. Для русских же знание славянского языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком. Поэтому, чем более ученым ктонибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи. Одна единственная книга напечатана на простом наречии, она называется Уложение (Uloschenie) и представляет собой собрание русских законов, но и в ней некоторые конструкции следуют Славянской Грамматике, а не обычной раз-

говорной речи. Не так давно — при последнем царе Федоре Алексеевиче — некий монах, Симон Полоцкий перевел славянскими стихами Псалмы Давида и издал их, как и многие другие еще богословские книги, именно „Духовной обѣдъ“, „Духовной вечеръ“, „Многоцвѣтной вертоградъ“. Он избегал, насколько мог, употребления трудных славянских слов, чтобы быть понятным для большинства читателей и тем не менее язык у него славянский и много таких слов и выражений, которые в народной общей речи неизвестны.

Но точно также как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам не пользуясь Славянским языком, так и наоборот, — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски. И большинство русских, чтобы не казаться неучами, пишут слова не так, как произносят, а так как они должны писаться по правилам Славянской грамматики, напр, пишут сегодня (segodnia), а произносят себодни (sevodni). Тем не менее я решил в этой моей грамматике и в диалогах передавать слова такими буквами, которые обозначают именно те звуки, какие слышатся в произношении, чтобы книга послужила на пользу тем, **кто хочет научиться разговорному русскому языку.** Кто захочет получить более углубленные знания этого языка, тот уже с меньшим трудом может обратиться впоследствии к Славянской грамматике, я сохранил в своей книге тот же порядок и то же число склонений. Кто внимательно всмотрится в этот язык, тот заметит, как трудно привести его к определенным грамматическим правилам, и тогда легко простит недостатки этой небольшой работы. К грамматике я прибавил диалоги и некоторые идиомы, **почерпнутые из повседневной обиходной речи,** а также конструкции с предлогами и частицами, что до некоторой степени заменит синтаксис. Диалоги даны в сопровождении немецкого перевода в виду того, что купцы разных народов пользуются в России немецким языком. Да и русских я встречал, которые изучили латинский и немецкий языки. Волей Патриарха в Москве даже основана школа, в которой греки-учителя обучают латинскому и греческому языкам. Из этого видно, что основным русским законам не противоречат образование и наука, как некоторые утверждали. Скорее можно утверждать, что теперешнее Царское Величество стремится к поднятию духовной культуры своих подданных.

Итак, вероятно моя работа принесет некоторую пользу тому или другому из тех многочисленных иностранцев, которые имеют нужду приезжать в Россию не только по торговым и политическим делам, но и по делам иностранных церквей, существующих по милостивому царскому разрешению и в порте Архангела, и в Вологде и в самой Москве. Если я достигну этой цели, то

мне не жаль потраченного труда и не страшны неодобрительные суждения. Так как я не страдаю таким смешным честолюбием, чтобы искать славы в грамматических работах, то мой покой не смутят суждения тех, кто жаждет проявить свои таланты не в исследованиях, предпринятых на общую пользу и в меру своих сил, а в нападках на других (авторов).

К тому же, может быть, этот пример убедит Русских, что можно печатать некоторые вещи и на народном наречии. Ведь только к пользе и славе Русской Науки может послужить это, если они, по примеру других народов, начнут культивировать собственный язык и издавать на нем хорошие книги. Можно надеяться, что Патриарх окажет этому содействие, так как он проникнут похвальным желанием поощрять развитие литературы. Он, в этих целях, заказал в Голландии греческий шрифт тому же мастеру, который изготовил славянский шрифт этой книги для Оксфордской Академии.

В интересах тех, кто хочет изучать Славянскую Грамматику, я решил объяснить здесь грамматические термины, какие в ней применяются.

Осмъ части слова — восемь частей речи. 1. Имя́. 2. Местоименїе. 3. Глаго́л. 4. Прича́стїе. 5. Нарѣчїе. 6. Предло́г. 7. Союз. 8. Междоме́тїе.

Существи́тельное. Прилага́тельное. Сте́пенїе уравне́нїя: положи́тельныи, разсуди́тельныи (=сравнительный), превосходи́тельныи.

Ро́д — му́жескїи, же́нскїи, сре́днїи, о́бщїи, вся́кїи.

Вид — первоо́бразныи, произво́дныи.

Начерта́нїе — про́стое, сложеное.

Склоне́нїе — прави́льное, неправи́льное.

Число́ — единственное, двойственное, мно́жественное.

Паде́жь — имени́тельныи, роди́тельныи, да́тельныи, вини́тельныи, зва́тельныи, твори́тельныи, сказа́тельныи (=предложныи).

Послѣдую́щїя глаго́лу: зало́г — действи́тельныи, страда́тельныи, сре́дныи, отложи́тельныи.

Начертание, вид и число — как у существительных.

Лице́ — пе́рвое, вто́рое, тре́тїе.

Наклоне́нїе — изъяви́тельное, повели́тельное, моли́тельное, сослага́тельное, подчини́тельное, неопредѣле́нное.

Вре́мя — настоящее, преходящее, будущее.

Спряже́ние — прави́льное, стропо́тное (=неправильное)

Уча́ща́тельныи.

[Примечание переводчика. Так как орфография и даже опечатки подлинника точно переданы при воспроизведении латинского оригинала, то в переводе я произвел некоторое выравнивание и правку орфографии русских слов, примеров, парадигм.]

Следует несколько замечаний о различии Русского наречия и Славянского языка.

Славянское **а** после двух согласных заменяется двумя **о**:

Славянское	Русское
Глава	Голова
градъ	городъ
гладъ	голодъ

Славянское **е** в русском часто переходит в **о**

слав. един — рус. одинъ
есень — осень
есеръ осеръ

В склонениях славянского языка согласные звуки формы именительного падежа изменяются в некоторых других падежах, а в русском склонении они остаются неизменными, например, рука — дат. и предложный руцѣ, а по русски рукѣ, также от языкъ — именительный множественного языцы, а по русски — языки. Подобным образом **г** в славянском именном склонении заменяется **з** и **ж**, а **х** заменяется **с**. Вместо славянского **щ** в русском часто является **ч**.

Слав. нощь — рус. ночь
немощь — немочь
хощетъ хочетъ

Родительный падеж прилагательных мужеского и среднего рода единственного числа в славянском языке оканчивается на **-го**, а в русском на **-во**:

от „такой" слав. такого рус. таково
„единъ" — единого — одново

Форма прошедшего времени глагола оканчивается в славянском на -х, а в русском на **-л**.

любихъ — любилъ

Некоторые предлоги в русском языке имеют другое управление (конструкцию), чем в славянском.
Слав. между русскими людми
Рус. между русских людей
Различны также и некоторые слова:

Славянское	Русское
Глаголю	Говорю
реклъ	сказалъ
днясъ	севодни
выну	всегда, вселди
истина	правда
туне	даромъ

ГЛАВА I

О БУКВАХ, ПРОИЗНОШЕНИИ И ОРФОГРАФИИ

Название	Изображение	Число	Значение
Аз	А а	1	a
Буки	Б б	2	b
Вѣди	В в		v согласная
Глаголь	Г г	3	g
Добро	Д д	4	d
Есть	Є є е	5	e
Живет(е)	Ж ж		g французское перед e и i
Зѣло	Ѕ ѕ	6	z французское
Земля	З з	7	и английское
Иже	И и	8	i
І	І і	10	
Како	К к	20	k
Люди	Л л	30	l
Мыслет(е)	М м	40	m
Наш	Н н	50	n
Он	О о о	70	o
Покой	П п	80	p
Рци	Р р	100	r
Слово	С с	200	s
Тверда	Т т	300	t
Ик	Ѹ ȣ	400	u
Ферт	Ф ф	500	ph
Херь	Х х	600	ch немецкое
От	Ѡ ѡ	800	o долгое
Ци	Ц ц	900	ts
Черфь	Ч ч	90	tsch, ch английское или c итальянское перед e и i.
Ша	Ш ш		sch или ch французское и sh английское
Шча	Щ щ		schtsch
Ер	Ъ ъ		не произносится
Еры	Ы ы		ui
Ерь	Ь ь		i кратчайшее
Ять	Ѣ ѣ		ie дифтонг

Название	Изображение	Число	Значение
Юс	Ѭ ѭ ж		iu
Еть	Ѩ Ѧ ѧ		ia дифтонг
Кси	Ѯ ѯ	60	x
Пси	Ѱ ѱ	700	ps
Фита	Ѳ ѳ	9	f
Ижица	Ѵ ѵ ѿ		произносится i ot

Тысячи пишут следующим образом ҂а 1000, ҂в—2000. Настоящий год ҂ахчѕ 1696, по русскому счету от сотворения мира ҂зсд 7204, причем год у них начинается с сентября предыдущего года.

Большая часть немцев насилует русское произношение, не различая **ж** и **щ**, **з** и **с**, а то даже **б** и **п**, **д** и **т**, чего не наблюдается у тех, для кого родной язык французский.

Є в начале слова произносится с предшествующим немецким йотом: єво *ievo*; єсть *iest*; а в последнем слоге перед согласным часто **е** произносится как **о** пиешъ, быешъ—piioſch, biioſch.

Звук **ы** можно усвоить только по живому произношению, он подобен дифтонгу, состоящему из **u** и **i**. Иностранцы часто не различают в произношении (**ы** с **и**), хотя слова от этого приобретают обычно другой смысл, как пытать—питать,—puitat, pitat.

Хотя ъ никогда не произносится, а **ь** едва слышен в произношении, однако они употребляются на письме в конце слов после согласного, но различие (окончания) едва улавливают только иностранцы с тонким слухом. Приблизительно можно объяснить **ль** и **нь** (как сходные) с испанскими ll и ñ: полъ (sexus), поль (pavimentum).

Надо обратить внимание в произношении на ударение, которое они обычно ставят в печатных книгах, но не ставят в рукописях на родном языке. Место ударения определяет в иных случаях значение слова, напр. му́ка с ударением на первом слоге значит cruciatus, а мука́ с ударением на последнем слоге значит farina. Но изучить ударение можно скорее на практике, чем по каким-нибудь правилам.

Некоторые иностранцы смешивают на письме **ч**, **ш** и **щ**, но таких ошибок не делают те, кто хоть немного освоился с природным русским произношением.

ъ и **ь**; **о** и **ѡ**; **и**, **і** и **ѵ** иногда смешиваются на письме. Три последние буквы хотя и имеют одно произношение, но в иных случаях они определяют значение слов: мир — pax, міръ—mundus, мѵръ—mirrha.

Некоторые буквы имеют разное начертание в письме и в печати, как это можно видеть из приложенной таблицы (русской скорописи).

Русские постоянно пользуются и в рукописях и в печати сокращениями, наиболее употребительные из них я здесь приведу.

Агглъ — angel — ангел, архагглскіи — archangelskii — архангельскии, Бгъ — bog — бог, Божтво — boſchestwo — божество. Бца — bogoroditza — богородица, блгодарю — blagodariu — благодарю, влка — vladica — владыка, воскрніе — voſcresenie — воскресение, гдь — goſpod — господь, гдрь — goßudar — государь, этим словом называют и царя, если употребляют это слово одно с глаголом в устной речи и на письме, дхъ — duch — дух, днь — den — день, епкпъ — iepiſcop — епископ, Іиль — Iſrail — Израиль, Іис — iiſus — Иисус, кртъ — kreſt — крест, крщеніе — kreſchtchenie — крещение. Мрость — mudrost — мудрость, млть — milost — милость, мчнк — mutſchenik — мученик, мцъ — meſetz — месяц, нбный — nebeſnii — небесный, ннѣ — nuine — ныне, ржтво — roſchestvo — рождество, стъ — ſviat — свят, слнце — ſontze — солнце, срце — ſerdze — сердце, трца — troitza — троица, учтль — utſchitel — учитель, учнкъ — utſchenik — ученик, Хс — Chriſtos — Христос, ѿцъ — ottetz — отец, црь — Tzar — царь, члкъ — tcheloveck — человек, чть — tſcheſt — честь.

ГЛАВА II

ОБ ИМЕНАХ

Большую трудность представляет у имен их склонение. Оно производится не присоединением известного члена для каждого падежа, как в большей части природных языков Европы, но падежи различаются между собой окончаниями, как в латинском и греческом языке. Кроме того формы словоизменения имен не могут быть сведены к немногим определенным образцам (парадигмам). Мы сохранили здесь число и порядок склонений, какое существует в Славянской грамматике, так как всегда приходится обращаться к Славянской грамматике по поводу трудных слов, мало употребительных в обычной речи. Но некоторые имена мужского рода в русском языке склоняются своеобразно, как мы о том скажем по поводу второго склонения.

Склонений различается пять, первые четыре — имен существительных, пятое — прилагательных.

Родов — четыре, именно: мужской, женский, средний и общий. Общий род принадлежит тем немногим существительным, которые можно употреблять и применительно к мужчине, и о женщине.

Род „всякий“ (genus omne) у них отсутствует, так-как прилагательные известны только с тремя окончаниями; мужеский р. оканчивается на — **и**, женский на — **а** и средний на — **ое**, сокращенное окончание — **о**.

Невозможно дать определенные и исчерпывающие правила, по которым можно было бы сразу узнать род какого угодно имени существительного, но для большей части случаев годятся следующие правила.

Мужеского рода те существительные, которые в четвертом склонении оканчиваются на — **и**, а во втором на — **ъ**.

Женского рода те, которые оканчиваются на—**а** в первом склонении, на **ь** в третьем. В четвертом склонении есть имена мужского рода на — **ь**, но, по большей части, это названия мужчин.

Среднего рода существительные оканчиваются на — **е**, **о** и **я**, из них некоторые второго, некоторые четвертого склонения.

Чисел в славянском языке три, единственное, двойственное и множественное. Но так как в обычной русской речи я почти не наблюдал употребления двойственного числа, то я не включил его в свои грамматические образцы (парадигмы), чтобы не увеличивать без необходимости трудностей начального изучения. Два окончания двойственного числа я заметил в обычной разговорной речи, именно именительного падежа муж. р. на — **а** и жен. р. на ѣ, и творительного на — **ма**, напр. два глаза, двѣ женѣ. Я видалъ своема глазама хотя многие говорят: я видалъ своими глазами (здесь творительный множественного).

Надо сказать, что русские пользуются формой двойственного числа не только когда говорят о двух, но также и о трех, и о четырех, напр., два попа, три попа, четыри попа.

Но следует иметь в виду, что такая конструкция возможна только в тех случаях, когда при существительном стоит числительное количественное, как в вышеприведенных примерах.

При числительных, начиная **с** пяти, употребляется множественное число, напр. пять попы.

Падежей—семь. Кроме шести общеизвестных падежей есть седьмой, свойственный Славянскому и произошедшим от него языкам, который некоторые называют инструментальным аблативом, а в Славянской грамматике он называется Творительным и помещается на шестом месте. Шестым по порядку помещаем его в парадигмах и мы, чтобы не вводить в смушение тех, кто будет овладевать русским языком с помощью Славянской грамматики.

Творительный падеж употребляется:

1. Когда говорится о вещи, которой как инструментом что-нибудь производится, как ножикомъ резалъ.

2. Говоря о времени, напр. вѣсною, лѣтомъ, днемъ, ночїю.

3. С глаголами звать и быть, напр. Иваномъ меня зовут. Онъ посломъ былъ во француской землѣ.

4. С этим падежом сочетаются некоторые предлоги.

5. В некоторых русских идиомах. Я простъ своими денгами (я лишился всех своих денег). Я скуденъ денгами (нуждаюсь в деньгах). Не погнушайся нащимъ кушенїемъ.

Родительным падежом пользуются иногда вместо именительного после отрицательной частицы нетъ, напр., нету таково человѣка, которои все знаетъ.

Неопределенное количество, как во французском языке, выражается в родительном падеже, как напр. даи мнѣ хлѣба, нем. gebt mir brod,—даи мнѣ хлѣбъ значит „весь, целый хлѣб", нем. gebt mir das brod.

Родительный падеж ставится также после сравнительной степени, он старши брата моево.

Наконец, следует заметить, что звательный падеж, совпадающий в народном языке с именительным, иногда употребляется в славянской особой форме; это происходит обычно, когда дело касается религии, которая преподана им на славянском языке, напр. Боже помилуи.

Первое склонение имеет два окончания (именит. пад. ед. ч.) а и — я. Все существительные 1-го склонения женского рода за исключением названий мужчин, напр.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
И.	Жена	Жены
Р.	Жены	Женъ
Д.	Женѣ	Женамъ
В.	Жену	Жены
Зв.	Жена	Жены
Тв.	Женою	Женами
Пр.	Женѣ	Женахъ

Точно также склоняются: дѣва, рука, вода.

Как сказано уже мимоходом, в тех падежах, где в славянском окончание -ы после -к, — в русском будет -и: напр. персты моеи руки. В славянском языке к перед окончанием -ѣ изменяется в ц, а в русском сохраняется, они говорят: онъ держит въ своеи рукѣ, а по славянски надо бы сказать руцѣ.

Второе склонение имеет два окончания, именно -ъ у существительных мужеского рода, как городъ, и -о или -я у существительных среднего рода, как дерево, имя.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
И.	Городъ	Городы
Р.	Города	Городовъ
Д.	Городу	Городомъ
В.	Городъ	Городы
Звательный подобен именительному		
Тв.	Городомъ	Городами
П.	Городѣ	Городехъ

(Существительные обозначаюшие) одушевленные предметы имеют в винительном единственного ок. -а, так от братъ: видалъ ты моево брата?

В некоторых случаях последний гласный (формы) именительного падежа выпадает в косвенных падежах, как напр. отецъ, отца, отцу.

Некоторые чисто русские слова образуют родительный и предложный единственного на -у, как, напр. человѣкъ простово роду. Унево въ дому пожаръ былъ. Четыри времена году. Обоево полу люди.

Ед. ч.	*Мн. ч.*
И. Древо	Древа
Р. Древа	Древъ
Д. Древу	Древомъ
В. } З. } подобны именительному	
Т. Древомъ	Древами
П. Древѣ	Древехъ

Ед. ч.	*Мн. ч.*
И. Имя	Имена
Р. Имене	Именъ
Д. Имени	Именемъ
В. } З. } подобны именительному	
Т. Именем	Именми
П. Имени	Именехъ

Третье склонение имеет одно окончание **-ь**, все существительные в этом склонении женского рода, как напр. л о ш а д ь.

Ед. ч.	*Мн. ч.*
И. Лошадь	Лошади
Р. Лошади	Лошадеи
Д. Лошади	Лошадемъ
В. Лошадь	Лошади
З. подобен именительному	
Т. Лошадiю	Лошадми
П. Лошади	Лошадехъ

Четвертое склонение имеет разные окончания, наиболее обычные из них: **-й**, **-ь** и **-е**, родительный пад. они образуют на **-я**, как напр. м о р о в е и, м о р о в я; к н я з ь, к н я з я; з н а м е н i е, з н а м е н i я.

Ед. ч.	*Мн. ч.*
И. Князь	Князiе
Р. Князя	Князеи
Д. Князю	Княземъ
В. Князя	Князiе
З. подобен именительному	
Т. Княземъ	Князми
П. Князѣ	Князех

Пятое склонение — имен прилагательных. Мужеский род (в имен. пад.) оканчивается на **-и**, как б ѣ л о и, женский на **-ая** и сокр. **-а**, как б ѣ л а я, сокр. б ѣ л а, средний на **-ое**, как б ѣ л о е, сокр. б ѣ л о.

Единственное число

Муж.	Жен.	Сред.
И. бѣлои	бѣла	бѣло
Р. бѣлово	бѣлои	бѣлово
Д. бѣлому	бѣлой	бѣлому
В. бѣлово	бѣлую, бѣлу	бѣло
З. подобен именительному		–
Т. бѣлимъ	бѣлою	бѣлимъ
П. бѣломъ	бѣлои	бѣломъ

Множественное число

И. бѣлие бѣлия бѣла
Р. бѣлихъ
Д. бѣлимъ } во всех родах
В. З. подобны именительному
Т. бѣлими
П. бѣлих } во всех родах

Винительный пад. единственного ч. мужеского р. совпадает с именительным, когда (прилагательное) согласуется с существительным неодушевленного предмета, напр., Я купилъ доброи ножикъ.

Когда прилагательное употребляется одно без существительного, то последний гласный именительного пад. единственного числа мужского рода — отбрасывается; так напр., учонной человѣкъ; кажетъся мне, что он не учонъ.

Образование сравнительной степени надо изучить путем практики. Старой имеет сравнительную степень старши, от молодои будет — моложи, от коротки — коротчи, от высокои — выши, от великои — болши, от малои — менши, от доброи — лутчи.

Превосходную степень обычно выражают добавлением к форме сравнительной степени (слова) всехъ, как, напр., Москва болши всехъ городъ на Русіѣ.

Но в книжном (письменном) употреблении часто удерживается Славянское образование превосходной степени. В Славянском языке степени сравнения образуются по правилу таким образом:

	Положительная	*Сравнительная*	*Превосходная*
М.	Святыи	Святши	Святѣиши
Ж.	Святая	Святшая	Святѣишая
Ср.	Святое	Святшее	Святѣишее

Раньше чем закончить эту главу об Именах, надо указать, что Русские пользуются уменьшительными именами не только тогда, когда хотят ласково обратиться к кому-нибудь, как напр., дружокъ от другъ, но из учтивости они подписывают свои имена в письмах всегда в уменьшительной форме, Ивашка вместо Иванъ, Петрушка вместо Петръ.

О МЕСТОИМЕНИЯХ

Личные местоимения склоняются следующим образом:

	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо
	Единственное число		
И.	я	ты	онъ
Р.	мене	тебе	ево
Д.	мнѣ	тебѣ	ему, нему
В.	меня	тебя	ево
Т.	мною	тобою	нимъ
П.	мене	тебе	немъ
	Множественное число		
И.	мы	вы	оны
Р.	насъ	васъ	ихъ
Д.	намъ	вамъ	имъ
В.	насъ	васъ	ихъ
Т.	нами	вами	ими, ними
П.	насъ	васъ	ихъ, нихъ

Местоимения первого и второго лица — общего рода; третье лицо имеет в единственном числе форму женского рода она, родит. пад. еи, дат. еи, вин. ю и нея(!), твор. нею, предл. ней. Во множественном числе местоимение третьего лица — тоже общего рода.

Сюда же относится и (местоимение) себе, себѣ, себя, собою. Притяжательные местоимения: мои, моя, мое; твои, твоя, твое; нашъ, наша, наше; вашъ и т. д. Склоняются они следующим образом:

	Муж. р.	*Женск. р.*	*Средн. р.*
	Единственное число		
И.	мои	моя	мое
Р.	моево	моеи	моево
Д.	моему	моеи	моему
В.	моево	мою	мое
Т.	моимъ	моею	моимъ
П.	моемъ	моеи	моемъ
	Множественное число		
И.	мои	моя	моя
Р.	моихъ	во всех родах	
Д.	моимъ	во всех родах	
Т.	моими	во всех родах	
П.	моихъ	во всех родах	

Надо запомнить, что с в о и служит притяжательным местоимением и первого, и второго, и третьего лица в зависимости (от формы) предшествующего глагола, напр., д е р ж у в ъ с в о е й р у к ѣ, т ы д е р ж и ш ъ в ъ с в о е й р у к ѣ, о н ъ д е р ж и т ъ в ъ с в о е й р у к ѣ.

Указательные местоимения — с е и или е т о и, с е я или е т а я, с и е или е т о е, т о и, т а я, т о е.

Муж. р.	*Женск. р.*	*Средн. р.*
	Единственное число	
И. сеи	сея	сие
Р. сево	сеи	сево
Д. сему	сеи	сему
В. сево	сiю	сие
Звательный подобен именительному		
Т. симъ	сею	симъ
П. семъ	сеи	семъ
	Множественное число	
И. сие	сия	сия
Р. сихъ } во всех родах		
Д. семъ } во всех родах		
В. сие	сия	сия
Звательный подобен именительному		
Т. сѣми } во всех родах		
П. сихъ } во всех родах		

В разговорном просторечии чаще употребляются мест. е т о и, которое склоняется по образцу относительного местоимения к о т о р о и.

Муж. р.	*Жен. р.*	*Средн. р.*
	Единственное число	
И. тои	тая	тое
Р. тово	тои	тово
Д. тому	тои	тому
В. тово	тую	тое
Звательный подобен именительному		
Т. тѣмъ	тою	тѣмъ
П. томъ	тои	томъ
	Множественное число	
И. тие	тия	тая
Р. тѣхъ } во всех родах		
Д. тѣмъ } во всех родах		
Вин. и зват. подобны именительному		
Т. тѣми } во всех родах		
П. тѣхъ } во всех родах		

Вопросительные местоимения хто (муж. и женск. р.) что и чеи, чея, чие. Они в сочетаниях согласуются: чеи етой человѣкъ, чея етая лошадь.

Муж. р.	Жен. р.	Средн. р.
И. хто	хто	что
Р. ково	кои	чево
Д. кому	кои	чему
В. ково	кую	что
Т. кимъ	кою	чимъ
П. комъ	кои	чемъ

Во множественном числе, как в латинском языке, пользуются формами местоимения относительного которои.

Таким же образом склоняются нехто и нечто.

Относительное местоимение которои, которая, которое склоняется так:

Муж. р.	Жен. р.	Средн. р.
Единственное число		
И. которои	которая	которое
Р. которово	которои	которово
Д. которому	которои	которому
В. которово	которую	которое
Т. которимъ	которою	которимъ
П. которомъ	которои	которомъ
Множественное число		
И. которие	котория	которая
Р. которихъ	во всех родах	
Д. которимъ	во всех родах	
В. которие	котория	которая
Т. которими	во всех родах	
П. которихъ	во всех родах	

Таким же точно образом некоторои, какои, некакои всякои, самои.

Онъ самъ то мнѣ сказалъ.

ГЛАВА IV

О ГЛАГОЛЕ

Глаголы делятся на простые и производные. Из производных чаще всего употребляются многократные, ими пользуются всегда для указания на действие неопределенное, как напр., обманивать — многократный глагол от обманить. Я скажу: на силу наидешь человека, которои не обмани-

ваетъ. Но если я говорил бы об определенном случае, то сказалъ бы: ты обманилъ меня. Точно также умывать — есть многократная форма от умыть. Приставки (частицы) присоединяемые к сложным глаголам уточняют их значение, так например, снести — *portare*; принеси ключъ; понеси ключъ къ замочнику; привѣди лошадь суда; повѣди лошадь въ конюшню; пришли суда; пошли туда.

Вы- в сложении с глаголами означает *ex* (из), напр., выйти.

Воз- или вз- означает *sursum* (вверх), напр., возходить.

Про- соответствует немецкой приставке ver- в сложных глаголах. Пить — *bibere* (trinken), пропить — *bibendo absumere* нем. vertrinken. Проиграть — нем. verspielen.

Глаголы страдательные, средние и взаимные образуются обычно присоединением частицы -ся во всех временах и лицах: учю — *doceo*; учю ся — doceor, учишъ ся, учитъ ся, я училъ ся, ты училъ ся. Также пробудить — expergefacere пробудить ся expergefisci.

Глаголы в изъявительном наклонении имеют три времени:

1. Настоящее, оно оканчивается на -у или -ю, как здѣлаю.

2. Прошедшее, которое по правилу оканчивается на -л и образует во всех трех лицах форму женского рода на -ла, как я здѣлалъ (мужчина), я здѣлала (женщина).

3. Будущее, оно обычно образуется прибавлением к инфинитиву буду или стану, как напр., буду здѣлать.

В значении форм сослагательного наклонения употребляется сочетание прошедшего времени с частицей бы, этим выражается пожелание или условность, напр., даи богъ что бы братъ мои приѣхалъ; какъ бы я зналъ такъ бы я не купилъ.

В русском языке для образования прошедшего времени не пользуются вспомогательными глаголами, как в других природных языках Европы. Глагол имѣти и настоящее время от глагола быти в общей разговорной речи почти не употребляются, за исключением, впрочем, конструкции вроде латинской — есть у мене (est mihi). Так говорят: есть-ли у тебя денги?

Есмь, еси, есть обычно опускаются, например: Я сытъ. аль ты дуракъ? онъ гораздо богатъ.

Но прошедшее время (от глагола быть) употребляется:

	Единств. ч.	*Множест. ч.*
Муж.	я былъ	мы были
Жен.	я была	
М.	ты былъ	вы были
Ж.	ты была	
М.	он былъ	они были
Ж.	она была	

Будущее время

Един. ч.	*Множ. ч.*
буду	будемъ
будешъ	будете
будетъ	будутъ

Повелительное ед. ч. буди, множ. ч. будите. Инфинитив быти.

Правильные глаголы могут быть сгруппированы в два спряжения. Как видно будет из дальнейших образцов, разница этих спряжений только в формах настоящего времени.

К первому спряжению относятся глаголы, инфинитив которых оканчивается на -ать или -ять, а форма 3-го лица настоящего времени на -етъ и (множ. ч.) -утъ, как здѣлать, онъ здѣлаетъ, оны здѣлаютъ.

Настоящее время образуется от инфинитива.

Единствен. ч.	*Множ. ч.*
здѣлаю	здѣлаемъ
здѣлаешъ	здѣлаете
здѣлаетъ	здѣлаютъ

Надо запомнить, что глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -вать, заменяют это окончание в настоящем времени на -ую, напр. ночевать — ночую; послѣдовать — послѣдую.

Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -зать имеют в настоящем времени -жу, как например, резать — режу, сказать — скажу, приказать — прикажу.

Прошедшее время образуется от инфинитива изменением окончания -ть на -лъ, как напр. я здѣлалъ от здѣлать ночевалъ от ночевать; сказалъ от сказать.

	Единствен. ч.	*Множ. ч.*
М.	я здѣлалъ	мы здѣлали
Ж.	я здѣлала	
М.	ты здѣлалъ	вы здѣлали
Ж.	ты здѣлала	
М.	онъ здѣлалъ	оны здѣлали
Ж.	она здѣлала	

Будущее образуется присоединением к инфинитиву (вспомогательных глаголов) буду или стану

Единств. ч.

я	буду или стану	здѣлать
ты	будешъ или станешъ	
онъ	будетъ или станетъ	

Множ. ч.

мы будемъ или станемъ вы будете или станете оны будутъ или станутъ	здѣлать

Повелительное наклонение образуется от формы настоящего времени заменой окончания **-у** или **-ю** на **-и**, напр., (ед. ч.) здѣлаи, скажи (от скажу), множ. ч. здѣлаите, скажите.

В значении форм сослагательного наклонения, как выше было сказано, употребляют прошедшее время изъявительного, присоединяя частицу **бы**.

Настоящее время (сослагательное)

1 — даи богъ что бы я здѣлалъ, здѣлала
2 — даи богъ что бы ты здѣлалъ, здѣлала
3 — даи богъ что бы онъ здѣлалъ, она здѣлала
1 — даи богъ что бы мы здѣлали
2 — „ „ „ „ вы здѣлали
3 — „ „ „ „ они здѣлали

В прошедших временах (сослагательного) несовершенном, совершенном и давнопрошедшем они употребляют те же самые формы. Как бы я здѣлалъ, здѣлала, как бы ты здѣлалъ, здѣлала означает и несовершенное, и совершенное прошедшее, и давнопрошедшее (si faceres, feceris, fecisses).

Инфинитив здѣлать.

Причастие настоящего времени здѣлающий (faciens)

Причастие прошедшего времени (страд.) здѣланной (factus).

Второе спряжение с инфинитивом у большинства глаголов на -ить, как уже сказано, от первого спряжения отличается только в формах настоящего времени; третье лицо един. ч. здесь оканчивается на -итъ, а третье множественного на -ятъ, как напр., вѣритъ, он вѣритъ, оны вѣрятъ.

Настоящее время производится от инфинитива заменой окончания **ть** на **ю**, как напр., вѣрить — вѣрю.

Един. ч.	*Множ. ч.*
вѣрю	вѣримъ
вѣришъ	вѣрите
вѣритъ	вѣрятъ

Примечание 1. Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -бить, -вить, -пить обычно прибавляют **-л-** в первом лице настоящего времени, как напр., любить — люблю; дивиться — дивлюся, впрочем говорят также и дивуюся; купить — куплю. Но в остальных лицах это **-л** снова отбрасывается, как напр., ты любишь, онъ дивитъ ся, купятъ.

Примечание 2. Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -дить, образуют первое лицо настоящего времени

на -жу, как напр., ходить — хожу, глядить — гляжу розсердиться — розсержу ся. В остальных же лицах это ж снова заменяется на д, как, напр., ты ходишь, он глядитъ, оны розсердятъ ся.

Примечание 3. Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -сить, имеют в первом лице настоящего времени -шу, как напр., укусить, укушу, красить — крашу. В остальных лицах это ш снова заменяется на с, как, напр., собака укуситъ.

Примечание 4. Глаголы оканчивающиеся на -зить имеют в первом лице настоящего -жу, как напр., грозить — грожу, нагрузить — нагружу. В остальных лицах восстанавливается коренной согласный инфинитива; онъ грозитъ.

Остальные времена (во втором спряжении) образуются так же, как и в первом спряжении и потому совершенно излишне повторять изложенное (о них) выше.

Я верилъ, я любилъ, я дивилъ ся, я ходилъ, я укусилъ, я грозилъ.

Неправильные глаголы мы разделяем на два класса. Первый класс включает те глаголы, которые имеют неправильность только в формах настоящего времени, подобно сплю от спать. Этот глагол спрягается так:

Настоящее время

Един. ч.	*Множ. ч.*
сплю	спимъ
спишъ	спите
спитъ	спятъ

Подобным образом и пишу от писать.

Един. ч.	*Множ. ч.*
пишу	пишемъ
пишишъ	пишете
пишитъ	пишутъ

Так же и держу от держать, онъ держитъ, оны держутъ.

К этому классу неправильных глаголов относятся также жить с окончанием (инфинитива) второго спряжения, а настоящее время спрягается по первому спряжению: я живу, онъ живетъ, оны живутъ.

Прошедшее время от всех этих глаголов образуется по общему правилу: я спалъ, я писалъ, я держалъ, я жилъ.

Второй класс неправильных глаголов представляет большую трудность, так как они имеют отклонения от нормы не только в настоящем, но и в прошедшем времени. Мы дадим дальше перечень этих глаголов, а здесь обратим внимание только на то, что, если глагол в прошедшем времени не оканчивается на л,

то в формах женского рода и множественного числа он принимает это окончание л. Онъ могъ, она могла, мы могли; онъ принесъ, она принесла.

Труднее других среди неправильных глаголов те, которые оканчиваются в инфинитиве на чь, а в настоящем времени на -гу или -ку, как напр., сожечь — сожгу, течи — теку, поэтому мы дадим здесь образец их спряжения:

Един. ч.	*Множ. ч.*
сожгу	сожжемъ
сожжешь	сожжете
сожжетъ	сожгутъ

Так же могу, онъ можетъ, они могутъ. Берегу ся, онъ бережетъ ся, берегутъ ся.

Един. ч.	*Множ. ч.*
теку	течемъ
течешъ	течете
течетъ	текутъ

Так же от попечи ся, попеку ся, попечетъ ся попекутъ ся.

Прошедшее время.

		Един. ч.	*Множ. ч.*
М.	я	сожегъ	мы сожгли
Ж.	я	сожгла	
М.	ты	сожегъ	вы сожгли
Ж.	ты	сожгла	
М.	онъ	сожегъ	оны сожгли
Ж.	она	сожгла	

Так же онъ мог, она могла, мы могли, оны могли.

От глаг. теку — текъ.

От попеку ся — попекъ ся.

В перечне глаголов, приводимых ниже, мы указываем форму 3-го лица настоящего времени, по которой можно образовать все остальные. Глаголы, оканчивающиеся в 3-м лице настоящ. врем. на -етъ, спрягаются по первому спряжению, а оканчивающиеся на -итъ по второму спряжению.

Инфинитив	*Наст. вр.*	*3 ед. ч.*	*Прош. вр.*
бежать	бегу	он бежитъ	бежалъ
беречи ся	берегу ся	он бережетъ ся	берегъ ся

[и т. д. см. стр. 68].

давать	дам и даю	оны дадутъ	далъ и давалъ

9*

Таким же образом спрягаются и все сложные с приставками глаголы, образуемые от этого глагола, как выдавать, отдавать, продавать, выдалъ, подалъ и т. д.

доставать, достаю, достаетъ, досталъ

[и пр. см. стр. 68]

пустить, пущу, пуститъ, пустилъ

и сложные выпустить, впустить, пропустить, отпустить, допуститъ и [т. д. см. стр. 69].

сечи, секу, сечетъ, секъ

И сложные высечи, отсечи

слать, стелу, стелитъ, слалъ

Но более употребителен сложный глагол перестелу постѣлу

сожечь, сожгу, сожетъ, сожегъ [и т. д. см. стр. 69].

Безличные глаголы

Кажетъ ся мнѣ, каетъ ся мнѣ, дождь идетъ, не лза мнѣ (еи), воняетъ, солнце сіаетъ, ґремитъ, громъ идетъ, блискаетъ, похнитъ (пахнетъ), грезитъ ся мнѣ.

ГЛАВА V

О НАРЕЧИИ

Времени

Тяперь, ныне; въ тѣ порѣ; въ передъ, въ предки; скоро, точас; поздо; долго, давно; уже; еще; севодни; завтра; вчерась; третьево дни; рано; всегда; вселди; коли, когда; некогда; часто; прежде; покамѣсть; после.

Места

Тутъ, здѣсь; тамъ; гдѣ; суди, суда; туди, туда; откуда; отсюда; оттуда; далеко; близко; везде; нигде; въ низу; въ верху; въ низъ; въ верхъ.

Качества и количества

Добро, хорошо — лутче; худо — хуже; тихонко; полно; гораздо, велми, очень; нарочито; насилу; какъ; такъ; длячево; сколко; толко; разве; нетъ;

та (ведь), право; вѣдругъ; вмѣстѣ; въпервые; въ другые; напраздно; нарочно.

По руски; по немецки; по француски.

Степени сравнения наречий, как и степени сравнения прилагательных надо усвоить из практики:

часто — чаще; поздо — поже; высоко — выше; близко — ближе.

ГЛАВА VI

О ПРЕДЛОГЕ

Управляют Родительным падежом: изъ, съ, у, отъ, до, для, опричь, кромѣ, околъ, безъ, после, прежде, противъ.

Управляют Дательным: ку или къ, по.

Управляют Винительным: за (в знач. лат. pro), черезъ, про.

Управляют Творительным: со, съ.

Управляют Предложным: при, по, о.

Некоторые предлоги управляют двумя падежами, как и в латинском, а именно Винительным при указании направления, в каком происходит движение, и Предложным для указания нахождения вещи в каком-нибудь месте.

Винительным и Творительным управляют: предъ, подъ, за. Винительным и Предложным: во, въ, на.

ГЛАВА VII

О СОЮЗЕ

Да, и; такожде; что; что бы; естли, будетъ; или; товоряди: понеже, потому что. Пример: Что болши живешъ, то болши слышишъ.

[Примечание переводчика. Фразеологию, таблицу числительных и словарик Лудольфа см. на стр. 72—97.]

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Минералы.

Там есть три сорта соли: 1) вываренная на соляных варницах, из которых самые известные — Пермские в Сибири; 2) ископаемая, которая в большом количестве добывается из земли в области Уфа; 3) соль, образующаяся от солнечного зноя в озерах около Астрахани и в Сибири. Мне говорили, что возле Астрахани соль всплывает на поверхность озера, а в Сибири она добывается со дна.

Селитру и серу лучшего качества находят около Симбирска на Волге — недалеко от Казанского царства, но вывоз их в другие страны запрещен русскими, как и пороха, чтобы не снабжать соседей средствами войны.

Железные рудники имеются поблизости от Московской столицы и у границ Швеции возле Олонца.

Слюда (тальк) попадается в области торгового Порта Архангела[1]; у англичан по русскому употреблению она получила название „московского стекла".

Много хрусталя имеется в области Уфа.

На краю Сибири близь реки Енисей находят руду, которую приняли было по цвету и тяжести за золотую. Но опытные металлурги, посланные туда, установили, что этот металл легко испаряется на огне, они называли мне его сернистым золотом[2] полагая, что если бы кто-нибудь сумел его выплавить, то получил бы настоящее золото. Вероятно, эта руда в таком отношении к золоту, как германский висмут в отношении к серебру. Большинство считает этот висмут несовершенным серебром, так как он похож на серебро по цвету и звону, а попадается он в серебряных копях Курфюрста Саксонского.

Серебряных копей у русских нет, но они часто выкапывают в Сибири из могильников то серебро, которое погребено было там с покойниками.

---

[1] Т. е. Архангельска.

[2] Букв. „серой золота".

Чрезвычайно любопытная вещь — Мамонтова кость, которую в Сибири выкапывают из земли. В народе ходят о ней фантастические рассказы. Говорят, что это кости животного, проводящего жизнь под землей и величиной превосходящего всех наземных животных. Эту кость применяют в медицине в тех же целях, что и так называемый „рог единорога". Кусочек мамонтовой кости подарил мне один из моих друзей, который, как он рассказывал, получил его от русского вельможи, вернувшегося из Сибири, — на мой взгляд, это настоящая слоновая кость. Более сведущие люди говорили мне, что эта Мамонтова кость представляет собой зубы слонов. Надо полагать, что они были занесены туда во время всемирного потопа и в течение долгого времени все больше и больше покрывались землей.

Не менее важный предмет размышления представляет для естествоведов Адамово древо[1] (lignum Adamiticum), которое добывают из недр земли (в некоторых местах) на пути к порту Архангела. Оно черноватого цвета, твердо, как камень, по форме и размещению жил напоминает ветви дерева. По общему мнению, это окаменелое дерево. Если это так — и невозможно допустить, что кто-нибудь нарочно зарыл дерево в землю, — то необходимо предположить, что оно когда то лежало или на поверхности земли или на дне реки, и лишь постепенно заносилось землей, пока наросла над ним такая толстая кора земли. Рудбециус (Рюдбек) наблюдал это при изучении рунических памятников, он делал заключение о древности памятника по глубине нахождения его под землей и по цвету земли, в которой он найден. Он говорит, что цвет земли меняется в зависимости от глубины, и считает возможным с каждым цветом земного слоя и с каждой мерой глубины связать определенное число веков (—меру их древности). Быть может это нарастание земной коры происходит от опадающих и сгнивающих древесных листьев, или от дождевых и снеговых осадков, а, может быть, и от оседания мельчайших пылинок, рассеянных в воздухе. Как бы то ни было, — едва ли можно будет определить, откуда получается непрестанное увеличение верхнего слоя земли, если не допустить, что существует углубление к центру земли, или же, что атомы эфира сливаются. Однако ученые натуралисты не допускают самозарождения материи, а с другой стороны и религиозные люди не приписывают высшему Божеству ежедневного творения сызнова.

Растения.

Нет ничего удивительного в том, что на русской почве растительность развивается лучше, чем об этом думают. Русская почва богата селитрой, которая, надо полагать, содействует росту растений; по этой именно причине фрукты здесь не только созревают раньше, но некоторые из них приобретают лучшие качества, чем в странах, расположенных гораздо дальше к югу. Это отно-

---

[1] В тексте Луд.: „Adamovoi kost — lignum Ad.".

сится не только к дыням, но и к яблокам. Тот сорт яблок, который у них называется Налива услаждает не только вкус своей сладостью, но и взор чарует хрустальной прозрачностью. Тем же плодородием русской почвы надо объяснить и то, что здесь растут прямо на земле многие виды ягод, неизвестные в других странах. Таковы, например, Костяницы, ягоды черного цвета, на вкус вроде вишен и косточки их похожи на вишневые, или Пияницы, прогоняющие хмель у пьяных, как они думают, далее, Брусницы, Клюква и Грозницы (два последние вида ягод есть также и в Ливонии), сварив с сахаром их подают на стол к жареному мясу, как подливку. Наиболее замечательна из растений — Коса-трава (falx herba), она, говорят, растет в Сибири и о нее ломается железо, так что коса, коснувшись ее, рассыпается на мелкие куски. Люди, достойные доверия, побывавшие в Сибири, рассказывали мне это, и я был бы упрямцем, если б им не поверил. Однако я очень хорошо знаю, что к народной молве в России надо относиться с большой осторожностью. Так, рассказ о траве Баранец, имеющей, будто бы, вид барашка, покрытой шерстью и поедающей траву вокруг себя — не соответствует истине, как я узнал от людей самых надежных. Эти люди, побывав в тех краях, где, по рассказам, растет эта трава, нигде не могли ее найти, но по их словам там, в некоторых частях Татарии есть овцы, у которых ягнята с такой мягкой и красиво вьющейся шерстью, что шкурки этих ягнят продаются, как шкурки баранца, овцы-растения.

Славится еще в России целебный корень, растущий в Сибири, называемый Волчаной корень (lupina radix). Говорят, он имеет замечательную силу при заживлении ран. Мне говорили даже, что достаточно просто пожевать этот корень, чтобы какая угодно рана в любой части тела зажила. Впрочем, отстаивать этого я не буду.

Арбузы (некоторые называют их „астраханскими дынями") не так нежны на вкус, как дыни[1], но они считаются более освежающими. Форма арбузов более округла, чем у дынь, и семена расположены не внутри, как в дыне или тыкве, а рассеяны повсюду в самой мякоти.

Астраханский перец — в красных стручках — превосходит другие сорта перца остротой и жгучестью. Зерна у него желтоватого цвета и не круглой, а вытянутой формы (наподобие гречи)[2].

Животные.

Обычнейшим в России насекомым является Таракан, вид точильщика, не летающий, обильно водится в деревянных домах, но вредным назвать его нельзя.

Из рыб замечательна Стерлядь, ее надо выделить среди русских лакомств. Голова и хвост у стерляди длинные, так что

---

[1] Букв. „как другие дыни".

[2] Ср. в *Latina Grammatica in usum Scholarium....* El. Kopiewitz, Amstelodamii, 1700, p. 36: cicer — гречиха.

туловище едва больше половины всей ее длины; чешуи на ней нет, она покрыта кожей, как миноги. Дороже всего ценятся те, у которых желтая кожа на брюшке.

Сазан представляет разновидность нашего карпа. Сом с округлым, но более расплющенным в ширь, чем вытянутым в длину телом, и выдающейся вперед пастью.

Белуга, известная в Венгрии под именем „гузони", ловится там в Дунае около Гоморры и привозится в Вену, отличается очень приятным на вкус мясом. Из икры этой рыбы изготовляется лучший Кавьяр (паюсная икра). Делают кавьяр также из икры осетра и щуки. Лучшую белугу поставляют в Москву с реки Камы, впадающей в Волгу и очень рыбной.

Я не встретил там ни одной птицы, какая не известна была бы в других странах. Коростель это вид перепелки (вероятно ortygometra).

В лесах России огромное множество той птицы, которую в других странах покупают за большие деньги для торжественных обедов, хотя она довольно обычна также в Швеции и Ливонии. Это Глухой тетер(ев) (Uro gallus), почти достигающий величины индюка (gallus africanus), Тетерь, но немецки Birkhun, величиной в небольшую курицу и Рябчик, по нем. Haselhun, величиною с куропатку.

Дрохва (Tarda, по нем. Trappe), водится в степях между Россией и Татарией.

Из четвероногих наиболее полезны в России те, меха которых защищают наши тела от жестокого холода, свойственного их климату. Милостивейший Создатель позаботился обеспечить нужды этого народа изобилием таких животных.

Лисицы у них—четырех видов: 1) обыкновенные, 2) с двумя крестообразно-пересекающимися темными полосами на спине, которые у немцев называются „крестовыми", 3) белые, меха которых там всего дешевле, 4) черные, меха которых продаются по самой дорогой цене; мне говорили. что за одну шкуру черной лисицы платили 80 рублей или дукатов.

Росомаха, которую за жадность немцы называют Vielfrass (и по лат. Gulo т. е. обжора), дает очень прочный мех на шубы.

Величайшую роскошь у русских представляют одежды из меха скифской или, верней, сибирской куницы, которую они называют Соболем. Цены на собольи меха очень разные: иная пара оценивается в три рубля, а иная продается за сто рублей. Чем темнее мех, тем он дороже; белые — очень редки.

В Даурской области — возле Китая — есть порода быков, называемая Бобули, хвост у них очень похож на конский, а под брюхом свисают длинные волосы. Рога у быков обычного вида, а у коров их нет.

Зубры (Uri) — или лесные быки — блуждают на просторе степей, которые раскинулись между Россией и Татарским Крымом. Там же водится вид диких коз, называемых Заяки.

Выхухоль—это большая водяная мышь, издающая приятный запах. Ее шкурка придает приятный запах белью, если положить ее в платяной сундук.

Туземцы по большей части очень крепкого телосложения, переходящего у многих в незаурядную рослость и полноту. Такой комплекции надо приписать их плодовитость, наполняющую страну таким множеством, о какой по большей части и не подозревают. О количестве населения можно судить по бесчисленному войску, которое собирается в случае войны, когда по городам и селам идет набор воинов, сообразно количеству населения. В походе против Перекопских Татар — несколько лет тому назад — участвовало свыше 300.000 человек, как рассказывали мне самые достоверные лица, участники этого похода. Почти пол-года у них длятся посты, во время которых народ питается очень нездоровой пищей — капустой и огурцами, даже не сваренными, а только просоленными, — и это указывает на значительную силу желудка, они подогревают его, впрочем, горелкой и чесноком, которые у них в большом употреблении. Вероятно эти два средства помогают сохранению их здоровья, особенно чеснок, настолько же полезный для рассасывания желудочных слизей, насколько неприятный для обоняния, — что многими признано. Не замечал я у них и каких либо эпидемических болезней, кроме обычной болезни северных стран, которая и среди остальных народов Европы известна под своим славянским названием — скорбута. Это так сказать, болезнь κατ' ἐξωχήν [1], потому что слово скорбь по славянски значит именно болезнь. А русские имеют еще и особое название скорбута, именно цынга.

Нельзя не упомянуть здесь также об удивительном способе передвижения, каким пользуются на окраинах Сибири у границ Китая. К саням они приделывают паруса; пока ветер попутный — они под развернутым парусом — довольно быстро несутся по подмерзшему снегу, посадив с собою в сани шесть собак; когда же ветер стихнет, они свертывают парус и запрягают собак. Как мне говорили, шестерка собак везет половину лошадиной клади.

Вывозят из России следующие товары: ревень, несколько уступающий Китайскому и Турецкому, бобровую струю, мускус, мед, воск, смолу (вар) для осмола кораблей, дешевые полотна, кавьяр (икру), русскую кожу, так называемую юфть, и коноплю. Город Ярославль больше славится изготовлением кож (юфти), большая часть которой, как и кавьяр (икра), вывозится в Италию. Конопля же вывозится в Англию и Голландию для изготовления корабельных канатов. Когда я жил в Москве, одному голландскому купцу разрешен был вывоз хлеба, что принесло ему большие барыши.

Торговлю с русскими ведут англичане и голландцы в порту Архангела и в Нарве, в один порт чаще заходят голландские суда, а в другой — английские. В Нарве большие привилегии получили от Шведского короля армянские купцы, проживающие

---

[1] По преимуществу

в Персии; они закупают товары в Голландии и везут их в Персию по Балтийскому морю, (через Нарву) далее по р. Волге и Каспийскому морю. Но никому из них не дозволяется вернуться в Персию, если он не проехал указанным путем из Персии. Таким образом достигается то, что они, выезжая из Персии и возвращаясь туда, должны ехать через Россию. Легче однако ехать из России в Персию, чем наоборот, так как в первом случае приходится плыть по течению реки (Волги).

Раньше до самой Москвы ездили баньяны — знаменитые индийские купцы — со своими товарами, теперь же им не разрешается ездить дальше Астрахани, и они вынуждены там же заключать все свои сделки.

Русские ведут торг также с Китаем, добывая оттуда шелковые одежды. Привозят оттуда также чай и некое вещество — желтого цвета, ароматное, подобное мелу, называемое Темзуй, которое считается у них отличным лекарством при многих болезнях. В столицу Сибири, Тобольск, часто приезжают с индийскими товарами Бухарцы-магометане (их столица, как мне говорили, называется, если не ошибаюсь, Самарканд). Вероятно ради них в Тобольске обучают арабскому языку, как мне рассказывали.

Татары и Калмыки пригоняют осенью в Москву на продажу лошадей. Стада этих лошадей они называют табунами, в табуне бывает 6.000, 8.000, 12.000 и даже больше коней.

Эти татары торгуют детьми также, как и лошадьми, и часто продают своих сыновей русским. Когда однажды я разговорился с таким подростком, умеющим говорить по русски и, побуждаемый любопытством, расспрашивал его об их языке, то спросил, между прочим, как он называет бога на своем языке; он мне ответил: Бог(а) у нас нет (Bog u nas niet). Однако у них есть какая то религия. Высший духовный сан у них называется Кутуфта. Этого Кутуфту, татарского, как и монгольского поставляет Далай-лама, живущий невдалеке от границ Китая, в городе Барантола, как я слышал. Китайские ламы, т. е. священники, тоже подчинены, говорят, этому Далай-ламе и воздают ему божеские почести. Народная молва приписывает ему бессмертие, ламам тем легче держать простой народ в этом суеверном убеждении, что Далай-лама никому кроме лам — своих сообщников в этом обмане — не показывается. Один боярин, облеченный званием царского посла к Китайскому Императору, рассказывал, что ему предлагали, как высшую честь, дозволение видеть Далай-ламу, при условии, что он падет ниц перед ним. Но он этого условия не принял.

Да смилуется Бог над несметным множеством людей, пребывающих до сих пор в густой тьме идолопоклонства и да откроет он им наконец двери спасительного познания. В этой молитве со мной единодушны все, кто служит славе своего Искупителя и кто стремится к спасению Духом Христианства всего рода человеческого.

Конец.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Кроме общеизвестного издания книги Лудольфа в Библиотеке Академии Наук (Инв. № 3911) сохранился еще единственный экземпляр[1] особого подносного издания, изготовленный в Оксфорде в 1696 году одновременно с книгой. На корешке футляра этого экземпляра вытиснено золотом по коже:

„Лудольфъ Образецъ славянскихъ типовъ"

Внутри закладка с надписью почерком начала 18 в: *„вакабулъ рускои съ галанскимъ от Лудольфа. 1696 год."*

Титульного листа нет. На белом выходном листе вверху надпись, сделанная, повидимому, рукою Петра I:

„Книга вакабулы рускиѩ з голанскими. Поднесена от Андреѩ Вилгелма Лудолфа въ 1696 году."

В этом подносном экземпляре нет грамматики, нет предисловия и вместо посвящения князю Борису Ал. Голицыну читаем другое:

Пресвѣтлѣишому и державнѣишому Вѣликому, Гдарю, царю и великому Кнѧзю, Пѣтру Алеѯіевичу, Всеѧ Великіѧ и Малыѧ и Бѣлыѧ Россіи Самодержцу Сеи образец славенскихъ тѵповъ по указу Оѯфордскои академіи здѣланнихъ съ всѧкимъ смирѣнніемъ положитъ сѧ предъ ногама Цӑрского Его Величества, и умножѣнніе Царскіѧ слȧвы съ возвишѣнніемъ, расширенніемъ и утвержданіемъ высȯкіѧ державы Егȯ вседушно желȧетъ, Пресвѣтлаго[2] Царского Величества Его.

въ лѣто от рож. ҂аҳчѕ

смиреннѣйши рабъ Андрушка Виллиемка Лудолфъ,"

На следующих двух страницах добавлен перечень военных терминов которого нет в книге „Grammatica Russica", под заголовком:

стр. а

ВОЙНА К МИРУ ДОРОГА[3]

Поход	Feldtzug	осадъ	Belagerung
бои	Schlacht	крѣпость	Festung
побѣдъ	Victorie, Sieg	выручка	Succurs
побѣгъ	Flucht	подкопъ	Mine
полонение	Gefangene	приступъ	Sturm
поранение	Verwundete	взѧтіе	Erroberung

[1] На другой экземпляр в библиотеке гр. А. Толстого указал в 1819 году П. Строев. Существование этого особого издания напрасно подвергалось сомнению в работе Ив. Балицкого (стр. 13).

[2] В тексте опеч. Пресбѣтлаго вм. Пресвѣтлаго

[3] Привожу это добавление полностью.

станъ	Lager	полкъ	Regiment
смотръ	Munsterung	пушки	Stucke
шатръ	Zelt	ядри	Stuck Kugeln
караулъ	Schiltwacht	пулки	Musket kugeln
мингасло	Losung	порохъ	Pulver
месечной кормъ	Soldt	фитилъ	Lunde

стр. в.

оружие	Waffen	полковникъ	Obrister
мушкѣтъ	Musket	полполковникъ	Obrist lieutenant
лука	Bogen	Маiоръ	Maior
стрела	Pfeil	Ротмистаръ	Rittmeister
пара пистолеи	Paer pistohlen	капитанъ	Capitein
пищаль	Rohr	порутчикъ	Leutenant
виндовка	Gezogen rohr	прапорщикъ	Fahnrich
сабла	Sebel	лазущикъ	Kundschaffer
шпага	Degen	трубачъ	Trompeter
раитаръ	Reuter	барабанщикъ	Trumelschlager
пехоти	Fußvolk	пущкаръ	Constabel
генералъ	General	гранатщикъ	Feuerwerker

(Далее со следующей страницы и до конца этого издания идет полная перепечатка двух отделов книги „Grammatica Russica": сперва: Breve vocabularium Rerum Naturalium, стр. а — и, вполне соответст. стр. 89—90 общеизвестного издания) и далее: Phrases et modi loquendi Communiores (стр. ѳ — мз, соотв. стр. 43—81). Здесь, кроме новой пагинации, на последней странице внизу добавлено: „Коне́цъ и Бо́гу сла́ва".

Как видим, это особое подносное издание интересно своим посвящением и ценно списком военных терминов.)

ПРИЛОЖЕНИЕ II-ое

Через десять лет после книги Г. В. Лудольфа, в 1706 году в Стольценберге Илья Копиевич выпустил очень сходную по замыслу книжечку (раза в четыре более краткую) под таким названием:

Руковеде́нiе въ грамматыку	Manductio in grammaticam
во Славянороссiйскую	In Sclavonico Rosseanam
или Моско́вскою	Seu Moscoviticam
Ко употребленiю	In usum
учащыхся	discentium
Языка Моско́вскаго	linguam Moscoviticam

Per Eliam Kopijewitz, V. D. M. adornata. Anno 1706, Ejusdem impensis et typis. Stolzenbergii. 16°, 40 ненум. стр.

Об этой книге еще в 1829 году П. Строев писал: „Книга чрезвычайно редкая. Библиографам неизвестна".[1] До нашего времени в Ленинграде сохранился только один экземпляр этой книги, хранящийся в Рукописном Отделении Публичной Библиотеки.

Грамматика Копиевича несравненно слабее и бессодержательнее Лудольфовой; некоторый интерес представляют только восемь диалогов (русско-латино-немецких), присоединенных к ней, особенно два последних. Для сравнения с мастерскими диалогами Лудольфа, а также и в виду ценности каких бы то ни было материалов по разговорному языку той эпохи, я перепечатываю здесь все 8 диалогов Копиевича (стр. 30—40 названной книги), точно в отношении языка и орфографии, но с упрощением графики (заменены буквы: ȣ, ѡ, ѧ на у, о, я),

---

[1] *П. Строев*, Описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библ. гр. Толстого. Москва. 1829.

Изображе́нія разгово́ровъ
На рускомъ
языкѣ.
К тому
послѣдуютъ
то́жде на Лати́нскомъ
и на немецкомъ.
Ко удо́бѣишему
позна́нію
тѣхъ
язы́ковъ.

Formulæ Loquendi
In Russica Lingva,
In super
sequuntur etiam in
Lingva Latina et
Germanica.

Ad faciliorem
intellectum
harum
Lingvarum.

Поздравле́ніе оутреннее.

Salutatio Matutina.

Розгово́ръ I.

Dialogus I.

Андре́и.

Балта́зарь.

Зравсту́и сте́рь.

А. До́брыи де́нь
Bonus dies
Ein guter Tag.

Б. Слава Бгу.
Deo gratia
Gott sey danck.

А. Жела́ю тебѣ до́браго дня́.
Opto tibi bonum diem.
Ich wünsch dir einen guten Tag.

Б. Такова́жъ и я тебѣ жела́ю.
Talem et tibi precor.
Ich biet dir auch soviel.

А. Бу́ди тебѣ добро́ сево́ днѐ.
Bene sis [1] tibi hoc die.
Dir sol an dem Tage wol seyn.

Б. И тебѣ не ху́до бу́ди.
Nec tibi malê sit.
Es sol dir auch so sèyn.

Поздравле́ніѐ полуденное.

Salutatio meridiana

Ро́зговоръ [2] * вто́рый

Dialogus II:

Вла́сіи.

Кли́ментъ.

В. Здра́вствуи Сте́рь Клименте.
Salve Clemens.
Sey gegrüst Clemens.

К. Здра́вствуи Сте́рь и ты́.
Salve et tu.
Sey du auch gegrüst.

В. Ѕѣло́ здра́вствуи.
Salve plurimum.
Du sey sehr gegrüst.

К. И ты толико здра́вствуи.
Et tu tantundem salve.
Und du auchso sehr.

В. Здравъ бу́ди ты́.
Salvus sis tu.
Du sey gegrüst.

К. Ты такожде здра́вствуи.
Tu quoque salve.
Sey du auch gegrüsset.

В. Здравія тебѣ жела́ю.
Salutem tibi precor.
Ich wünsche dir Heyl.

Д. — Роз- — В. То-

[1] Напеч. sis вм. sit.
[2] Напеч. Бозговоръ вм. Розговоръ.

К. Тогожъ и я тебѣ желаю.
Eandem et tibi opto.
Dasselbe wünsche ich dir auch.
Б. Здравіемъ тя дарю.
Salute te impertior.
Ich gebe dir Heyl.
К. Я тебѣ такожъ.
Et ego quoque te.
Und ich dir auch.
Б. Повелѣваю тя здравствовать.
Jubeo te salvere.
Ich sage dir Heyl.
К. Я такожде тебя.
Te quoque ego.
Und ich dir auch.

Поздравленіе вечернее. — Salutatio vespertina.

Разговоръ третіи. — **Dialogus III.**

Кароль — Димітръ.

К. до Добрый вечеръ.
Bonus vesper.
Ein guter Abend.
Д. Слава Бгу.
Gratia Deo.
Danck sey Gott.

К. До-

К. Добрый вечеръ.
Bonum serum, non sero.
Ein guten Abend.
Д. Слава творцы небесному.
Laus Creatori.
Dem Schöpffer sey Lob.
К. Сей вечеръ буди тебѣ щасливыи.
Hic vesper felix sit tibi.
Der Abend sey dir glückselig.
Д. И тебѣ блгополучныи.
Nec tibi infelix sit.
Er sey dir auch nicht unglückselig.

Егда змеркнетъ — Sub primam facem noctis.

Разговоръ четвертыи. — **Dialogus IV.**

Децыи. — Еустахіи.

Д. Буди тебѣ сія ночь щчаслива.
Sit tibi hæc nox felix.
Dir sey die Nacht glückselig.
Е. И тебѣ блгополучна.
Et tibi hæc fausta sit.
Sie sey dir auch glückselig.
Е. Имѣи себѣ добрую ночь.
Faustam degas noctem.
Hab dir eine gute Nacht.

Д2. Е. И

Е. И ты тожъ не худую.
Et tu quoque non in faustam.
Und du auch keine böse.
А. Ночь сія вамъ буди блгоугодна.
Nox isthæc vobis commodet
Die Nacht sey euch gut.
Е. И тебѣ блгополучна.
Et tibi non incommodet.
Sie sey dir auch nicht böse.

Егда идутъ спать. | Dum itur cubitum.

Разговоръ[1] пятый. | **Dialogus V.**

Філиӡ | Каспаръ

Ф. Которои часъ.
Quota est hora?
Umb welche Stund ist es?
К. Девять било.
Sonuit nonam.
Es hat neune geschlagen.
Ф. Пошли спать.
Eundum est cubitum.
Man sol schlafen gehen.
К. Я не хочу спать.
Non dormiturio.
Mich schläffert nicht. Ф. мнѣ
Ф. Мнѣ очинь хочется.
At ego oppido.
Mich aber gar sehr,
К. Ты иди спать.
Tu eas cubitum
Gehe du schlaffen.
Ф. А тыжъ што будешъ дѣлать.
Quid tu autem ages.
Was wilt du aber thun?
Н. Я стану твердить.
Legam ulterius.
Ich wil weiter lesen.
Ф. Я хочу почивать.
Malo quiescere.
Ich wil lieber ruhen.
К. Иди прочъ сонливый.
Facesse hinc Endimion
Gehe hin du Endimio.
Ф. Не буду тебѣ помѣшкою.
Haud te impedivero.
Ich wil nicht irren.

Егда оᵀ сна востаютъ. | Dum reditur cubito.

Розговоръ шестыи. | **Dialogus VI.** ДЗ. Г. Слы-

Гаврило. | Логвинъ.

Г. Слышишъ ты встань.
Heus, expergiscere.
Hörestu wach auff.
Л. Не замаи по сплю.
Sine ut dormiam.
Lasse mich schlaffen.
Г. Пора встать.
Surgendi tempus est.
Die Zeit ist auffzustehen.
Л. Еще не свитало не обоутрело.
Nondum diluxit.
Es ist noch nicht Tag worden
Г. Отвори глаза.
Aperi oculos.
Thu die Augen auff.
Л. Еще тягчеютъ отъ сна.
Adhuc gravantur somno.
Sie seyn mir noch voll schlaffs.

---

[1] Напеч. Базговоръ вм. Разговоръ.

Г. Ты пуще мыши сонлившыи.
Es glire somnolentior.
Du schläffst mehr denn ein Ratz.
Л. Прошу тебѣ не докучаи мнѣ.
Rogo ne sis molestus.
Lieber lass mich ruhen

Г. Не

Г. Не соромъ тебѣ осле.
Non pudet te asine?
Du Esel schämestu dich nicht?
Л. Чево сорометися.
Cuius me pudeat?
Was sol ich mich schämen?
Г. Спать весь день.
In multam lucem stertere.
Zu schlaffen an den hellen Tag.
Л. А которои часъ.
Quotam horam sonuit?
Wie viel hat es geschlagen.
Г. Оуже будетъ первыи.
Jam imminet prima.
Es wird itzt eins schlagen.
Л. Ешчѐ не мношко посплю.
Adhuc parum dormiam.
Ich will noch ein klein Schläff-
lein thun.
Г. Не встанешже ленивыи.
Quin surgis piger?
Fauler wiltu nich auffstehen?
Л. Дляя чево столь скоро.[1]
Quomodo tam citô.
Warumb so bald?

Д4—Г. Тот-

Г. Тотчасъ батогомъ тебѣ пробужу.
Mox fuste te excitavero.
Mit einem Prügel wil ich dich
bald auffwecken.
Л. Да оужо вставаю пощади пожалуи.
Jam surgo, parce precor.
Jtzt steh ich auff, ich bitte verschon.

Разговоръ[2] седмыи. Dialogus VII.

Л. Ахъ что мнѣ дѣлать?
Heu quid faciam?
Awe was thue ich?
Г. Длячево так кричишъ:
Cur sic vociferas?
Was schreyestu also?
Л. Очинь долго спалъ.
Nimis diu dormivi.
Ich hab zulang geschlaffen.
Г. Такъ што? чево боишся?
Quid ita? Quid times?
Wie also? Was fürchtestu?
Л. Время правое минуло,
Tempus justum transiit.
Die rechte Zeit ist hin.

Г. Ко-

---

[1] Напеч. своро вм. скоро.
[2] Напеч. — Базговор

Г. Которое време мнишъ.
Quod tempus dicis?
Welche Zeit meinestu?
Л. Первой часъ.
Horam primam.
Die erste Stunde.
Г. Ты воистинно согрѣшаешъ. Несогрѣшай.
Tu certe falleris.
Du irrest dich.
Л. Да, ведь я слышалъ.
Tamen audivi.
Hab ich es doch gehört,
Г. Не право ты слышалъ.
Non recte audivisti.
Du hast es nicht recht gehört.
Л. Которои ты часъ слышалъ?
Quotam tu audivisti?
Welche hastu guhört?
Г. Я слышал послѣдніи.
Audivi ultimam.
Ich hab den garaus gehört.
Л Которыи ёсть?
Quota est?
Wie viel ist das?

Д5 Г. Два-

Г. Двана́десятый.
Duodecima.
Zwölfte.
Л. О как бы то въпрямъ было такъ.
Utinam verum sit.
O daß es war wäre.
Г. Ими ми вѣру.
Non est quod dubites.
Da hab ich kein Zweiffel an.
Л. Sѣло радуюся.
Oppidô lætor.
Ich freue mich sehr,

Когда́ сто́лъ накрыва́ютъ. Dum instruitur mensa.

Разгово́ръ осмый. **Dialogus IIX.**

Ива́н. Па́велъ

И. Па́рень а гдѣ ты.
Puer ubi es?
Junger wo bistu?
П. Я здѣсь, чево́ хо́чешъ.
Adsum, quid me vis?
Da bin ich, was wiltu mein?
И. Накрыи сто́лъ.
Instrue mensam.
Bereit den Tisch.

П. А

П. А поражъ обѣдать ёсть.
Est tempus prandii?
Ists Essenszeit.
И. Пора коли такъ оуго́дно.
Est, quando sic libet.
Ja weil es mir also gefelt.
П. Я всё изря́дно здѣлаю.
Rectê curabitur.
Ich wil ihm recht thun?

И. Пода́и ножи́.
Porrige cultros.
Lange die Messer her.
П. Сѐ гото́вы су́ть.
In promptu sunt.
Sie sind schon da.
И. Поста́въ солони́цу.
Appone salinum.
Setz das Saltzfaß auff.
П. Пре́жде со́ли насы́плю.
Prius sale implebo.
Ich wils vor mit Saltz füllen.
И. Помы́и стака́ны.
Elue calices.
Wasch die Trinck-Geschir. П. Да-

П. Давно́ я помы́лъ.
Dudum lavi.
Ich habs lang gewaschen.
И. Принеси́ таре́лки.
Adfer orbes.
Bring die Teller her.
П. На ла́вѣ лежа́тъ.
In scamno jacent.
Sie liegen auff der Banck.
И. И ло́жечникъ.
Et corbem cochlearium.
Auch den Löffel-Korb.
П. На гвоздѣ виси́тъ.
Ex paxillo pendet.
Er hangt an dem Nagel.
— Чево́ хо́чешъ бо́леи.
Nunc quid aliud vis?
Was wiltu mehr?
И. Тепе́ръ ȣ́чися о̓бы́чаевъ.
Nunc mores discas.
Itzund soltu Zucht lernen.
П. Каки́хъ обычаевъ ȣчи́тися.
Quos mores discam?
Was sol ich für Zucht lernen? И. Ко-

И. Кото́рыхъ при столѣ держа́тися.
Quos in mensa serves.
Die du an dem Tisch brauchen solt.
П. Прошу́ тебя́ на о́ȣчи меня́.
Rogo me doceas.
Ich bitte dich lehre michs.
И. Доброхо́тно сiѐ сотворю́, здѣ́лаю.
Perlubens hoc faciam.
Das wil ich gerne thun.
П. Я приле́жно послу́шаю.
Ego auscultabo.
Ich wil fleißig darauff mercken.
И. Немѣша́и мнѣ тепе́ръ.
Ne me interpella.
Red mir nichts darzwischen.
П. Не реку́ и сло́ва.
Haud verbum faciam.
Ich wil kein Wort reden.
К. Первѣи но́гти о̓брѣжъ.
Primô ungues purga.
Erstlich reinige die Nagel.

П. Потóмъ помыи руки.
Hinc manus lava.
Darnach wasche die Hände.

И. Бла-

И. Благослови гдã Бгã.
Mox Deo benedicas.
Als denn sprich das Benedicite.

П. Напотóмъ óбычáино сядь.
Post decenter accumbe.
Darnach setz dich fein züchtig nieder.

И. Ёству бери перстáми.
Cibum carpe digitis.
Die Speiß greiff mit den Fingern an.

П. Не спрятывай въ жмѣню.
Nec conde vola.
Nicht faß in die Faust.

И. Первѣи ёсть не начинáи.
Primus ne esto esu.
Nicht sey der erste mit essen.

П. Нижè пéрвыи пiи.
Nec primus bibe.
Trinck auch nicht zum ersten.

И. Лóктемъ не подпирáися.
Cubito ne te fulceas.
Nicht steur dich auff den Elnbogen.

П. Прямо седи.
Erectus sede.
Sitz auff gericht.

И. Рунъ[1]

И. Рукъ не розпостирáи.
Nec pandes brachia.
Und breit die Arm nicht aus.

П. Не пiи съ пóхотiю:
Non bibe avide.
Nicht trinck begierlich.

И. Не éжъ лáкомо.
Nec mande avidê.
Auch kaue nicht geitzig.

П. Бери чтó блиско тебé.
Proxima te cape.
Nim das Nechste für dir.

И. На тарéлце дóлго недержи.
In orbe ne morare.
Séume dich nicht auff dem Teller.

П. На иныхъ не смотри.
Alios ne inspicito.
Gene die Leut nicht an.

И. Кáкъ стáнешъ пить оутри оуста.
Bibiturus os terge.
Wisch den Mund wenn du trincken wilt.

П. Не рукою ручникóмъ.
Non manu, sed mappula.
Nicht mit der Hand, sondern mit dem Tuch.

И.[2] Оу-

[1] Вм. рук
[2] Вм. П.

П. Оукꙋсивши опять не ѻмочаи.
Morsa ne retinge.
Das Gebissen tunck nicht wieder ein.
И. Перстовъ нелижи.
Ne linge digitos.
Nicht lecke an den Fingern.
П. Костей не грызи.
Nec ossa rode.
Nage auch kein Bein.
И. Всячину ножомъ рѣжъ, крои.
Quæque scinde cultro.
Ein jedes mit dem Messer schneid.
П. Ртà (ѹстъ) немажъ:
Os non perungas.
Beschmier den Mund nicht.
И. Персты часто ѹтираи.
Digitos sæpe terge.
Die Finger truckne offt.
П. Въ носѣ не долби.
Nares ne fode.
Nicht stüre in der Nase.
И. Молчи коли тебе не спрашиваютъ.
Non rogatus tace.
Schweig weil man dich nicht fragt.

П. Ежъ

П. Ежъ сколко можешъ.
Quod satis est, ede.
Iß so viel du magst.
И. Наедщися встань.
Cum satur es, surge.
Wenn du gnug hast so stehe auff
П. Опять помыи руки.
Rursus lava manus.
Wasche die Hände wieder.
И. Збери[1] со стола.
Mensalia tolle.
Heb das Tischgeredt auff.
П. Благодари Гда̃ Бга̃,
Deo gratias age.
Sag Gott dem Herren danck.

Конецъ.

---

[1] Напеч. звери вм. збери.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К выходному листу.

„Шелдонов театр" — одно из зданий Оксфордского Университета, построенное епископом Кэнтерберийским Жильбертом Шелдоном (G. Sheldon, 1598 — 1677) в 1669 году для Университетских актов и представлений. а потом вместившее в себе типографию Оксфордского Университета. Изображение фасада Шелдонова театра стало в XVII—XVIII в.в. маркою изданий Оксфордского Университета. Я воспроизвел его на снимке выходного листа, табл. 1.

2. К снимку автографа Лудольфа (табл. 2).

На экземпляре Г. Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина имеется автограф Лудольфа, воспроизведенный мною. „Singulari amico meo Dr. Prof. Voltemate benevolae recordationis ergo hunc suum libellum transmittit H. W. Ludolf. Londino d. 5 Iuny. 1696".

„Единственному моему другу Доктору профессору Вольтэматэ на добрую память эту свою книжечку посылает Г. В. Лудольф. Лондон. 5 июня 1696 г".

Мне не удалось установить, где жил этот проф. Вольтэматэ. В Nordisk Familjebok, т. 32 имеются сведения о профессоре Университета в Упсале Генрике Юлии Вольтэмат, историке, родом из Ревеля, сыне оберлейтенанта, но годы его Упсальской профессуры (1723—1763) почти исключают возможность отождествления этого профессора с другом Лудольфа.

3. К посвящению книги.

Вот что сообщает о кн. Борисе Алексеевиче Голицыне секретарь австрийского посольства Иоганн Корб. (Дневник путешествия в Московию, пер. Малеина стр. 54): „Кн. Б. А. Голицын весьма учтиво принял, до своего отъезда в поместье, секретаря вручившего ему письма. Этот князь знает латинский язык и любит употреблять его". (стр. 70): „Сегодня госп. Посол отправился с очень б. частью своей свиты к кн. Голицыну как с целью торжественного посещения его, так и для дружеской беседы. С поразительной любезностью князь приказал своим музыкантам-полякам разыгрывать различные пьесы для развлечения присутствующих; кроме того он усердно просил г. Посла посетить его поместье... Наконец князь велел подать различные сорта вин, чтобы показать всю мощь своего богатства... У этой молодежи (детей кн. Б. А. Голицына) есть наставник-поляк, они теперь занимаются изучением латинского языка".

А вот что рассказывает де ла Невилль (стр. 431) „Я решился писать к молодому Голицыну (Борису Алексеевичу), любимцу царя Петра... При посещении он не беседовал со мною так, как его родственник (кн. Вас. Вас. Голицын), но только угощал меня водкою и все время свидания с ним прошло в питье. Я мог узнать при этом от него, этого пьяницы, только то, что аудиенцию дадут мне через три дня"... (чтобы правильно понять этот рассказ надо помнить, что де-ла Невилль был шпионом французского короля, приехавшим под чужим паспортом, и что это было известно кн. Б. Голицыну) (стр. 434). — Я отправился к (Б. А.) Голицыну и застал у него Артамоновича (Матвеева). Они спрашивали, как показался мне царский обед. Я ответил, что к несчастью французские повара до того испортили мой вкус, что я не могу оценить русских лакомых блюд. Тут они выразили желание отведать французского стола и я пригласил их на следующий день откушать у меня. Они охотно согласились с условием, что у меня будут только знакомые им люди... Оба гостя были чрезвычайно довольны моим сто-

лом, так что посылали даже некоторые из блюд своим женам, и, без дальнейших церемоний забрали с собой все сухие фрукты, уверяя, что в жизнь свою не случалось им так хорошо пообедать, но чтоб я не надеялся на такое угощение у них".

4. К предисл. стр. 48 (IX).

Лудольф не совсем точно передает названия 2-х из 4-х упоминаемых им книг Симеона Полоцкого: „Обѣдъ душевный" и „Вечеря душевная". Очевидно, их не было под рукою в Лондоне.

5. К предисловию стр. 48 (X).

О распространенности знания латинского языка в образованных кругах Москвы свидетельствует, кроме прямых указаний иностранцев, как в данном случае, еще и обилие переводов с латинского, обилие латино-русских словарей, латинской терминологии в ботанических (травниках) и медицинских книгах (лечебниках) XVII—XVIII в.в. Ср. еще сообщение Бломберга (Blomberg An account of Livonia. London. 1701) о митрополите Московском Маркелле, говорившем по латыни, по французски и по итальянски.

6. К стр. 49 и 55 книги Лудольфа (стр. 76 и 79 этого издания).

Семья — жена. Ср. в Актах Холмогорской и Устюжской Епархии (Русская историческая Библиотека XIV, стр. 558): „А на другой день изождалъ семьишко мою дома одну, да пришедъ по прежнему безчестил".

В книгах Ипатьевского монастыря (55): „Был государев бояринъ... в монастыре похоронять семьи своей Агрипены". Так же и во Вкладных книгах Антониева Сийского мон. (21) — „Андрѣевская семья Петровича Клешнева Ирина Андреевна восемь рублей".

В диалектах верхнего Поволжья известно и теперь такое употребление слова „семья".

7. К стр. 58 (81).

Вдругъ — одновременно. Ср. Письмо Петра I от 20. VIII. 1696 г. к Виниусу: — „Письма по двумъ почтамъ къ намъ вдрукъ пришли". (Письма и бумаги Петра, т. I, 109).

8. К стр. 92 (98).

Упоминание о серебряных копях курфюрста Саксонского надо поставить в связь с тем, что и сам Лудольф был родом из Эрфурта и родственники его служили при дворе этого курфюрста.

Рудбециус (Olaus Rudbeck, 1620-1702) знаменитый ботаник, археолог, и медик, профессор Упсальского Университета. Ссылка Лудольфа имеет в виду трехтомный труд Рудбеция: Atlantica sive... vera Japheti posterorum sedes. Upsal. 1675—1698. 3 vol. in fol.

9. К стр. 93 (100).

Boranetz. Ср. у Н. И. Костомарова. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПБ, 1860. стр. 184: „Русские уверяли иностранцев, что на низовьях Волги растет животное-растение — баранец; оно приносит плод, похожий на ягненка. Стебель его идет через пупок и возвышается на три пяди; ноги мохнатые, рогов нет, передняя часть, как у рака, а задняя совершенно мясо. Оно живет, не сходя с места, до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу. Показывали меховые шапки и уверяли удивленных зап. европейцев, что эти шапки из меха „баранца".

10. К стр. 94 (100).

Ciceris instar extensum. К разъяснению этого на первый взгляд неточного перевода („на подобие гречихи") мне послужило указание в Latina Grammatica El. Kopiiewitz 1700, p. 36: cicer — г р е ч и х а, а также свидетельство словаря самого Лудольфа (стр. 86) „P i s u m — г о р о х", указывающее на то, что он не имел в виду в этом месте сравнения с зерном гороха.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ И ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ ЛУДОЛЬФА.

Пояснение.

Все слова приведены здесь в орфографии Лудольфа, но чисто графические особенности его книги не воспроизводятся (вместо ȣ в указателе пишем у, вм. ѧ или ꙗ — я, вм. ї, і — и). В тѣх случаях, когда орфография Лудольфа отличается от современных написаний, — сделаны соответствующие ссылки, выделенные курсивом.

Слова расположены по современному алфавиту, то есть без различения по порядку ѣ и е, ѳ и ф; и, і, v; не принимается в расчет и ъ при распределении слов, т. е. „въ" и „къ" предшествуют словам вашъ, какъ и т. п. Слова, встречающиеся только в цитатах из священного писания, помечаются „ц". Для слов, часто встречающихся в книге, приведены указания только на важнейшие места. Имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения приводятся в форме именительного пад. ед. ч., а глаголы — в форме инфинитива. Если слово встречается редко и ни разу не употреблено Лудольфом в исходной форме, то оно дается в той форме, в какой находится в тексте Лудольфа; фразеологические сращения и терминологические соединения (прилагательного с существительным, глагола с наречием или существительным) — также приводятся без восстановления начальных форм („челом бью", но не указывается слово „чело", „агурцы" — не указ. ф. ед. ч. „амигдальное ядро" — не указ. „амигдальный" и под.). В прямых скобках помещены все сделанные мною добавления. В ссылках указана пагинация книги Лудолвфа, а не переиздания.

Б. Л.

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

Т

У

Ф

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ответственный редактор Э. Н. Пялль. Технический редактор В. А. Лаумберг. Сдано в набор 13/VII-36 г. Подписано к печати 13/VII-37 г. Заказ № 1753. Леноблгорлит № 3801. Тираж 1000 экз. Бум. 62×88$^{1}/_{16}$. 10$^{1}/_{2}$ п. л. Бум. листов 5$^{1}/_{4}$. Колич. знаков в бум. л. 88600. Типография Коминтерн, Ленинград, Красная ул., 1.

